ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Каневчане

№11 • 2013

Благодарность

АТАМАНА КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

САЯПИНУ ВЛАДИМИРУ ЮРЬЕВИЧУ

главному редактору историко – литературного альманаха «Каневчане»

за активное, плодотворное сотрудничество в освещении проводимых мероприятий и деятельности Кубанского войскового казачьего общества, за пропаганду историко – культурного наследия Кубанского казачества и в честь Дня образования Кубанского казачьего войска и Дня кубанского казачества

АТАМАН
КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО
ВОЙСКА
КАЗАЧИЙ ГЕНЕРАЛ

Н.А. ДОЛУДА

Каневчане

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№11 • 2013

СОДЕРЖАНИЕ:

Колонка главного редактора
Владимир САЯПИН
Вступительное слово ... 3

Приемная администрации
Александр ГЕРАСИМЕНКО
Вместе пишем историю района ... 4
Владимир РЕПИН
Журнал как зеркало жизни ... 5

Чужого горя не бывает
Александр ГЕРАСИМЕНКО ... 6
Владимир РЕПИН ... 7
Валерий КОСТРОВ
Хроника милосердия ... 8

Вековой юбилей храма
Ольга ЗОРИНА, Маргарита ГЛАДКАЯ
Первый шаг в новый век ... 9

НАС ЧИТАЮТ
Лариса ЯКИМЕНКО
Отзывы читателей ... 16

ЛЕТОПИСЬ КАНЕВСКОЙ СТАРИНЫ
Валерий КОСТРОВ
Каневчане в Отечественной войне 1812 года ... 22
Валентин ЦВЕТКОВ
Раков, но очень маленький ... 24
Юрий ДЗЮБА
Жизнь, горькая, как полынь ... 30
Наталья ДУЛЕНКО
Благотворители станицы Каневской ... 36
Джон АКОПОВ
Плечо русского брата ... 38

КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЭВОДУ
Николай ЛЕМИШ
Кладбищенская или ярмарочная площадь ... 44
Александр ДЕЙНЕВИЧ
Рассекреченный голод ... 50
Виктор АНДРЮЩЕНКО
Георгиевские кавалеры ... 60
Привольненская Вознесенская церковь ... 62
Строевые песни кубанских казаков ... 63
Топонимы станицы Привольной ... 66

СТАНИЦА В ЛИЦАХ
Валентина МОТОРНАЯ
Маршрут его жизни ... 70

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ
Николай ЛЕМИШ
Дороги, которые не выбирают ... 76
Ноха СУЛТХАНОВ
Мы за ценой не постояли ... 83

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК»
Поздравления редактора «С Юбилеем!» ... 88
Владимир САЯПИН
Стихи ... 90
Зауэр с оптикой. Рассказ ... 93
Николай ЛЕМИШ
Сын. Рассказ ... 95
Татьяна КУН
Стихи ... 103
Чапка. Рассказ ... 105
Степан ДЕРЕВЯНКО
Станичные новеллы ... 106
Фосфоглив. Рассказ ... 108
Зоя СИЗОВА
Стихи ... 110
Полюся. Рассказ ... 111

Знакомьтесь
Ольга СЕРГАНЬ
Пахнет мятой Троица. Рассказ ... 114
Стихи. Романсы ... 114
Джон АКОПОВ
Стихи ... 116
Валентина ВЕРВЕКИНА
Стихи ... 116
Ольга ЗОРИНА
Стихи ... 117
Ольга БАРАБАШ
Стихи ... 118
Татьяна ГРЕЧАНАЯ
Стихи ... 118

Наш гость
Полина ЭЛЬ ГХАЗИ
Стихи ... 119

Проба пера
Екатерина ТЫЩЕНКО
Детские стихи ... 120
Ангелина КОВАЛЫК
Детские стихи ... 120

Станиця Канивська

«Зайшла хмара з-за лымана,
А другая з поля...»
Зажурилась Канивськая –
Така наша доля.
Залышайе йийи Канив –
На высокий кручи
И кобзар Тарас Шевченко,
Ще й Днипро ревучий!
За кордоном Канив.
Мымо воли це спыткалось:
Сыротыной ты зосталась
Объявылысь демократы
По-миж козаками...
На степах Кубани.
Не горюй, станыця-маты,
В купи з хуторамы!..
Двисти рокив з того часу,
Як мы заснувались.
Комыши в рики Чолбаси
Кровью красувалысь:
Злийи люды оружамы
Хаты руйнувалы,
Козаченькы башлыкамы
Сльозы утыралы...
Била лебидь з гусакамы
У заводи ярыться.
Ой, кубаньськая станыця –
Канива сестрыця.

Иван ВАРАВВА.

Перед Вами, уважаемые читатели, очередной номер журнала. Необычность этого номера в том, что это первый номер, вышедший при финансировании районной администрации. Очень приятно сознавать, что наконец-то журнал и труд его создающих получил оценку. А нам что? Доброе слово всем приятно, а нам – тем более; мы готовы с удвоенной энергией продолжать наше дело, оправдывая доверие.

Спешим поделиться радостью: Ваш покорный слуга и творческий коллектив журнала удостоены Благодарности Атамана Кубанского казачьего войска. Её вы и видите на первой странице. Как казак знаю: это дорогого стоит, далеко не каждое издание в крае удостоено такой награды. Да и мне как человеку очень приятно. Скажу одно, без нашего творческого коллектива ничего бы этого не было, низкий мой поклон всем труженикам пера, моим «боевым» товарищам.

И ещё одна радость – под редакцию журнала и творческое объединение «Родник» районная администрация выделила офис, администрация сельского поселения оказывает существенную помощь в его обживании. Слава Богу, теперь есть где собраться творческим людям района, есть куда пригласить талантливую молодежь. Без этого нельзя, придет время – кому-то надо будет передавать наше детище. Чтобы никоим образом не угасла трепетная свеча чистейшего света патриотизма, любви к прошлому, тяги людей к светлому и прекрасному. Иногда приходится слышать от некоторых: «А зачем оно вам это надо? Ни денег, ни славы особой здесь вам не снискать». И в самом деле, задумаешься: «А зачем?» И не знаешь, что ответить, а дело свое – не бросишь. И наверно, это и прекрасно, что не сумел я толком объяснить, «для чего» делать с радостью свое дело. Вот таков он, наш коллектив. Для меня огромное счастье работать с этими людьми.

С новым номером вас, дорогие земляки, с вечным возрождением прекрасного и загадочного!

Ваш Владимир САЯПИН.

Каневчане 2013

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№11 • 2013

УЧРЕДИТЕЛИ
Администрация Каневского сельского округа

ИЗДАТЕЛЬ
Творческий коллектив журнала

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
САЯПИН Владимир Юрьевич

Зам. главного редактора –
КУН Татьяна Гавриловна

КОСТРОВ Валерий Павлович
АКОПОВ Джон Суренович
ЗОРИНА Ольга Сергеевна
СИЗОВА Зоя Алексеевна
ЛЕМИШ Николай Фёдорович
ЦВЕТКОВ Валентин Александрович

Компьютерная вёрстка и дизайн –
НИКИФОРОВ Андрей Владимирович

Фотографии:
Андрея НИКИФОРОВА
Михаила МОРГУНА
Степана ДЕРЕВЯНКО
Валерия КОСТРОВА
Жанны ОМЕЛЬЧЕНКО
Татьяны КУН

Подготовлено к печати и отпечатано в ОАО «Кубанское полиграфическое объединение» ст. Каневская, ул. Черноморская, 21
Заказ №7514.
Тираж 999 экз.

ВМЕСТЕ ПИШЕМ ИСТОРИЮ РАЙОНА

Уважаемые читатели журнала «Каневчане»! Рад поздравить коллектив редколлегии, всех авторов публикуемых в нем материалов, а также читателей историко-литературного альманаха с тем, что у нас в районе двадцать лет назад собралась группа единомышленников и реализовала свою задумку по изданию журнала.

Горячая заинтересованность в сборе достоверной информации об истории района и желание сделать ее доступной для всех помогают бескорыстно выполнять важную миссию. Имена первого редактора альманаха «Каневчане» Владимира Михайловича Тощева и нынешнего, Владимира Юрьевича Саяпина, который, кстати, недавно отметил свое 55-летие, должны занять достойное место среди имен каневчан, внесших большой вклад в сохранение истории нашего района.

Я горжусь тем, что районная администрация тоже причастна к благородному делу заполнения белых пятен нашей летописи.

По обращению редакции газеты «Каневские зори» мы приобрели для Каневского историко-краеведческого музея электронную копию номеров газеты «Знамя ударника» за 1931 – 1943 годы, утерянных во время оккупации. Я уверен, что этот бесценный материал станет предметом тщательного изучения краеведов, пристального внимания всех, для кого история малой родины не заканчивается школьной программой по краеведению.

В этом уникальном издании есть место событиям не только давно минувших дней, но и современным. В нынешнем году мы впервые отмечаем День местного самоуправления, который учрежден в честь десятилетия вступления в силу Федерального Закона № 131. История становления органов местного самоуправления также нашла отражение на страницах альманаха. Думаю, что о депутатах, квартальных, общественных активистах тоже можно рассказать много интересного как о людях, которые своими делами меняют к лучшему родной хутор или станицу.

Уверен, что через некоторое время в архиве журнала «Каневчане» будет интересно найти материалы о том, как и в связи с чем появился в станице памятник святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, когда преобразилась пляжная зона, по чьему замыслу изменился центральный парк станицы Каневской, как после 30-летнего перерыва в районе был построен новый детский сад. Одним словом, есть еще много тем, ожидающих своего отражения в летописи района – историко-литературном альманахе «Каневчане».

Александр ГЕРАСИМЕНКО,
глава муниципального
образования Каневской район.

ЖУРНАЛ КАК ЗЕРКАЛО ЖИЗНИ

Уважаемые земляки! Передо мной лежит очередной номер нашего журнала. Я не ошибаюсь, называя его нашим, он заслужил это, как и коллектив авторов, готовивших его к выпуску. Приятно отметить, что журнал из номера в номер выходит всё более качественным, как по внешнему виду, так и по содержанию. Мне как главе поселения приятно узнавать, что журнал пользуется заслуженной популярностью не только в районе, но и в крае, и далеко за пределами края.

Хочется пожелать коллективу и в дальнейшем не опускать «планку» достигнутого. Кроме того, хотелось бы, чтобы в журнале нашли освещение новые рубрики, касающиеся и нашего настоящего, потому что оно через короткое, самое короткое время уже станет историей. Хотелось бы, чтобы журнал предоставил страницы и для представителей многих народностей, проживающих в районе. Что ни говори, но это тоже наша действительность, мы живём бок о бок друг с другом, и хотелось больше знать об их культуре, обычаях, проблемах, ибо не бывает чужих проблем, если сосед хороший.

Удивляет позиция районного казачества. Есть такой журнал, свой, а они не используют возможности освещения своих дел, проблем и достижений. Я думаю, журнал всегда будет готов предоставить для этого свои страницы. На мой взгляд, необходимо публиковать материалы о стариках, последних, кто помнит, как всё было раньше, и тут важно торопиться, уходят они, как и ветераны войны. А их воспоминания трудно переоценить для молодого поколения, тех, кому это небезразлично.

Хотелось бы, чтобы журнал больше рассказывал о том, что делается в станице и в районе в качестве благоустройства, строительства. Ведь мы, каневчане, в этом плане не последние в крае, так почему бы это не отметить? Ещё раз поздравляю коллектив с выходом очередного номера. А также хочется поздравить главного редактора, Саяпина В.Ю. с днём 55-летия , который он отметил в эти дни, пожелать ему и в дальнейшем, успехов на своём поприще, здоровья, чтобы он ещё долго радовал нас новыми, всё более качественными, как номерами журналов, так и своими книгами, которые также нашли своего любящего и ценящего читателя.

Успехов и удачи всему коллективу историко-литературного альманаха «Каневчане», спасибо за журнал.

Владимир РЕПИН,
глава Каневского
сельского поселения.

А.В. Герасименко – услышать каждого.

Каждый из нас и все общество в целом использует опыт, накопленный в прошлом, для того чтобы формировать будущее. И только сегодняшний день дает возможность для реальных действий. Со школьной скамьи мы знаем о героизме россиян в годы Великой Отечественной войны , во время восстановления разрушенной страны, об их сплоченности, взаимовыручке, мужестве.

Тот исторический опыт, те гены, которые заложили в нас предки, никуда не исчезли. Сегодня я точно знаю, как крепка нить, связывающая поколения. Я не согласен с утверждением, что сегодня людям незнакомы эти чувства.

Когда случилась беда у жителей города Крымска, вся Кубань поднялась для оказания помощи. Каневчане одними из первых разбили там свой лагерь, привезли продукты питания, стройматериалы, начали разбирать завалы, отмывать дома от грязи.

Конечно, лучше пусть больше не повторяются такие жуткие события. Но именно они положили конец разговорам о том, что вся молодежь сегодня эгоистична, реальному миру предпочитает виртуальный. Она разная, и всегда была такой.

Задачу историко-литературного альманаха «Каневчане» вижу в том, чтобы сохранить в памяти нынешнего и будущих поколений не только дела давно минувших дней, но и эти и другие события, из которых состоит наша жизнь сегодня.

Александр ГЕРАСИМЕНКО,
глава муниципального
образования Каневской район.

А.В.Герасименко
и жители г. Крымска.

На разборке завалов.

Вручение медалей главой Каневского сельского поселения Репиным В.Б.

Трагедия в Крымске потрясла каждого. Люди со всей Кубани откликнулись на горе. В Каневском сельском поселении тоже организовали сбор помощи, в пострадавший город выезжали люди, которые помогали восстанавливать привычную жизнь.

20 ноября в доме культуры «Колос» награждали таких волонтеров. По этому случаю были изготовлены специальные медали «За помощь в ликвидации ЧС в г. Крымске».

Глава поселения Владимир Репин поблагодарил людей за их неравнодушие и вручил медали. В восстановительных работах участвовали ОАО «Водопровод», ОАО «ОСК», МУП «Чистая станица», работники ИП Штепа, сотрудники администрации и двух парков ст. Каневской, активная молодежь поселения.

В заключение Владимир Репин подчеркнул, что считает работу штаба Каневского района одной из лучших: «Вы показали, что вы настоящая команда Каневского сельского поселения».

31 января в администрации Каневского сельского поселения наградили еще 14 человек. Решением Совета депутатов медаль вручили и главе поселения Владимиру Репину.

Валерий КОСТРОВ

ХРОНИКА МИЛОСЕРДИЯ

Летом прошлого года на Кубани произошло наводнение, ставшее настоящим стихийным бедствием для жителей нескольких районов Краснодарского края. Сильнее всего пострадал Крымский район и город Крымск, где были разрушены и подтоплены тысячи домов и социальных объектов, погибли люди.

Каневчане одними из первых откликнулись на эту трагедию. Сразу же был образован оперативный штаб Каневского района.

Территория Крымска была разделена на 40 участков, распределённых между районами края. За нашим муниципальным образованием было закреплено шесть улиц, жители которых бесплатно получали в штабе воду и продукты, одежду и обувь, постельные принадлежности, дезинфицирующие и моющие средства.

Глава Каневского района Александр Викторович Герасименко, его заместители, волонтеры, бригады строителей, представители администрации района и всех поселений, муниципальных предприятий, казачества, молодежи долгое время находились в Крымске и оказывали помощь пострадавшему городу и его жителям.

В ликвидации последствий стихийного бедствия приняли участие более тысячи добровольцев из нашего района. Они разбирали завалы, вывозили строительный мусор, выносили из домов и квартир поврежденную мебель, чистили и мыли, восстанавливали разрушенные дома.

По всему району работали пункты сбора гуманитарной помощи. Все, кому не безразлично людское горе, могли оставить пострадавшим одежду, обувь, продукты питания, детские вещи, игрушки, средства личной гигиены. Многие перечислили денежные средства для пострадавших крымчан.

Очень большую помощь оказали предприятия и предприниматели Каневского района. Ежедневно в Крымск привозили тонны питьевой воды, соки, овощи, хлеб, кондитерские изделия, одежду и постельные принадлежности.

Для проведения работ по расчистке территории в пострадавший город были отправлены грузовые автомобили, самосвалы, погрузчики и другая техника.

Медицинские работники, специалисты муниципальных и краевых служб проводили обходы, составляли акты об ущербе и формировали списки на выплаты различных пособий.

Каневчане организовали трёхразовое горячее питание более пятисот местных жителей и волонтёров. Инвалидам и одиноким пожилым людям доставляли горячее питание на дом.

По словам главы Каневского района Александра Викторовича Герасименко, справиться с этой бедой помогла взаимовыручка: «Я хочу сказать о той проверке на прочность, на умение работать единой командой, которую мы с честью прошли, помогая пострадавшему от стихийного бедствия городу Крымску. Все оперативно и с пониманием реагировали на обращения администрации района, которая взяла на себя координирующую роль и ответственность за жителей вверенного нам участка города. И все поняли, что в трудной ситуации именно власть становится тем связующим звеном, которое объединяет и мобилизует всех ради достижения поставленной цели и для избежания хаоса.

В эти дни мы поняли, сколько в наших душах живет доброты и сострадания, стремления быть полезными обществу и конкретным людям.

Около тысячи каневчан участвовали в расчистке завалов, вывозе мусора, восстановительных работах, организации питания, оказании медицинской помощи, оформлении документов, выдаче пособий, ремонтных работах, терпеливо выслушивали потерявшихся от горя людей и делали все возможное и невозможное, чтобы решать их проблемы.

Слова благодарности я адресую тысячам простых жителей района, всем сельхозпредприятиям, предприятиям переработки, малого бизнеса, строительным организациям, представителям разных партий и общественных объединений – тем, кто делал все необходимое, чтобы наладить нормальную жизнь в пострадавшей части города».

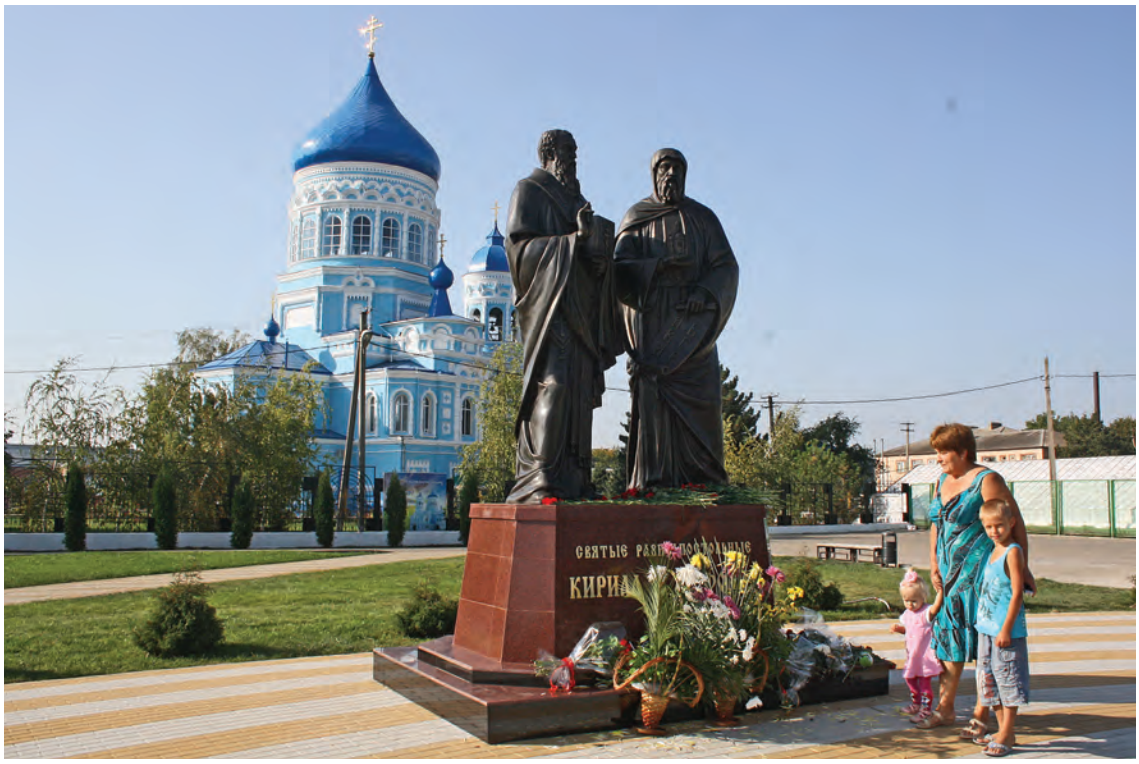
Опыт, полученный различными службами в Крымске, в дальнейшем помог оперативно ликвидировать последствия наводнения в посёлке Новомихайловском Туапсинского района.

В районном Дворце культуры в июле 2012 года экспонировалась выставка фотографий, сделанных нашими земляками во время спасательных работ в Крымске.

На шести стендах были представлены более сорока снимков, отразивших ситуацию в пострадавшем городе и вклад каневчан в его восстановление. Некоторые из этих снимков вы можете увидеть на страницах нашего журнала.

Сегодня Крымск вернулся к нормальной жизни. Удалось восстановить системы жизнеобеспечения, привести в порядок объекты социальной сферы. В городе функционирует вся основная инфраструктура, аварийно-восстановительный этап завершен.

Необходимо отметить чёткую координацию всех проводимых работ, а также чуткость и отзывчивость каневчан по отношению к жертвам стихии. Искренняя благодарность жителей Крымска и Новомихайловского была им наградой.



Ольга ЗОРИНА, Маргарита ГЛАДКАЯ

ПЕРВЫЙ ШАГ В НОВЫЙ ВЕК

Вековой юбилей отпраздновал каневской Свято-Покровский храм в воскресенье, 30 сентября 2012 года. Уже к половине девятого утра в сквере у храма собрался народ. Люди с интересом знакомились с выставками, заходили в курени. Под белой тканью пытались рассмотреть очертания нового памятника.
А главное, ожидали прибытие высокого гостя – преосвященного епископа Ейского Германа.

Казачьи курени построили Новоминское и Стародеревянковское поселения. Христианскую живопись представил каневской художник Игорь Погорелов. Выставки декоративно-прикладных работ подготовили художественная школа, центр детского творчества «Радуга» и районный Дворец культуры. Но взгляды притягивало белое полотно, укрывшее до времени памятник святым Кириллу и Мефодию – главный подарок каневчанам к 100-летию Свято-Покровского храма.

Под колокольный звон к воротам церковной ограды подъехали гости. Преосвященного епископа Ейского Германа встречали каневские священники, главы районной и местной администраций, прихожане и гости храма. Владыка прошествовал в церковь, где его приветствовал настоятель, протоиерей Сергий Брижан.

В это особое в жизни храма воскресенье он был не просто полон, но переполнен. Каждому хотелось именно в этот день помолиться миром и причаститься Святых Христовых Тайн. Возглавил литургию епископ Герман. Кроме него, служили ещё одиннадцать священников. Пятеро – каневские. Это настоятель храма-юбиляра протоиерей Сергий Брижан и его священники протоиерей Владислав Кашков и иерей Михаил Пеньков; настоятель каневского Свято-Пантелеимоновского храма протоиерей Александр Брижан. Очень важно, что в этот день в богослужении участвовал протоиерей Георгий Сидоров, восстановивший наш храм и бывший его настоятелем тридцать три года.

Протоиерей Андрей Дашевский, настоятель тихорецкого Свято-Успенского храма, около семи лет был настоятелем нашего храма. Его помнят и любят многие каневчане. В литургии участвовали протоиерей Иоанн Феер, настоятель Свято-Вознесенского храма Приморско-Ахтарска; благочинный Тимашевского округа, настоятель Свято-Вознесенского храма протоиерей Виктор Савенко; настоятель староминского Свято-Покровского храма протоиерей Алексей Самойленко; штатный священник Свято-Екатерининского храма Краснодара Илларион Максимец.

Три диакона и четыре хора вплетали голоса в молитвенное пение владыки и батюшек, сделав службу величественной и проникновенной до слёз. А в «Символе Веры» и «Отче наш» слились воедино голоса и души всех молящихся в храме.

Ко времени исполнения Таинства Причащения перед церковным амвоном выстроились большие очереди прихожан, готовых приступить к Святой Чаше. За три дня до праздника настоятель отец Сергий объявил пост по всей Каневской, с тем, чтобы достойно подготовиться к юбилею и самому великому Таинству. И желающих причаститься было так много, что Причастие совершали одновременно и в центре храма, и правом приделе. В центре причащал сам епископ Герман. Снова и снова раздавалось стройное пение краснодарских семинаристов: «Тело Христово приимите, источника бессмертия вкусите!».

После молитвы Честному Кресту епископ Герман благословил каневчан и обратился к ним с проповедью, в которой простыми словами сказал о важности участия в спасительных для христианина церковных Таинствах Исповеди и Причастия. Соединяясь через них со Христом, мы черпаем силы для несения своего креста, служения Богу и земного предназначения. Только так христианин мо-

жет противостоять силам зла, препятствующим на жизненном пути. И сам образ христианина, подчеркнул епископ, должен быть примером человеку, далекому от церкви.

Владыка с радостью отметил, что храм-юбиляр вобрал в себя большой организованный приход, за что поблагодарил отца Сергия. Затем он поздравил всех с юбилеем храма, пожелав мира и благоденствия на многая лета, и передал архипастырское благословение от Владыки Исидора, молитвенно участвовавшего в торжестве вместе с каневчанами. Епископ Герман также поздравил с днем ангела женщин, носящих имена Веры, Надежды, Любови и матери их Софии, пожелав с достоинством нести великие христианские добродетели, и выразил благодарность главе района Александру Герасименко и всем, кто участвовал в подготовке праздника.

Настоятель Свято-Покровского храма Сергий Брижан поздравил с торжеством владыку и все духовенство, каневчан и гостей станицы, сердечно поблагодарив за участие в празднике. Вспоминая события из истории храма, он подчеркнул, что храм остался нерушимым на фоне полного уничтожения всех церквей на территории от Краснодара до Ейска. В этом было Божие предназначение и для жителей других районов, которые могли посетить единственный уцелевший храм, возведенный с любовью нашими предками. И сегодня мы имеем возможность возносить молитвы к Богу в этом храме, сохраненном для нас и благоукрашенном. Затем отец Сергий вручил владыке Герману в знак признательности прекрасные цветы.

Очень трогательный подарок преподнёс Свято-Покровскому храму его бывший настоятель отец Андрей Дашевский – это икона святых благоверных князя Петра и княгини

Февронии, выполненная его дочерью, выросшей в Каневской и первые молитвы свои принесшей именно в нашем храме.

После литургии священники и прихожане Крестным ходом проследовали в сквер у Свято-Покровского храма. Там их поджидали каневчане и гости станицы, собравшиеся на открытие памятника святым Кириллу и Мефодию. Его автор – ростовский скульптор Дмитрий Лындин, среди произведений которого – «Коробейник» в Ростове-на-Дону, «Ассоль» в Геленджике и «Египетская пирамида» в Таганроге. Сам он – человек православный, на духовную тематику уже создавал работы и небольшие, и монументальные. Но святых Кирилла и Мефодия ваять ещё не доводилось.

«Слава Богу, всё получилось, результатом я доволен. Сама тема вдохновляла, – приоткрыл секрет творчества Дмитрий Лындин. – Я пошёл по пути иконописного варианта: не

пытался их сделать людьми мирскими, а взял за основу икону. Нельзя сказать, что они выполнены строго в канонах, но близки к каноническому изображению. Я считаю, что это правильно, потому что мы их воспринимаем как святых. Коль они остались у нас в большей степени в иконописных изображениях, я считаю, это уместно».

Пересмотрев много икон, Дмитрий Лындин не создал копию. Он взял только образ, наиболее подходящий для воплощения в скульптуре. Святой Мефодий прижимает к груди Евангелие – свидетельство неустанной пастырской деятельности; святой Кирилл держит в руках храм и свиток со славянским алфавитом, выполненным в старорусском стиле письма. Автору удалось передать индивидуальность каждого из братьев: лицо Кирилла несёт печать тонкой одухотворенности и задумчивости; Мефодий мудр, его ум занят благочестивыми мыслями.

Облаченные в широкие монашеские одеяния, фигуры просты, естественны, но в то же время величественны. Бронзовые изваяния высотой 2,5 метра возвышаются на бетонном постаменте, установленном, в свою очередь, на мощном гранитном основании. И в день 100-летия храма они явили свое величие всем гостям праздника, когда глава района Александр Герасименко и епископ Герман сняли покров со скульптурной композиции.

Владыка отметил, что просветители смотрят на школу. А в школах в этом году ввели основы православной культуры, и именно святые Кирилл и Мефодий стояли у её истоков. Первые книги, напечатанные с помощью их азбуки – это книги Священного Писания, и по ним люди учились читать. Просвещение важно не только детям, но и взрослым, подчеркнул митрополит Герман, потому что псевдокультура, насаждаемая Интернетом и СМИ, несёт мощный поток негатива. И нужно не просто любоваться этим памятником, а смотреть на него осмысленно: «Будем молиться святым Кириллу и Мефодию, чтобы славяне объединились в вере в Бога – в этом наша сила. Ну а пример покажите, пожалуйста, вы, каневчане».

После освящения памятника к собравшимся обратился Георгий Кокунько, представитель благотворительного фонда «Вольное дело».

Он предложил создать музей тех, благодаря кому Свято-Покровский храм устоял. Глава района вручил грамоты создателю памятника скульптору Дмитрию Лындину, настоятелю храма протоиерею Сергию Брижану и районному архитектору Наталье Апанасовой.

Завершился праздник выступлением православного театра «Звонница» и образцового ансамбля народной песни «Квиток». А в небо взмыли белые голуби и гроздья воздушных шаров, возносящие ввысь полотна с надписью: «100 лет Свято-Покровскому храму». И дай Бог, чтобы 200-летие храма так же ярко отметили наши внуки и правнуки!

Важные события в жизни храма-юбиляра этим не завершились. 9 октября его посетили губернатор Кубани Александр Ткачев и его заместитель Галина Золина. Настоятель Свято-Покровского храма протоиерей Сергий Брижан показал высоким гостям внутреннее убранство церкви, в частности, уникальный алтарь из итальянского мрамора. «Это очень хорошо, что вы сохраняете культурные и духовные традиции нашего края, – сказал Александр Ткачев батюшке, – спасибо вам за это!». Помолившись в храме, губернатор возложил цветы к ногам святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. А отец Сергий подарил ему миниатюрную копию памятника. Через несколько дней после этого визита из краевой столицы прибыли дары к юбилею Свято-Покровского храма, в их числе – книги и картины православной тематики для церковной библиотеки.

А 14 октября Свято-Покровский храм отметил сотый престольный праздник. В начале X века во Влахернском храме Византии, посвященном Пресвятой Богородице, народ молил Царицу Небесную о заступничестве от врагов-сарацинов. Спустя века, мы вспоминаем чудное явление Божией Матери, покрывшей тогда молящихся Своим Омофором. Каждый год именно 14 октября над Влахернским храмом сгущаются облака и сверкают молнии – это значит, что Богородица не забывает, покрывает, защищает. Такой же омофор простирается над каждым храмом, названным в Ее честь.

Как и сто лет назад, торжественно звучал колокол, созывая станичников, возвещая о вечном, непреходящем. Как и сто лет назад, Свято-Покровский храм собрал множество людей на праздник Покрова Божией Матери. Но теснота в храме не раздражала, наоборот, объединяла – вот она, соборность молитвы, полнота православного праздника! Священники в голубых облачениях, символизирующих чистоту души Святой Девы Марии, стройно вели праздничное богослужение. После литургии по православной традиции – Крестный ход. И праздничный молебен. И праздничная трапеза, подготовленная стараниями прихода при помощи директоров предприятий «Кубань», «Колос» и «Победа».

Церковная библиотека «Возрождение» встретила гостей интересным мероприятием, посвященным 100-летней истории Свято-Покровского храма. А книжная выставка «Дары к юбилею» удивила всех. Уникальные книги разнообразной тематики и интереснейшего содержания – подарок ко дню рождения храма от заместителя губернатора Галины Золиной. Выставку посмотрели и глава сельского поселения Владимир Репин, и гости из Краснодара, и, конечно же, читатели библиотеки.

Слава Богу, Покровский храм перешагнул столетний рубеж! Как не радоваться, когда храм переполнен, когда дети, сложив ручки крест-накрест, с чистым сердечком подходят ко Причастию. Быть может, и Сама Богородица радуется, видя это... Радуйся, Радосте наша!

Каневчане
1-2 1996
Историко-литературный журнал
1794 1996
С Днем рождения, станица
1996 · №4
Каневчане
1998 год
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Нас читают
Историко-литературный альманах
Каневчане
75 лет Каневском
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Каневчане
№9
ОСЕНЬ 2010 ГОДА
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУР
Каневч
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНА
Каневчане
№10
ВЕСНА 2012 ГО
ЮБИЛЕЙНЫЙ
ВЫПУСК

Ведущая рубрики
Лариса ЯКИМЕНКО

Наш журнал продолжает свое шествие по необъятной России. Уже есть постоянные читатели, с нетерпением ожидающие выхода следующих номеров. Высока планка, тем не менее, редакционный совет старается, чтобы с каждым номером журнал становился все интереснее.
Лариса Анатольевна ЯКИМЕНКО – наш ответственный секретарь по внешним связям, ведущая переписку с различными музеями нашей страны, писателями, артистами, отправляющая наши журналы по разным адресам, получает отзывы о нашем творчестве.

Л.ЯКИМЕНКО в доме-музее И.А. Бунина, г. Ефремов Тульской обл.

Нас читают

Дорогая Лариса Анатольевна, примите от меня и супруги поздравление с юбилеем Вашего альманаха и спасибо большое за юбилейный номер! Понравился содержанием и все, что написано о казачестве, об Отечественной войне. Материал добротный, и по теме хорош. Спасибо Вам и Зое Сизовой, что Вы настоящие подвижницы, благодаря Вам и держится культура на селе. Публикации читаются с интересом, переживаешь там, где ужасы войны, много всего представлено познавательного.... В общем, повезло объединению «Родник» и всем читающим, что журнал «Каневчане» возглавляет талантливый редактор Владимир Юрьевич Саяпин. И такое почему-то впечатление остаётся после прочитанных замечательных статей, стихов, очерков документальных и рассказов, будто вы, станичники, все ещё живёте при Советской власти. И это здорово, что сохранились духовно, совестливые, душевные, отзывчивые, и это главное, а не то, что по телевизору показывают. Стихи лирические Зои Сизовой тронули мою душу, сейчас осень и очень кстати светлая грусть. Написаны они с чистым сердцем. Но как ни странно, порадовало и рассмешило стихотворение девчоночки Маргариты Дорошенко, настолько живое, называется «Колыбельная». Немало стихов хороших и у других авторов. С удовольствием познакомился с прозой Степана Деревянко, Владимира Саяпина и Николая Лемиша («Полонез Огинского»).

Г.Г. ПОШАГАЕВ,
член Союза писателей России,
г. Краснодар

Замечательный отзыв прислал Александр Дмитриевич Мартыновский – член союза писателей СССР – России, лауреат литературной премии им. А. Знаменского.

Уважаемая Лариса Анатольевна!

Альманах «Каневчане» №10 – Юбилейный я прочёл, и очень благодарен Вам за предоставленную возможность ознакомиться с ним.

Альманах не просто понравился, без преувеличения скажу – я восхищен им! И хорошей полиграфией, и вкусом оформления, и уникальными фотографиями. Но более всего – содержанием.

Вы просили назвать авторов, чьё слово особенно тронуло моё внимание. Тут придётся, если не всех, то без малого всех называть. И это вполне серьезно говорю я Вам. И даже как-то почувствовал, какие замечательные люди содружествуют в альманахе, замечательны не только даром творческим, но душой и помыслами своими. Кровной любовью к отчему краю и людям его.

И тут не могу я не вспомнить слово Солоухина о капле росы. Вот так же, как в капле росы отражается весь мир, так и в вашем «Каневчане» отразились и любовь к прошлому малой родины, и благодарное поклонение предкам, и живое участие в настоящем, и заботе о будущем не только родного края, но и всей нашей великой Родины.

И всё это вместе взятое определило уровень альманаха, который, на мой взгляд, не уступает требованиям к центральным изданиям подобного рода.

Не взыщите, если мысли свои я буду высказывать не в последовательности публикаций, в том нет никакой намеренности. Меня захватили, во-первых мотивы гражданственности материалов.

Бесценную публикацию Нохи Султханова «Не стреляй в меня, брат!» я бы желал отпечатать миллионными тиражами памяткой, и вручить каждому хотя бы в России, а в первую очередь обитателям Кремля, дабы они поглубже осознали, чего жаждут люди России, и чего желает простой смертный всей Земли. Спасибо ему за его сердце, за его чаяния, за его светоносное

слово, за его гражданскую позицию. После прочтения «Не стреляй в меня, брат!» невольно задумался. И унесли меня мысли в минувшие века и тысячелетия, на протяжении которых человечество с нечеловеческой жестокостью и ненасытным безумием занимается самоуничтожением.

Ещё раз повторяю: Все вы прекрасны. И это лишний раз подтверждает, насколько талантливы, богаты умом и сердцем народы наши. Насколько прекрасна в своём величии Родина наша – в своём многоцветии бесценных жемчужин её – всех народов и племён.

Я только открыл альманах, и сразу покорило и глубоко тронуло меня стихотворение Владимира Саяпина «С любовью к Каневской». Прямо таки Гимн любви и верности родной стороне. «Пахнет скошенный хлеб, словно матери добрые руки». Стихотворение – гимн, стихотворение – исповедь. А какое завещание!

Владимир Саяпин и в прозе успешен, душевен, убедителен. («Бурыс», «Каре») хорошо чувствуется, что человек он богатой, сострадательной души, общественник, патриот, с замечательным даром художника.

Николай Лемиш невольно увлёк меня своей прозой: «Дороги, которые не выбирают», «Полонез Огинского», «Ночной гость». Они замечательны. Если у него есть «в столе» материалы о войне гражданской, о коллективизации, о Великой Отечественной войне, желательно бы их видеть на страницах альманаха. Исключительные судьбы, факты исторических испытаний, выпавших на долю ваших земляков – это всегда бесценные страницы памяти и назидания грядущим поколениям.

Не могу обойти и Степана Деревянко. Его язык, точный глаз рисуют очень живописные картины быта, конечно же, надо эти бесценности наших традиций, нашего уклада, характеров, поступков благородности и подвига запечатлевать. И всё, испытанное временем ценить, защищать и утверждать. Ибо хотим мы того, или нет, но многовековая атака на Отечество продолжается. И нам надо отвечать решительным отпором всеми возможными средствами. И в первую очередь в первых рядах самого грозного оружия должно быть Слово – великий дар Божий!

А как замечательны материалы «Летопись Каневской старины» – Каневской курень с реестром! Очень привлекли меня эти страницы (В. Цветков, В. Костров, Н. Дуленко, Н.Рудобаба).

Уважаемая Лариса Анатольевна!

По разделу «Нас читают» я ещё раз убедился, удостоверился, сколь велика ваша увлеченность просветительской деятельностью, и сколь обширно её благотворное воздействие. Успехов Вам в Ваших радетельных и творческих делах.

С удовольствием ознакомился с ценными материалами Александра Дейневича о великом нашем земляке, Духовном отце и Кубанском Диде – Фёдоре Андреевиче Щербине. Замечательно они придают весомость альманаху.

А как хороши, просто изумительно хороши эти золотые россыпи из народной жизни, быта, духа его, собранные в «Этнографических этюдах» известного публициста, вашего земляка Виктора Андрющенко! Очень полезно и нам, пожилым, освежать память о нашем былом, и ценно об этом говорить молодому поколению. Возможно редколлегия журнала будет обращаться (а может уже обращалась – я же не знаком, к сожалению, с предыдущими номерами альманаха) к его прежним сборникам. И чтоб сбывалось его желание: «Выражаю надежду, что работа эта будет продолжена, и писать её будут представители последующих поколений».

Сильно и талантливо ваше литературное объединение «Родник» По моему впечатлению, Юбилейный альманах, думаю, немного прибавлю, или скажу, что он встаёт вровень с подобными изданиями российского и столичного уровня по своим художественно-историческим достоинствам.

Владимир Саяпин успешен и в поэзии, и в прозе. А какова его «Память!» Господи, спаси и помилуй нас за то страшное помутнение разумом. И об авторе тоже хочется сказать его же словами: «Пока есть такие люди, быть Кубани, будут расти дети, помнящие, кто они!»

А певучие стихи Зои Сизовой так и просятся на песню; и образностью, и чувствами, и раздумьями. Они глубоко естественны, проникновенны, и уверен, находят отзыв у читателя. От души желаю ей дальнейших успехов.

Уверен, что непременно привлекает внимание читателей творчество Татьяны Кун. Чувствуется уровень требовательности к себе, поиск совершенства формы и мысли в обоих её жанрах – в прозе и поэзии. И это главное. Легких успехов в серьёзном творчестве не бывает. Для всех нас требование совершенства – постоянно.

Если я кого-то минул в письме, это совершенно не значит, что я не оценил автора. Ещё раз повторю: «Всё мне понравилось». И ценно, что столь обширен актив, который приобщает к своему делу редколлегия. Чем больше людей будет привлечено к участию в изданиях, тем будет больше возможности качественней и содержательней представлять свои издания – это общеизвестные истины.

И во всех других направлениях надо оживлять внимание земляков к участию в жизни «Каневчане» Надо пробуждать в них все те ценнейшие составляющие смысла и образа жизни, которые так взволнованно звучат на страницах вашего альманаха. Помните, у великого Пушкина? «...что чувства добрые я лирой пробуждал»... Чем здоровей душа, тем крепче нация. Тем надёжней наше будущее. Вы на этом пути. И спасибо вам за это, удач!

По себе знаю и представляю, как нелегко добываются средства для издания журнала. И всё ж таки уверен, что состоятельные организации, предприниматели и бизнесмены, взяв в руки «Каневчане» в какой-то момент самооценочно глянут на себя, и вспомнят слова «Родина, долг и честь» и станут добрыми вам помощниками в духовном совершенстве и укреплении единства нашего народа..

С наилучшими пожеланиями
А. МАРТЫНОВСКИЙ.

Посылаю Вам обещанный «Отзыв на альманах «Каневчане» – весна 2009 г.»

Открываешь журнал и сразу же обращаешь внимание на разнообразие содержащихся в альманахе материалов.

Видимо, из-за своей профессии я в первую очередь открыла раздел, где представлены работы членов историко-литературного объединения «Родник». Стихи. Их оценка и восприятие всегда субъективны. Любое стихотворение, тронувшее одного человека, может другого оставить равнодушным. Стихи, по-моему, надо чувствовать, а не анализировать, чем, в общем-то, грешит наша школьная программа, наши уроки литературы. Анализ убивает поэзию. Лично я почувствовала, светлую грусть в стихах Людмилы Вешневицкой, на мой взгляд, очень женских. В них звучит лиричная мечта о счастье, которое «видится... впереди». А как удачно выражено состояние одинокого сердца:

«А в сердце надежда звездою искрится,
Все манит и манит куда-то меня».

Привлек внимание поэтический образ душицветка, созданный Лидией Ляшко:

«Душа цветком умеет открываться
На зов небес и силу красоты.»

Отозвалось сердце и на искреннее чувство любви к родному краю, выраженное Татьяной Кун в стихотворении «Я люблю тебя, моя станица». Я его читала как собственный монолог о родном селе. Думаю, что многие читатели могли бы заменить название станицы названием своего села – в этом объединяющая сила поэтического слова, заставившего испытать одинаковые чувства. А поэт всегда поэт, он выше похвал и критики. Ему, как правильно пишет Татьяна Гречаная, не надо «громких слов восхищенья», «не надо ни любви, ни вранья». А что надо?

«Вы читайте стихи –
В них для вас вдохновенье,
И любите весь мир...»

Достаточно интересны и очерки этого раздела. Очерки – судьбы. Как жалко Степаниду Власовну с ее терзающей душу тяжкой думой; ну как могли появиться на свете такие Велиоры (Николай Лемиш «Господня кара»), как их только земля носила. Кто виноват в этом? Может, ответ в эпиграфе, к которому поневоле обращаешься не один раз, читая текст, и прав Салтыков-Щедрин М.Е. в том, что подлость времени связана с подлостью человека?

Очерк Зои Сизовой «Журавлевка» – объяснение в любви родной деревне. Мне кажется, не одна я, читая отдельные фрагменты текста, восклицала: «Так это же о моей деревне!» От рассказа пахнет детством. Бабушка, коровы с колокольчиками, кружка парного молока, ягоды, комбайны на уборке хлеба, танцплощадка, керосиновая лампа. Всё это было, было, было и в моей соловьиной деревне Щёкотово (от слова «щёкот»– соловьиное пение, по словарю В.И.Даля) на заросшей черёмухой речке Чернавке. И моя деревня, подобно Журавлевке, «умерла». Зоя Сизова, наверняка, оптимистка. *«Землю отдали под дачи. Это очень замечательно!»*, – пишет она, а я вот с ней не могу согласиться: не вижу в этом ничего замечательного. Хотя, уж лучше пусть дачи, чем борщевик. Действительно, остаётся только надеяться на то, что правильно воспитанное будущее поколение будет уметь «не только разрушать, но и создавать». Надежда ведь, как говорят, умирает последней.

Раздел «Горькая память войны» очень важен и очень нужен. Я вообще считаю, что если мы перестанем говорить и писать о войне, то слово «патриотизм» быстро станет пустым звуком.

Жуткий, потрясающий материал – «Голгофа Лиенца». Просто дыхание перехватывает, и не знаешь что сказать. Да и что тут скажешь? Лучше последовать совету В.Саяпина и просто, прочитав эти строчки, помолчать...

А сколько разных эмоций и мыслей вызывает рассказ «Волчица»??! Я прочитала рассказ своим одиннадцатиклассникам, он их просто потряс: по окончании чтения ещё минут 10 в классе стояла мертвая тишина. Обдумывали, осознавали, потрясенные услышанным. А ведь нынешнюю молодежь не так-то легко «зацепить». И до сих пор, вот уже три месяца, в работах – сочинениях старшеклассников встречаются рассуждения по поводу содержания рассказа, текст стал источником аргументов по разным проблемам. Запомнили, задело за живое, а это значит, что рассказ «Волчица»– настоящая литература. Вот некоторые фрагменты из отзывов ребят на рассказ Владимира Саяпина:

1. *«Как могла женщина-мать так поступить!? Прав автор, её нельзя считать человеком. А что пришлось пережить Василию, когда он узнал правду, страшно подумать, и всё-таки не поднялась у него рука на мать. Герой-фронтовик, прошедший такую войну, видевший и переживший море боли и утрат, убит родной матерью. Семёновна не могла не понимать там, на площади, что вместе с внучкой убивает собственного сына».*

2. *«Господи, да что же это? Фашисты пытаются спасти девочку (солдат выталкивает ее из толпы; офицер делает вид, что не заметил этого), а родная бабушка убивает».*

3. *«Истоки этой трагедии в трагедии другой – в гражданской войне, войне братоубийственной. Семёновна потеряла мужа, убитого возле дома в 1919-ом. Она помнит, что убийца был евреем, и совершает страшную ошибку: ненависть к убийце переносит на всю нацию. Злоба заполняет её сердце и заставляет совершить преступление. Так одна трагедия порождает другую».*

4. *«Нельзя чернить всю нацию, судить о ней по поступкам отдельных личностей. Сколько таких печальных примеров в нашей истории. И своим рассказом Владимир Саяпин наглядно показывает, к чему это может привести».*

5. *«Мне очень хотелось бы найти в рассказе хоть что-то, говорящее о раскаянии Семёновны. Ведь была же она когда-то человеком: любила мужа и сына, гордилась своим Василием, общалась с односельчанами. Но автор не один раз обращает наше внимание на «пустой взгляд» Семёновны («ни ненависти, ни любви»), смотрящей на сноху и внучку и дома, и на площади. И ещё одна деталь: ни слезинки из глаз матери, прощающейся с сыном, и ни слова в ответ на просьбу сберечь Риту и Наташу. Как будто тогда уже задумала Семё-*

новна своё чёрное дело. Может ли оправдать убийство её личная трагедия? Нет».

6. *«Неужели даже тогда, когда старуха брела между шарахающимися от неё людьми, понимая, что стала изгоем, не шевельнулось в ней раскаяние? Она не пытается вернуться к людям, столбом стоит перед пришедшим с войны сыном, покорно ждёт смерти от его руки. Может это осознание вины? Что «прочитал» сын на лице матери? Видимо, все-таки не раскаяние...»*

7. *«Рассказ называется «Волчица». Вроде бы в тексте слово это имеет двойной смысл. Две героини – волчицы: животное и Семёновна, которую так стали называть односельчане. Заглавие скрывает в себе антитезу: противоположны е поступки волчиц. Одна спасает родное существо, а другая – убивает. Даже обидно за волчицу, что также назвали Семёновну. Думаю, что Владимир Саяпин имел в виду всё-таки одну волчицу (не зря это слово в заглавии употреблено в единственном числе), волчицу-мать, которую переполняет «счастье ощущать в зубах тёплый комок» – своего спасённого сыночка. А Семёновна не только звания человека недостойна, но и того, чтобы её «именем» назвали рассказ».*

Привлекает внимание начало рассказа. Оно сразу же удивляет, заинтриговывает: уж очень жестокие слова об умершей произносят богомольные старушки. А ведь на Руси не принято говорить плохо о покойниках. Сразу же хочется выяснить почему, то есть прочитать рассказ. Концовка рассказа всё-таки о торжестве материнских чувств и даёт возможность думать, что такие матери, как Семёновна,– это не правило, а исключение. А главное, образ Семёновны – это образ предостережение. Люди, думайте, вот куда может завести ненависть!

Спасибо Владимиру Саяпину за замечательный рассказ!

Раздел журнала «Казацькому роду нэма пэрэводу...» натолкнул меня на одну мысль – подарить ваш журнал в музей, да не в простой, а в музей казачьей истории. Я вам писала, Лариса Анатольевна, о мероприятии в нашем «Волоколамском Кремле», где учебные заведения представляли экспозиции своих музеев. Так вот, оказывается, в филиале Московской Академии туризма (есть у нас такой в Волоколамске) существует музей по истории казачества. Они представляли и форму, и оружие казачьих войск, и книги, и журналы. Думаю, что ваши альманахи их заинтересуют и обрадуют.

Мне была интересна статья Александра Дейневича «Пятиглавое чудо». Я вообще люблю читать о храмах. Сейчас покупаю постоянно журнал «Православные храмы: путешествие по святым местам». Вышло уже 14 номеров.

Судьбы наших храмов, как и людей, очень схожи: сначала разрушаем, а потом пытаемся восстановить, только не всегда есть что восстанавливать.

В станице Новодеревянковской разрушили в 1938-ом храм св. Николая Чудотворца, а у нас в Осташёве в это же время разобрали на кирпич храм Александра Невского.

Хорошо, что на вашей земле нашлись люди – созидатели, думаю, что за три года Свято-Никольский храм уже построен, и службы в нём идут, и колокола звонят. Восстановление же нашего Александровского храма невозможно. Даже место(земля) уже продано в частные руки и застроено, в том числе и бывшее церковное кладбище.

Не такова ли судьба вашего Каневского Свято-Троицкого храма, чья фотография помещена на второй странице обложки?

Желаю успехов во всех благих начинаниях.

Нина Александровна ТИШАКОВА,
учитель русского языка и литературы,
с. Осташёво, Московская обл.

Я прочла журнал, который Вы мне прислали. Очень интересные статьи, познавательные. Особенно мне понравилась статья Николая Лемиша «Господня кара».

И. А. ЕМЕЛЬЯНОВА,
музей-заповедник А.А.Блока,
Шахматово,
Московская обл.

Журнал Ваш очень интересный и мы с коллегами с удовольствием его читали. Особенно впечатляют рубрики: летопись Каневской станицы, материалы историко-литературного объединения «Родник», «Горькая память войны» и уж конечно «Каневская в лицах».

Е.Н. ВЕРЕТИНА,
музей «Зарайский Кремль»,
Московская обл.

Спасибо вам за присланный вами журнал. С большим интересом его прочитала. Особенно запомнились мне рассказы Н. Султханова «Одна, но пламенная жизнь», Н. Лемиша «Господня кара», В. Саяпина «Волчица». Это замечательно, что у ваших краеведов и писателей с поэтами есть возможность печатать свои произведения.

И.В. СМИРНОВА,
дом-музей Н.А. Некрасова,
г. Чудово, Новгородская обл.

Присланный Вами альманах понравился, с моей точки зрения, интересно исследование А. Дейневича о Храме св. Николая Чудотворца, также заинтересовала публикация Н. Бетелла «Голгофа Лиенца», – действительно, малоизвестный факт нашей истории.

В.А. МОРОЗОВА,
музей-заповедник
«Дмитровский кремль»,
Московская обл.

Уважаемая Лариса Анатольевна, мы признательны Вам за возможность ознакомиться с историко-краеведческими материалами и литературными произведениями авторов Кубанской земли. Несомненно, они требуют внимательного к себе отношения и вдумчивого изучения. Наш музей с благодарностью получит от Вас в дар литературно-исторический альманах «Каневчане».

А.М. РЯЗАНОВ,
директор музея-заповедника
А.С. Пушкина,
с. Большие Вязёмы,
Московская обл.

Получил от Вас историко-литературный альманах за 2010 г. Прочтя этот журнал, я переполнен большими чувствами, оставленными в моей душе от очень глубокого содержания.

Во-первых, уникальные «Материалы исторической справки Каневской станицы» Валерия Кострова, щемящее чувство гордости своей родословной Нины Грищенко «История одной династии». Очень интересны материалы о купце Богомолове и торгующих точках станицы Каневской.

Во-вторых, уникален раздел «Казацькому роду нэма пэрэводу» и его именной список казаков и жителей станицы, умерших от ран.

В-третьих, интересен материал объединения «Родник».

В статье Зои Сизовой «Быль про купца Богомолова» говорится о мельнице, построенной Богомоловым недалеко от элеватора. Напишите, сохранилась ли мельница Богомолова? Если можно, то пришлите ее фото.

* * *

На днях получил от Вас журнал «Каневчане», большое спасибо. Журнал, хоть он и 1998 года, очень интересен. Особенно мне интересно было прочитать материал «Каневская: люди и события» и «Каневская: корни нашей родословной» автора Федора Сидоренко. Мне было приятно узнать, что он стал лауреатом именной премии Главы администрации Краснодарского края в 1997 году. Интересен материал и Николая Лемиша о Каневской районной больнице.

Чистые и светлые стихи историко-литературного объединения «Родник».

И, конечно, Ваш материал «Гастроли в Каневской» и «Внимая искусству!».

Особая благодарность районной гимназии, на сцене которой состоялись гастроли артистов.

Вы делаете великое дело, приобщая станичников к искусству литературы и театра. Большое Вам за это спасибо!

В.С. ПИЛИПЕНКО, краевед, фотохудожник, путешественник, преподаватель ВУЗа, г. Новокузнецк.

С удовольствием прочли присланный вами журнал, замечательно, что история родного края находит такой отклик и интерес у вас. Все статьи вызывают отклик в душе, но хочется выделить особо «Этнографические этюды», в которых упор делается на традиции и культуру казачества, общий экскурс. В целом весь журнал интересен, как можно выделить что-то одно. Теплотой и душевностью проникнуто творчество местных авторов, такие лиричные и проникновенные рассказы, поэзия. Рассказ «Звонок из детства» просто будоражит воспоминания, от него веет чем-то узнаваемым и близким каждому. Нам понравилось и оформление и компоновка юбилейного номера журнала, искренне желаем Вам дальнейших успехов в таком прекрасном деле.

И.Н. ЗАХАРЕНКО, научный сотрудник краеведческого музея, г. Старая Русса, Новгородская обл.

Здравствуйте, дорогие мои далекие друзья!

«Летопись Каневской старины...» Читать о казачестве, мне кажется, всегда и всем интересно. Читаю В. Цветкова о хуторе Бурсаки – не могу оторваться, читаю дальше – «Первый председатель Совета» – просто пропала!.. Какое умное, благородное, прекрасное лицо у этого Коваленко, какой настоящий он человек и его товарищи, царствие им небесное!.. Конечно, я разрыдалась над его судьбой. Обозначено ли как-то место их гибели, их могила?

О Великой княгине Ольге В. Кострова также читала на одном дыхании. Интересно, повторяю, всё. И о священниках «Династия Дроботковских».

Всё – и материалы Кострова, и Дейневича о Ф.Щербине, и Бориса Вакка «Казацкая душа с французской земли» – всё трогает до слез.

Несмотря на то, что наша партизанская семья сполна хватила лиха на оккупированной немцами Брянщине, читать без содрогания «Дороги, которые не выбирают» Н.Лемиша об эвакуации в вашем крае я не могла.

«Посылка из Сибири» Степана Деревянко (два раза прочитала – пересыпанный живописью украинской речи, кажется, сам рассказ стал тёплым от этого, как от той же овчины, тёплым от доверчивости героев – простых людей, на которых-то земля и держится; и совсем вскользь – о раскулачивании...)

Т. Кун «Звонок из детства», очень «уютное» повествование, я бы сказала, своим благоуханием даже напоминает детские впечатления русейшего писателя Ивана Шмелева.

Саяпин все такой же молодец – в первую очередь, как редактор: такое богатое содержание! Очень колоритно его стихотворение «В доме детства».Такая чуткость детской души автора уже выдаёт в нём художника (даже то, что он, Саяпин, в предисловии к стихам Лукьянова пишет об усмешке, «фирменной» ушедшего товарища, которой ему не хватает – так может чувствовать не только друг, но и художник – я несколько раз вглядывалась в лицо Лукьянова... Мудрый, ироничный взгляд (это та самая «фирменнаяусмешка»), отличные стихи!)

А Саяпин был атаманом?! «С вашим атаманом не приходится тужить!!!»

Благодарю за всё. Обнимаю. Низкий поклон вашей прекрасной и трагической земле. Дай Бог, чтобы все трагедии остались в прошлом.

Н.А. СОБОЛЕВА, педагог, редактор газеты «Земля Трубчевская», Брянская обл.

Глубокоуважаемый собрат по перу, Владимир Юрьевич!

Очень жаль, что мы не встретились воочию, но читая ваши стихи, перелистывая страницы альманаха, я очень хорошо Вас поняла, как человека, поэта, художника...

Раскрыв журнал, не могу остановиться, читаю и перечитываю...

Кажется, что это всё, о чём хочу сказать и написать я. Такая лирика... Такая нежность... И главное: в подтексте, между строк читается состояние Вашей души – психологически зрелой, но с детской непосредственностью, с привкусом горечи, что свойственно очень глубоким и эмоционально богатым натурам. Спасибо, что презентовали меня в вашем альманахе, пришлю новые свои «опусы». Я постараюсь выразить свои чувства к Вашему краю, к людям, к нашему поколению... (не старому), зрелому, опытному, глубоко – переживающему.

С уважением Светлана СРИБНЯК, 18.10.2012 г., г. Мелитополь.

Летопись каневской старины

Валерий КОСТРОВ

КАНЕВЧАНЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Исполнилось 200 лет со дня начала Отечественной войны 1812 года. 24 июня армия Наполеона вторглась на территорию Российской империи. Война была тяжёлой, враг дошёл до Москвы, но благодаря героизму народа и таланту военачальников Россия одержала победу.

Свой вклад в разгром захватчиков внесли и жители Кубани. С первых дней войны казаки насмерть бились с наполеоновскими захватчиками.

В документальном альбоме «Казаки Черноморского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813-1814 годов», изданном краевым управлением по делам архивов и Государственным архивом Краснодарского края, приводится «Список казаков конных и пеших полков под командованием подполковника Данило Плохого, участвовавших в походах против французских войск».

Из этого исторического документа, хранящегося в краевом архиве, мы можем узнать фамилии некоторых наших земляков – участников войны с Наполеоном.

В перечне личного состава 8-го конного полка значится казак «Канивского куреня» Михаил Вовк.

Отдельным пунктом списка упомянуты казаки «Канивского селения» Степан Чумак, Андрей Филипенко, Иван Шаблей и Осип Крячка.

Данило Плохий, под командованием которого казаки сражались с французами, служил в Черноморском казачьем войске с 1780 года. Был рядовым казаком, затем старшиною, хорунжим, сотником, полковым есаулом, подполковником. Он – кавалер орденов святого Владимира, святой Анны и прусского королевского ордена «За военные заслуги».

Полк под его командованием воевал в авангарде летучего корпуса генерала Матвея Платова и принимал участие во многих сражениях, в том числе на территории Германии и Франции.

Разумеется, наши земляки, перечисленные в данном списке – не единственные каневчане, участвовавшие в боях с армией Наполеона. Краевые архивы хранят немало исторических документов, которые ещё ждут своих исследователей...

Известна нам и ещё одна фамилия, оставившая свой след не только в истории Кубани, но и в топонимике Каневского района.

Хутор Бурсаки, расположенный у реки Большие Челбасы, – ровесник станицы Каневской. Его основателем считается Фёдор Яковлевич Бурсак, сын священника, родившийся в 1750 году в дворянской семье Антоновичей на Украине и получивший прекрасное образование и воспитание. Он учился в Киевской духовной семинарии, но бежал оттуда в Запорожскую Сечь, где по традиции получил прозвище Бурсак, которое стало фамилией.

Александр Суворов дал высокую оценку его боевым подвигам и представил к награждению золотым знаком за храбрость, проявленную при штурме Измаила. После переселения Черноморского войска на Кубань Бурсак был

избран войсковым казначеем, а затем – войсковым атаманом.

В 1803 году в Екатеринодарской крепости он открыл первое на Кубани учебное заведение, которое спустя год было преобразовано в войсковое училище. А в 1805 году при этом училище Федор Бурсак и протоиерей Кирилл Российский открыли первую на Кубани библиотеку.

Кубанский историк Евгений Дмитриевич Фелицын писал, что Фёдор Яковлевич «совмещал в себе все необходимые качества для того, чтобы быть полезным деятелем в войске: он был прекрасным офицером и разумным администратором».

Его старший сын Афанасий Фёдорович Бурсак стал прославленным героем Отечественной войны 1812 года. Он родился 230 лет назад, в 1782 году. В четырнадцать лет начал службу рядовым казаком, участвовал в походах и боевых действиях на Кавказе. В пятнадцать лет Бурсака произвели в сотенные есаулы, в семнадцать лет – в хорунжие, ещё через год – в сотники. В 1807 году Афанасий Фёдорович стал полковым есаулом и был назначен адъютантом военного министра.

В 1810 году Бурсак получил чин войскового полковника, а через год стал командиром гвардейской Черноморской сотни, приняв непосредственное участие в её формировании на Кубани.

С началом Отечественной войны 1812 года казаки-черноморцы участвовали во многих сражениях. В бою под Витебском они стремительно атаковали французов, ворвались на вражескую батарею и сбросили пушки в овраг. Все это произошло на глазах у Наполеона, который находился рядом с большой свитой. Успех казаков вынудил императора приостановить наступление.

В один из критических моментов Бородинского боя М. И. Кутузов направил конницу Ф. П. Уварова и М.И. Платова в обход левого фланга наполеоновской армии с приказом атаковать противника с тыла. Смелый рейд казаков значительно повлиял на исход сражения.

Черноморские казаки отличились и в заграничных сражениях с Наполеоном. В ходе «Битвы народов» в 1814 году под Лейпцигом французы прорвались к российской императорской ставке, что грозило пленением царя.

Положение спасла конвойная казачья сотня Бурсака, которая бросилась наперерез французским драгунам и завязала жестокий бой. Это позволило соседним русским полкам прийти на помощь и отбить нападение французов.

За свои подвиги Афанасий Бурсак был удостоен орденов Святого Георгия Победоносца, Святого Владимира, Святой Анны с алмазными знаками. Затем он получил за храбрость наградное золотое оружие и прусский орден «За военные заслуги».

Его казаки участвовали во взятии Парижа, их лагерь располагался на знаменитых Елисейских Полях. После заграничных походов полковник Афанасий Бурсак служил в столичной гвардии, а в 1818 году перевёлся на родную Кубань и был назначен командиром Второго конного полка Черноморского казачьего полка.

В период Кавказской войны Бурсак лично побывал во многих боях. В 1825 году он трагически погиб, утонув в реке Кубань. В 1913 году по указу императора Николая II его имя было присвоено Первому Черноморскому полку Кубанского казачьего войска.

Кубанский казак Максим Иванович Недбаевский писал в своих воспоминаниях, что Пётр Бурсак, внук войскового атамана Фёдора Бурсака, был казаком станицы Каневской. «Пётр Павлович Бурсак очень любил свой хутор и станицу Каневскую, эти места успокоительно действовали на него по воспоминаниям детства и юности».

Участок земли в 360 десятин, принадлежавший их семье, находился в юрте станицы Каневской, а дом Бурсаков – в юго-восточном углу Церковной площади. Серебряные оклады икон и лампады в храме Сошествия святого Духа на апостолов – дар Петра Бурсака своей станице.

Мы можем гордиться нашими земляками, немало сделавшими для развития и защиты родной Кубани.

Представители славного рода Бурсаков:

Фёдор Яковлевич Бурсак.

Афанасий Фёдорович Бурсак.

Валентин ЦВЕТКОВ

РАКОВ, НО ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЙ

Хутор Раков.

Сегодня мы расскажем о самом маленьком населенном пункте Краснодарского края. Хутор Раков расположен в трех километрах западнее станицы Придорожной Каневского района. В настоящее время в нём проживают всего четыре человека – старожил Николай Васильевич Пономарёв и семья Петра Николаевича Кладова.

ОСНОВАТЕЛИ

...Окутал округу туман. Машина, покачиваясь на дорожных выбоинах, катила от Придорожной к хутору Раков. Лесные полосы по мере удаления постепенно растворялись и исчезали в сплошном «молоке».

Туман – как снег. Он прячет всё неприятное для глаз: и неухоженные поля, и заросшие до непроходимости лесные защитные полосы, и даже дорогу в колдобинах, уходящую, казалось бы, в никуда.

Но вот показался посреди поля лесной островок. Между деревьев – кресты. Это – хуторское кладбище. Чуть дальше – строения: побеленная старая хата, из костроблоков сложенный зерносклад, водонапорная башня, парники. В полукилометре – второе домовладение: шилеваный дом, полуразвалившиеся хозяйственные постройки. А вокруг – степь.

Таков сегодня хутор Раков.

...В станице Придорожной я легко разыскал Бориса Васильевича Ракова, которого с хутором связывает многое.

– Мой прадед Петр Раков и его брат Устим, – не без гордости начал он рассказ, – являются основателями хутора. Туда они приехали из Ейска еще до Великой Октябрьской революции, получили наделы земли и начали разворачивать дело. Сын Петра Григорий, мой дед, рассказывал, что у первопоселенцев было крепкое хозяйство: десять пар лошадей, две молотил-

ки, необходимый сельхозинвентарь. Сначала в хуторе жили только две их большие семьи, а в годы красно-белого противостояния, гонимые недругами с обжитых мест под Чипигинской, рядом с Раковыми поселились Степан Кривцов, Гавриил Беззуб и другие.

Хутор расширялся. На смену частной собственности пришла колхозная, и большую часть своего времени мужчины и женщины стали отдавать колхозу «Магнитострой», выращивая сельхозпродукцию во второй его бригаде.

РАСЦВЕТ И УПАДОК

В 1950 году, в период расцвета хутора, в нём имелось двадцать семь домовладений, разместившихся на двух улицах. На главной в одной из хат открыли начальную школу. Первой учительницей стала Анна Трофимовна Мельник.

– Где-то в 1958 году в хуторе специально было построено общественное здание, – уточняет библиотекарь станицы Придорожной Валентина Васильевна Куярова, родившаяся в хуторе. – В одной части его разместили детсад, в другой – школу. В двух комнатах одновременно занимались ученики четырех классов. Но детский сад просуществовал недолго, и помещение превратили в клуб, там демонстрировали кинофильмы.

В конце 50-х – начале 60-х годов двадцатого века одна за другой стали покидать хутор семьи. Одни в Придорожную перебрались, другие – в Каневскую.

В 1995 году хутор Раков покинула Анастасия Никодимовна Кривцова. Оставшись одна, без мужа, пожилая женщина уже не могла сама себя обслуживать и согласилась на переезд к сыну в Украину. Хату бросила. Кто ж её купит в пустом хуторе, у которого перспективы почти никакой?

Три года разрушались без живой души стены и крыша, гнил забор, кособочились сараи. И сравнялось бы всё с землей, если бы на окраине хутора, на своей земле, не решил устроить полевой стан каневской фермер С. Н. Кошель.

– И много у вас земли? – спросил я его при первой встрече.

– Для семьи пока хватает, – уклончиво, как и всякий предприниматель, ответил он. – С трудом хватает. – И тут же перешел на экономику: – Знаете, сколько предлагают скупщики за килограмм зерна? А какую цену ломят за горючее, удобрения, технику?

Я знаю и потому утвердительно киваю головой. «Обдирают» сельхозпроизводителей, это точно. Но они свое дело не бросают.

МАТЬ-ГЕРОИНЯ

Хуторские семьи, как правило, всегда были большими. Не стала исключением и супружеская пара Трофимченко – у Анастасии Александровны и Филиппа Ермолаевича родилось одиннадцать детей.

...Тетка Анна никак не хотела отдавать свою дочь Настю за Филиппа Трофимченко. Не приглянулся он ей и все тут. То ли вид его не говорил о крепком здоровье, то ли хозяйство отца не дотягивало до их собственного. Но разговора не получилось.

Обиженный Ермолай, отец Филиппа, хотел уже сосватать в соседнем хуторе другую дивчину. «За свого Кузьму кого хошь возьму», – говорил он, а душа сына к Насте присохла. И вокруг неё кружил он, и вокруг её матери – тетки Анны, всё впустую. Наконец, решился на разговор с главой семейства, человеком мягкого характера.

– Дядя Саша, люблю я вашу дочку, жизнь без неё не мила. Отдайте за меня Настю...

Какими словами ещё уговаривал Филипп будущего тестя, не знает уже никто. Только прощаясь в этот день с парнем, он заверил его:

– Теперь не курица кудахтать будет, а петух кукарекать. Присылай сватов.

Свадьбу сыграли в том же, 1918 году, а через девять месяцев, как и положено в приличных семьях, родился первый ребенок – сын Саша. Затем дети появлялись на свет через каждые два года – Анна, Николай, Иван, Любовь, Серафима...

После организации в хуторе Раков колхоза жить с каждым последующим годом становилось всё труднее. Люди, привыкшие работать на себя, никак не могли понять, почему с прежним усердием они должны трудиться на нечто абстрактное, отдачи от которого не видно.

Анастасию Александровну Трофимченко, когда она вместо трех рядков, к примеру, пропалывала в колхозе шесть, женщины одергивали: «Чего ты высовываешься? Хочешь, чтобы завтра норму увеличили?». А она работала так, как привыкла на своем наделе.

То ли отношение людей к тому, что уже не «мое», а «наше», то ли другой какой фактор повлиял, но колхоз, не успев встать на ноги, упал и по всем показателям проигрывал быв-

Старожил
Николай Васильевич Пономарёв.

Дом Н. В. Пономарёва.

шим индивидуальным хозяйствам. Наступал голод.

В 1933 году Анастасия не стала рожать – важнее было сохранить жизнь уже имевшимся детям.

Своего хозяйства – земли, скота – не было, в колхозных амбарах – одни мыши. Вот и пришлось ей спускать спекулянтам золотые украшения: кольца, цепочки, серьги, подаренные мужем в память о рождении детей, за продукты. Последние серьги выменяла в Придорожной за восемь килограммов муки. Три километра до хутора Раков несла её на себе, а потом малыми порциями готовила: пекла, варила – кормила и спасла всех. В других семьях голодные дети от случайного переедания умирали, и хуторское кладбище принимало всех.

В 1934 году у Анастасии и Филиппа Трофимченко родилась дочь Надя, в 1939 – дочь Евгения, 18 марта 1942 – сын Леонид. Но его отец не увидел – 13 января ушел на фронт. Сначала его отправили в станицу Прохладную, оттуда – в Новороссийск и далее пароходом в Крым. При высадке на берег десант обстреляли немецкие самолеты. Вместе со многими погиб и Филипп Ермолаевич Трофимченко. Похоронили всех в братской могиле в поселке Дальние Камыши.

Говорят, беда не приходит одна. Старший сын Александр, служивший в Прибалтике, с первых дней войны перестал писать домой, пропал без вести. Второй сын, Николай, не успев закончить Кубанский сельхозинститут, был призван в действующую армию, под Ростовом попал в плен, бежал, был осужден и направлен в штрафбат. Без оружия. «В бою добудете», – сказали ему и таким же несчастным.

Первый бой, в который их, безоружных, бросили, завязался под кубанской станицей Староджерелиевской. Николай увидел впереди сраженного гитлеровца. То ползком, то перебежками добрался до него, забрал автомат, но был смертельно ранен разрывной пулей в живот. «Добейте! – просил он однополчан. – Сил моих нет терпеть». И видя лишь сочувствующие взгляды, в отчаянии запел. Так с песней и отошел в мир иной.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны, 13 июля 1945 года, Президиум Верховного Совета СССР присвоил А.А. Трофимченко почетное звание «Мать-героиня», а в 1954 году она заслужила пенсию – 7 рублей 50 копеек.

ВСТРЕЧА ХУТОРЯН

Десять лет назад, когда каневская районная газета опубликовала серию статей о хуторе и его жителях, у бывшей хуторянки, заведующей библиотекой станицы Придорожной Валентины Васильевны Куяровой родилась идея – собрать земляков, разъехавшихся по городам и весям, вместе. Хоть на день.

И полетели письма в Краснодар, Ростов-на-Дону, Ленинградскую, другие города и станицы. Близко живущим звонила по телефону, приглашала. И они откликнулись. Около восьмидесяти хуторян, разбросанных по всему Северному Кавказу, съехались 7 декабря 2002 года на первую свою встречу в станицу Придорожную – в хуторе для этой цели места уже не было.

Ведущая, понимая, что годы изменили людей, и некоторые могут не узнать друг друга, провела перекличку. Называла главу семейства, а все приехавшие его родственники вставали в зале клуба, поддерживаемые бурными аплодисментами. Удивительно чётко память В. В. Куяровой сохранила имена глав семейств: Иван Пантелеевич Бузан, Фёдор Гаврилович Беззуб, Гавриил

Григорьевич Раков, Вячеслав Фёдорович Кривков, Илья Никитович Ендовицкий, Пётр Васильевич Пономарёв – всего более тридцати, тех, кто жил в хуторе в одно время с ней.

Всё, что происходило в стране, так или иначе затрагивало хутор Раков: коллективизация, Великая Отечественная война, культурные преобразования, экономический подъём, упадок и разорение.

Многие юноши и мужчины ушли на фронт и сложили там головы: Ф. Е. Трофимченко, А. Ф. Трофимченко, Н. Ф. Трофимченко, И. Г. Беззуб, Н. Ф. Гаврюшенко, П. С. Панарин, Г. Ф. Пономарёв, Д. У. Раков, И. У Раков, В. Г. Раков, Г. Г. Раков, Д. В. Раков, Л. А. Раков... Те участники боёв с фашистами, которые вернулись домой победителями, уже умерли. Предпоследний, И. И. Трофимченко, – 14 ноября 2002 года. На встрече чествовали единственного ветерана Великой Отечественной войны – Дмитрия Гавриловича Беззуба.

СОСЕДИ-ФЕРМЕРЫ

Придорожное сельское поселение, частью которого является и хутор Раков, в Каневском районе одно из самых маленьких и небогатых. Его территория от общей площади района занимает всего три процента. Населения – 2173 человека, в том числе трудоспособного – 1241. Градообразующих предприятий нет, поэтому основное внимание местная власть уделяет развитию малых форм хозяйствования.

Инициативу в том или ином деле на территории этого поселения, так уж складывается, в большей степени проявляют каневчане. В 2010 году там были построены первые теплицы на площади 3512

Знаете ли вы, что...

Первый в хуторе Раков колхоз «Магнитострой» твом «Красная звезда» (ст. Придорожная). Укрупнённому сельскохозяйственному предприятию дали имя Мичурина.

Первой в Каневском районе звания «Мать-героиня» 13 июля 1945 года удостоена жительница хутора Раков Анастасия Александровна Трофимченко (1900 – 10.05.1970). Женщине, родившей и воспитавшей одиннадцать детей, были вручены орден «Мать-героиня» и Грамота Президиума Верховного Совета СССР.

Первое общественное здание в хуторе Раков было построено в 1958 году. Сначала в нём одновременно размещались детский сад и школа, а позже – клуб.

Первый фермер, обустроивший в 1998 году рядом с хутором Раков полевой стан на своей земле, – каневчанин Сергей Николаевич Кошель. Вместе с ним жила и трудилась жена Виктория.

Жители х. Ракова разных лет.

Жители х. Ракова разных лет.

квадратных метров. Наиболее известным среди производителей овощей в закрытом грунте считается С. В. Андреев. Его примеру последовала фермер Наталья Евгеньевна Домникова. Своё хозяйство она разместила на окраине хутора Раков. За последние два года там проведены широкомасштабные работы. Три теплицы находятся в рабочем состоянии. Рядом – капитальное здание овощехранилища, артезианская скважина с водонапорной башней, машинный двор и подсобные помещения.

Ещё одну покинутую хату у родственников-наследников бывшей хозяйки купил другой каневской фермер – Анатолий Иванович Кривонос, и служит она ему конторой полевого стана. Двор в последующем, а на это ушло три года, застроили временными хозяйственными объектами – ремонтной мастерской, складом, сараями для животных. Оборудовали машинный двор. Основной рабочей силой, естественно, является сам фермер и его сын Иван – мастер на все руки. Он и сеять, и ухаживать за посевами, и убирать может, а ещё – ремонтировать технику, выращивать овец, коров, свиней и лошадей. От земли человек!

ОСНОВНЫЕ ХУТОРЯНЕ

Официально и постоянно в хуторе Раков проживают всего четыре человека. В одном доме – 84-летний ветеран Николай Васильевич Пономарёв, в другом не очень давний поселенец – Пётр Николаевич Кладов с семьёй. Первый живёт воспоминаниями, второй активной работой в личном подсобном хозяйстве, которое всех и кормит.

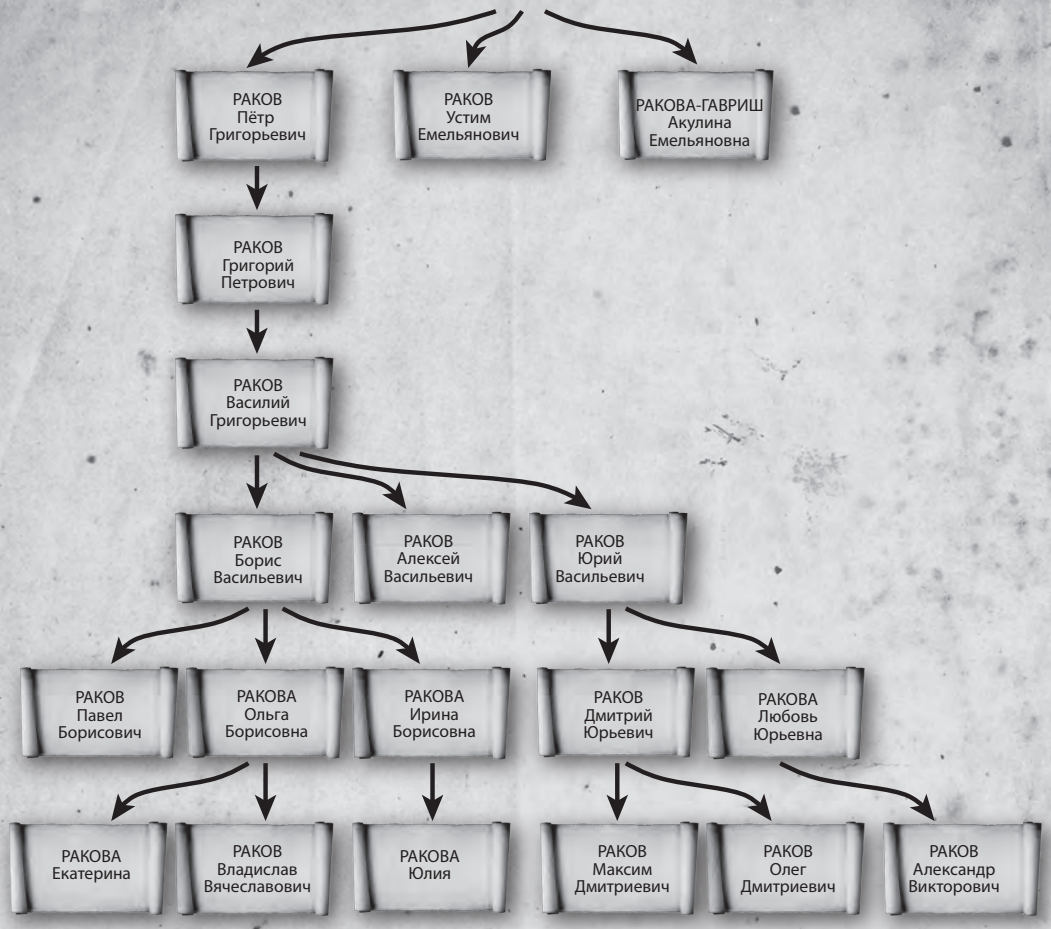
...Подворье Н. В. Пономарева, единственного из оставшихся здесь коренных хуторян, если идти по полевой тропинке, находится в полукилометре от автомобильной дороги, по которой почти никто и никогда не ездит, так как она из станицы Придорожной ведёт к бывшему полевому стану седьмой бригады бывшего колхоза имени Калинина, а значит – в никуда. Полевой стан давно заброшен и обрастает сорняками. У Николая Васильевича и дом большой, и подворье просторное, и кухня родительская рядом сохранилась. Вокруг – плодоносящие деревья, а на задворках – огород почти в семьдесят соток.

– Как справляетесь с такой площадью? – спрашиваю вышедшего к калитке 84-летнего мужчину.

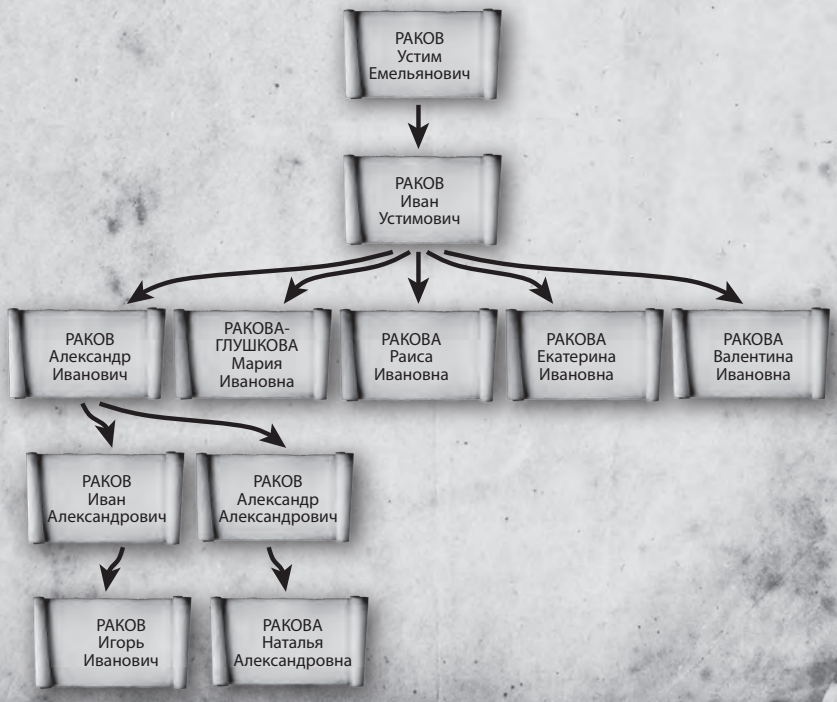
– Нелегко приходится, – признался он. – Раньше сам в огороде возился, а теперь со всем этим управляются сыновья. Несколько лет они с семьями жили вместе со мной, а теперь – в соседней станице Придорожной. Я же в одиночестве коротаю жизнь. Водопровод, проложенный от полеводческой бригады, давно не работает, но воду мне время от времени подвозят дети. Если что в магазине купить нужно, станица рядом. – Он помолчал, а потом, что-то вспомнив положительное, с улыбкой добавил: – А свет у меня есть...

С ближайшей станицей – Придорожной хутор связывает малопроезжая ничейная автомобильная дорога, с остальным внешним миром – электролиния. Других признаков цивилизации нет уже давно, с советских времён. Но люди живут, если это можно назвать жизнью...

Родословная Ракова П.Г.



Родословная Ракова У.Е.



Юрий ДЗЮБА

ЖИЗНЬ, ГОРЬКАЯ КАК ПОЛЫНЬ...

Время летит стремительно, и история Кубанского казачьего края отражается в новых формированиях этнического состава. Много появляется фамилий, несвойственных казачьему роду. И на этом фоне невольно задаешь себе вопрос: а кто ты? Читая труд Ф.А. Щербины «История Кубанского казачьего войска», я выяснил, что моя фамилия, как и многие другие, появилась на Кубани из Украины с момента освоения казаками Черномории.

ДЗЮБА Юрий Яковлевич, пенсионер, ветеран труда. Родился 5 октября 1941 года в х. Албаши. В 1959 году окончил среднюю школу № 43, затем курсы шоферов в г. Ейске. Работал водителем в колхозе «Заветы Ильича» Новодеревянковского сельсовета. После службы в Советской Армии окончил факультет ветеринарии Донского сельскохозяйственного института. Работал главным ветврачом в хозяйствах Староминского и Каневского районов. Проживает в ст. Новодеревянковской.

Я хочу рассказать о жизни и судьбе своего деда Загинайко Ивана Сергеевича, 1896 года рождения, о его предках и немного о нас, живущих. Все это он мне рассказывал более пятидесяти лет назад. Был он человеком очень трудолюбивым, воспитанным, физически крепким, глубоковерующим, читал православные книги, конечно, не курил, не употреблял спиртное. Все церковные праздники посещал церковь, ходил за 18 километров из хутора Албаши в станицу Новодеревянковскую на службу. В непогоду, в грязь, холод – для него это было не помехой.

Его дед Загинайко Федор Степанович попал на Кубань в середине XIX века, после отмены крепостного права в период заселения переселенцами Азово-Черноморского края. Обосновался в Ейском укрепрайоне. Семья была многодетная и кроме работы на крошечном участке земли, работали у хозяина – ловили рыбу. Освоили рыбопромысел и, заработав средства, они купили свои снасти и занялись всей семьей рыболовством. Эта деятельность, хоть и трудная, но позволила им через определенное время накопить финансовые средства. На эти деньги они купили у Войскового правительства свободные земли в районе лимана Кущеватый. Это в трех километрах от хутора Албаши, где сейчас находится Албашская охотстанция. В то время эти земли были свободные, поэтому вдоль лимана в сторону станицы Копанской по крутому берегу появились и другие землепользователи, купившие землю: Ишин, Мирошников, Чага, Серенко...

В связи с приобретением земли многодетная семья прапрадеда из Ейска переехала на свою землю, на берег Кущеватого лимана. Здесь они вырыли землянку, в которой размещалась семья из одиннадцати человек. Понад берегом посадили деревья, ясень – для защиты от подмывания. Для полноценной жизни было все: своя земля, жилье, богатый рыбой и дичью лиман. Камыш использовался в строительстве. Так как берег был высокий, то было видно, что глина залегает неглубоко.

Теперь семья Загинайко приступила к трудовой деятельности. В первую очередь построили кирпичный завод и наладили производство кирпича. Потом из кирпича рядом с землянкой построили времянку (типа летней кухни) с подвалом.

Земля была вся обработана и засеяна, обзавелись животными: лошади, скот, свиньи, овцы. Все заработанные средства тратились

Такими были хаты хуторских первопоселенцев.

на расширение производства. Далее были построены из кирпича конюшня, сараи, зернохранилище, навес для сена и хранения техники. Купили паровик, молотилку с элеватором, нефтяной двигатель и другие машины и инвентарь. И, только после создания прочной производственной базы, построили кирпичный дом и покрыли его оцинкованным железом. Усадьбу огородили кирпичным забором с широкими воротами с востока и калиткой с севера. С запада и частично с юга выход был на лиман Кущеватый.

Но время шло, и из большой семьи Федора Степановича при нем остался только сын Сергей Федорович. Он был женат и имел десять детей. Все заботы по хозяйству лежали теперь на нем. Из этих десяти человек детей был мой дед Иван Сергеевич.

Подошел 1914 год и старших сыновей Григория и Сергея взяли на фронт, в кавалерию – они погибли. Так как дети повырастали, то построили кирпичный дом в хуторе Албаши, а рядом построили магазин. Семья Загинайко никогда не торговала, а сдала магазин в аренду. Этот дом в хуторе Албаши после раскулачивания конфисковали и использовали под молокоприемный пункт, а в 1960-х развалили. Магазин долго служил по назначению, но также был развален.

Дочери вышли замуж: Варвара здесь за Мирошникова, Мария в Копанскую, Екатерина в Ейск.

В 1917 произошел захват власти большевиками, потом гражданская война, далее неразбериха, завершившаяся установлением Советской власти. Наступил 1929 год – коллективизация. В это время семья прадеда Сергея Федоровича подверглась жестокой судьбе – разграблению и уничтожению. Все нажитое таким тяжелым, но честным путем, было конфисковано в колхоз. Усадьба и дом разграблены, потом разобраны на стройматериалы. Семья теперь полностью переехала в дом в хуторе Албаши. Но этим не кончилось. Сергея Федоровича арестовали и отправили в Самарскую губернию, в лагеря для заключенных, где он работал на лесоповале. Спустя некоторое время в те края поехала ближе к мужу его жена и двое меньших детей – Кирилл и Евдокия. Они осели в г.Самаре. Но вскоре Сергей Федорович умер в лагере, он был уже в годах и не вынес «исправительной» системы.

Здесь остались Варвара и Иван – мой дед. Они были семейные, рядом с разваленным подворьем на берегу лимана поставили саманные хаты. Здесь же построили хаты и другие казаки, всего одиннадцать дворов.

Наступил 1933 год. По хатам стали ходить уполномоченные политотдела МТС. Забиралось все: вещи, продукты, все до крошки. Дед говорил: даже семена из тыквы лежали на печке и те забирали. В хате был земляной пол, так его прутами металлическими исковыряли – искали золото.

Два раза в месяц собирали сходку – актив и, если ты еще жив, то спрашивали: где хранишь продукты, раз живой.

От смерти спасал лиман, хотя уполномоченные, вооруженные наганами, ездили по лиману, собирали сетки. Но ночью, несмотря на строжайший запрет, удавалось ловить рыбу. Выжили.

В 1936 г. на основе указа верховной власти Советов об укрупнении поселков, отдельные хутора – имения были разрушены, население переселялось в более крупные населенные пункты. Это надо было для функционирования колхозов. И хутора-имения Ишина, Мирошникова, Чаги, Серенко перестали существовать. Только на поместье Загинайко оставался хутор из одиннадцати дворов, хотя поместье Загинайко было разобрано, а сам хозяин арестован и сослан в лагеря.

Пришел 1937 год – очередная волна репрессий. Теперь добрались до моего деда Ивана Сергеевича. Он был арестован и осужден на двадцать лет: 15 лет лагерей и 5 лет поселения. Ему предъявили обвинение в связи с иностранной разведкой с целью свержения Советской власти. Отбывал наказание в лагерях на Урале, на лесоповале. Условия содержания были дикие. Норму не дал – похлебки не получишь. Два, три раза не похлебал – отощал и крышка, потом за ноги вытянут в снег, камнями забросают и «порядок». Но он выдержал, сказались крестьянская закалка, трудолюбие и вера в Бога.

В 1945 году по амнистии, в связи с победой над Германией, дед был освобожден и приехал в хутор, где жила его жена – моя бабушка, на берег Кущеватого лимана. Все это время она его ждала. Устроился работать здесь, рядом, на ферму колхоза имени Крупской, скотником по уходу за рабочими волами.

Хутор Загинайко после войны стал называться имени Черняева, в честь председателя Новоминского райисполкома, погибшего в годы войны. Дед как политзаключенный на фронт не призывался, а два его брата воевали в Великую Отечественную войну. Семен – погиб, а Гавриил после войны осел в Днепропетровске.

Местная власть заметила, что в хуторе некоторые мужики, вернувшись с фронта, ловят рыбу в лимане, что пагубно сказывается на дисциплине колхозников. В колхозе они работали, но бесплатно, за трудодни. Ловили рыбу от безысходности, но не от жиру. Ведь кроме бесплатного труда, на хуторян, как и на всех колхозников, были наложены поставки мяса, молока, яиц, шерсти, сухофруктов. Приходилось выращенную курицу и ту относить в счет мясопоставок на приемный пункт. Взамен получал квитанцию, что мясопоставку выполнил. Также были поставки по яйцу, молоку (150 литров). А так как сады не каждый год плодоносили, а поставки были ежегодно, то люди просто сады вырубывали, чтобы не иметь недоимки. А тут еще Николая – сына Варвары Сергеевны, рыбинспекция поймала с двумя мешками тарани. Материал передали в милицию. Николая, а он был коммунист, вызвали в район на бюро для исключения из партии. Но секретарь райкома сказал, что из-за двух мешков тарани партия коммуниста терять не будет. Из партии его на бюро не исключили, и милиция оставила его в покое. И тогда был вновь применен указ 1936 года об укрупнении поселков. Стали хуторян вызывать в сельсовет. Принудительно заставляли ломать хаты и переселяться на новое место жительства. Вызывали до тех пор, пока человек, отчаявшись, брался и валял свою хату. Помню, была такая Огиенко Ефросинья. Муж погиб на фронте, осталась вдова и дочка-инвалид с искривлением позвоночника, работала на ферме возле телят. Хата саманная четыре на восемь метров, под камышом, из двух комнатушек, земляной пол, печка. В хате хоть шаром покати, кругом голо. Они жили рядом, и я ходил играть к ее дочке. Мне было восемь лет и хорошо все помню. Как она ни изливала слезы, прося у Советской власти защиты, но тщетно. Попросила мужиков, и они завалили ее хату, а сама, погрузив домашний скарб на подводу, поехала в хутор Албаши, где нашла угол для жилья у одной женщины, тоже вдовы.

Разъехались, кто куда в округе. Таким образом, место, где была усадьба семьи Загинайко, потом хутор Загинайко, потом хутор имени Черняева, стало пустым. Все одиннадцать дворов были развалены. Это был 1949 год. Сломал хату и мой дед Иван Сергеевич. Жил пока еще тут же, под навесом из камыша, работал на ферме. Он не знал, куда двигаться дальше. Что делать, когда нет ни кола, ни двора. Но тут ему «помогла» Советская власть. Я был очевидцем. Был конец лета. Дело было к вечеру. Дед пришел с работы, с фермы. Смотрю, от фермы к нам едет автомашина полуторка. Я кричу:

– Бабушка! Смотри: машина!

Машины в хуторе были редкостью. Я так обрадовался, что увидел машину, а бабушка заплакала. Она в то время пекла лепешки на ужин.

Машина остановилась возле нас, из нее вылезли люди в фуражках с красными околышами. Спросили:

– Вы Загинайко Иван Сергеевич?

Дед ответил им:

– Да.

– Вы арестованы. Собирайтесь, поехали.

Надели наручники. Бабушка успела сунуть узелок с лепешками. Его увезли. За что, куда, – мы не знали. Потом бабушка взяла волов с арбой на ферме и приехала домой. Погрузила на арбу из-под навеса домашний скарб: стол, табуретки, кушетку, топчаны (на которых спали), сковородки, чавуны, всякое тряпье, напоминающее одежду, и повезла его в Новодеревянковскую, к сестре, которая жила одна (муж погиб на фронте). Весь хутор был развален и брошен навсегда. Позже разломали и ферму, так как на ней некому было работать.

Как потом рассказывал дед, его привезли в город Краснодар и предъявили ту же статью: связь с иностранной разведкой с целью свержения Советской власти. На допросах он все признал и подписал показания сразу. Он знал по прошлому опыту, какие пытки при-

Иван Сергеевич Загинайко с женой Прасковьей Михайловной, приехавшей в ссылку к мужу в Казахстан. 1953 год.

менялись НКВД при допросах: горячие иголки под ногти, пальцы закладывали под двери, избивали до потери сознания. Пытают до тех пор, пока подпишешь обвинение. После чего состоялся суд тройки. Ему было вынесено наказание: пожизненное выселение в места отдаленные. Из Краснодара перевели в тюрьму города Новороссийска, где он ждал отправки по этапу. После нескольких месяцев тюрьмы он был отправлен в Казахстан, Джамбульская область, Красногорский район, колхоз имени Ворошилова. Там таких осужденных было очень много.

В те времена в горах Южного Казахстана шла геологоразведка и разработка руд цветных металлов. Здесь было лучше, чем на Урале, жили в хатах. Он при хате развел очень хороший огород (полив с гор). В горах было много урюка, диких яблок, груш, ягод. Потом дед завел корову – сена было достаточно, короче, не голодал. Доступно было приобрести теплую одежду. Работал и жил под контролем милиции. Постоянно отмечался в райцентре в НКВД о своем пребывании.

Дедушка писал бабушке письма. Она была безграмотна, не умела читать, писать. Часто просила людей сделать это, иногда и я под ее диктовку писал письма дедушке, – я ходил уже во второй класс. Читал, хотя крайне плохо, письма от него. Он жил в колхозе, на ферме, где содержался скот. Там и работал по уходу за скотом, а потом плотником. Он просил ее приехать к нему. И в 1951 году летом бабушка решилась. Мы ее проводили: мой отец (ее сын), сестры родные приехали из хутора Раздольного. Устроили вечер проводов. Отвезли ее в Новоминскую на железнодорожную станцию Албаши. Отец работал шофером, купил ей билет, и она уехала в дальний путь. Доехала благополучно, о чем написала. Она у него там и осталась. Жили в бараках на ферме. Бабушка тоже начала работать на ферме кухаркой. Казахи любят вкусно поесть, поэтому приготовленная пища, какая у нас на Кубани подается, им очень нравилась. Казахские женщины так не готовят. Особенно много ей было работы летом, когда шла заготовка сена для скота на зиму. Работали сутками. Вместе дедушка и бабушка вели и свое подсобное хозяйство, а излишки продукции продавали рабочим, которые работали в геологоразведке и разработке руд цветных металлов. Появились деньги, а в колхозе они работали за трудодни. Так как бабушка была свободная, то вместе с другими жителями фермы ездила на базар купить что-либо из вещей. Даже ездила в г.Фрунзе – столицу Киргизии, там было близко. Мы ей высылали чай, она просила, так как казахи обожали пить чай с курдом (шарики сухого молока с сахаром), его и нам она высылала. Так она прожила с дедушкой там до 1954 года.

В 1954 году деда вызвали в райотдел и вручили бессрочный паспорт, а в ноябре они вернулись на Кубань. По пути дедушка заехал в г.Самару, встретился с братом Кириллом и сестрой Евдокией (она еще жива и сейчас, ей за девяносто лет). Заехал в г.Днепропетровск к брату Гавриилу. Помню, приехали они и привезли с собой плотницкий инструмент и кошму, которая на первых порах служила им постелью. (Кошма – коврик два на два с

Дом Николая Щербы в хуторе Албаши. Снимок 2008 г.

половиной метра и толщиной до двух сантиметров из грубой овечьей шерсти). Привезли пять тонн зерна – заработок. Там сдали на элеватор, а здесь, в станице Новоминской, по документам получили. Это и все богатство. Поселяться в хуторе Албаши дедушка побоялся, перезимовали они у нас, а весной переехали в хутор Раздольный, где жили сестры бабушки и подыскали для покупки хату. Работал он на кирпичном заводе колхоза имени Молотова. В 1958 году я ходил уже в 9-й класс и как-то, придя из школы, обнаружил, что у него на печке письмо лежит. Обратный адрес: Франция, Париж на Сене, улица такая-то (забыл), Щерба Николай. Я спросил у дедушки от кого это письмо, и он начал рассказывать:

– Щерба Николай – мой друг детства.Когда жили в хуторе Албаши, были молодые парубки. (В последние годы в доме отца Щербы Н. размещается детсад ЗАО «Дружба») Когда началась смута, коллективизация, наших отцов забрали, дома и имущество были конфискованы. Мы бродили. Николай был немного старше меня, и он сказал: «Иван, давай бежать во Францию». Это ему отец приказал перед тем, как его забрали. У него в сумочке было немного золотых монет. «Иначе тут все мы погибнем». Вот мы с ним и взяли курс на Новороссийск. С большим трудом добрались до порта. Пароходы во Францию ходили плохо. Несколько дней ждали. Народу уехать много, кругом давка. Денег у меня не было, но Николай давал свои. Ехать в чужую страну я побоялся и отказался с ним эмигрировать. Но Николай выполнил волю отца. Мы были молодые, физически сильные ребята, пробились на посадку, я втолкнул его на пароход и мы расстались навсегда. Сам я вернулся в хутор Албаши...

Письмо Щербы я прочитал. Он писал, что по приезду пришлось работать на разных работах. Скопил деньги, купил в Париже квартиру, женился, дети взрослые, живу хорошо, все в жизни есть. Но цель письма была другой. В связи с возрастом очень хочется посмотреть на свою родину. Напиши о себе и, главное, кто из моих родственников остался? Дед сказал, что здесь, в Новодеревянковской, живут две его двоюродные сестры, а в городе Ростове-на-Дону живут его родственники. Я просил дедушку написать об этом, но он отказался, так как могут третий раз арестовать, а письмо надо уничтожить, так как держать его опасно.

В 1960 году дедушки не стало и, как он завещал, похоронили его в станице Новодеревянковской. Панихиду отслужил священник. Цветов на могилу он просил не сажать, а пусть растет трава и своим шумом передает ему прелести земной жизни. Мы посадили траву – горькую полынь. Такая у него была жизнь.

Сейчас мне, его внуку, идет восьмой десяток.

Находясь на пенсии, я часто езжу на рыбалку на лиман Кущеватый, в святые места моего детства. Здесь отдыхаешь душой. Вот этот пирс (причал), а раньше здесь была балка, в которой находился колодец с хорошей пресной водой для всего хутора. Помню, как во время ливневых дождей летом его заносило илом и тогда все трудоспособные хуторяне принимались за его расчистку. Стоишь здесь на пирсе, смотришь на гладь лимана и вспоминаешь, что здесь протекала моя жизнь.

Теперь лиман порос камышом, а тогда это были маленькие кустики, под которыми мы

ловили на удочку рыбу, держась за камыш, чтоб лодку не гнал ветер.

Дальше, на месте хат, ничего нет, как чужой край. По-над берегом разрослась акациевая лесопосадка. Чтоб понять местоположение хат, я спустился к камышу. Здесь, против каждой хаты, была дорожка для лодки. Но все заросло, и камыш, как сплошная стена, стоял передо мной. На месте хат теперь колхозное поле, усеянное щебнем от кирпича. Было невыносимо смотреть, что навсегда, без следа и в такой короткий срок исчезли и признаки того, что было моей жизнью.

Теперь корни моей жизни стали ее преданиями. Земля избавилась от этих корней, поглотила их и расцвела. Местный колхоз, ныне акционерное общество «Дружба» получает высокие урожаи зерна в 55-60 центнеров с гектара и других культур. И это все здесь, на месте хутора Загинайко.

Как-то в 2001 году я приехал на охотстанцию и увидел, что на пирсе стоит микроавтобус. Егерь говорит, что они уже вторые сутки стоят и никакой деятельностью не занимаются. Я решил подойти к ним и, подходя, увидел, что на микроавтобусе номера 61-го региона – ростовские. Передо мною предстала семья – люди разных возрастов. Я завел разговор: как ловится рыба, нравится ли место рыбалки? Выслушав меня, старший сказал, что не за этим они сюда приехали. И начал мне рассказывать, как они тут жили до 1949 года. Тогда тут был хутор с десяток хат. Я догадался, с кем имею разговор, но молча слушал его, чтобы понять, как он воспринимает случившееся... Как потом заставили этот хутор разломать. Как потом его бездомные родители с тремя детьми переплыли на лодке через лиман Кущеватый, поселились в хуторе Броды. За несколько рейсов перевезли домашнее имущество. А оттуда через два года перебрались на Ясенскую Переправу. Он сказал, что приехал на свою родину поклониться родной земле. В этом году привез всех своих: сына с невесткой и двоих внуков, чтобы они знали родину своего деда. Вот уже второй день стоят тут и не могут покинуть эту красоту, оторваться от родного гнезда. После его рассказа мы «познакомились», признали друг друга. Далее разговор получился очень длинным, и он задержался еще на одну ночь.

Это был Василенко Юрий Сергеевич из Ростова-на-Дону. Мы расстались детишками в восемь лет, а прошло более пятидесяти лет и мы так сильно изменились, что если бы не наша малая родина, мы бы друг друга не узнали.

Раз в год сюда, на пирс, я приезжаю на один день, чтобы отдать долг памяти, посидеть, вспомнить, помечтать. Полюбоваться красотами лимана – в это время на его водной глади собирается много дичи. Куширь дает семена, и дичь практически застилает лиман, выходя из камышей питаться.

Мы будем помнить своих предков и память о них передавать своим детям. Пусть вечно хранит Господь Бог души рабов своих, принявших тяжелые муки от рук своего государства.

Здесь, за лесополосой и зарослями камыша, располагался хутор Загинайко, где прошло детство автора воспоминаний.

Закладка первого камня Свято-Покровского храма. 31 мая 1902 года.

Наталья ДУЛЕНКО

БЛАГОТВОРИТЕЛИ СТАНИЦЫ КАНЕВСКОЙ

ВКЛАДЫ И ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА ХРАМ

До революции человек не мог существовать в среде станичников, не будучи жертвователем на церковные и общественные нужды. Это было образцом хорошего тона. Даже люди небогатые, желая предстать в лучшем свете, жертвовали буквально последнее, создавая тем самым иллюзию значимости.

Первым жертвователем на храм Сошествия Святого Духа на апостолов, да и Каневской в целом, о котором остались воспоминания, был капитан Роман Билый – сирота, воспитанник станичного общества. Потеряв жену и не имея детей, он пожертвовал всё своё состояние на строительство белокаменного храма.

Содержался храм Сошествия Святого Духа на добровольные пожертвования верующих, являясь фактически собственностью всех жителей станицы. Подтверждением служит пункт в «Ведомости церкви Духосошественской... за 1904 год», в котором говорится, что «На содержание причта жалованья ниоткуда не получается, а пользуются они исключительно добровольными подаяниями от прихожан за исполнения их христианских треб. Содержание их недостаточное».

Денежные вклады на имя «своей» церкви каневчане вносили в Ростовскую контору Государственного Банка России. Первый такой вклад «на богоугодные дела» в 100 рублей с четырёхпроцентным доходом сделала в 1889 году вдова каневского дьякона Доминикия Дроботковская «за вечное поминовение диакона Иоанна и Доминикии». К 1904 году причт пользовался процентами уже с 1 400 рублей!

Вклад такого же рода внес 9 июня 1895 года урядник Каневской Илья Горкун «за вечное поминовение Ильи и Александры». Такой же вклад поступил от Нестеренко «за вечное поминовение Герасима и Агрипины». 30 августа 1898 года Пимен Джумайло внёс вклад на имя церкви «за вечное поминовение Пимена и Агрипины». 16 ноября 1898 года был зарегистрирован вклад казака Домиана Каватуч «за вечное поминовение Домиана и Александры».

6 февраля 1900 года был внесён вклад казаком Илюшко Солодком «за вечное поминовение Исхакия и Агафьи». Диакон Константин Яблонский внёс пожертвования 7 сентября 1900 года «за вечное поминовение диакона Василия и Дарии». Урядник Аввакум Корсун сделал свои пожертвования 16 августа 1901 года «за вечное поминовение Аввакума и Екатерины».

Монах Харитон Панченко оформил пожертвование Духосошественской церкви 21 июля 1901 года «за вечное поминовение монаха Харитона и Зиновии». Казачка Надежда Гринь пожертвовала в пользу храма 26 августа 1901 года «за вечное поминовение Иоанна и Надежды». 8 октября 1903 года было зарегистрировано пожертвование казака Трофима Загорулько «за вечное поминовение Трофима и Мелании». 18 декабря 1903 года было принято пожертвование от казачки Ксении Мосьпан «за вечное поминовение Стефана и Ксении». Казак Фома Бычкарь внёс вклад «на имя церкви» 6 апреля 1904 года «за вечное поминовение Фомы и Матроны».

К 1905 году церковный капитал состоял из 1 рубля 3 копеек наличными и 930 рублей 54 копейки по книжкам Каневской почтово-сберегательной кассы № 92. К 1910 году капитал причта Духосошественского храма составлял 1550 рублей.

Весной 1918 года на юге России установилась Советская власть. По распоряжению В.И. Ленина все деньги вкладчиков в Ростовском банке были изъяты и специальным поездом отправлены в Царицыно «для нужд Советской республики».

Пожалуй, самым известным меценатом был Пимен Джумайло. В 80-х годах XIX века он заказал в Италии пятитонный колокол для Духосошественского храма с дарственной надписью. Колокол погубили в 1938 году при разрушении храма.

В 1891 году Пимен Джумайло на свои средства выстроил в церковной ограде, с юго-западной стороны от храма, кирпичное здание под железной крышей, предназначенное для церковной сторожки. Здесь же, в ограде, с северо-западной стороны, находилось и другое здание – вытянутое, турлучное, крытое железом. Служило это помещение для церковных сторожей.

В 1904 году урядник Каневской Пимен Джумайло пожертвовал в пользу церкви плано-вое место с кирпичным, крытым железом, зданием и деревянным, крытым железом, сараем. Здание это служило «для облика церковной школы мужской и женской». Меценат за свои деньги построил здание церковно-приходской школы, бывшее потом долгие годы филиалом старой 1-й школы и снесённое при строительстве СОШ №1 в 1980 году. Фотография этой школы хранится в фондах Каневского районного историко-краеведческого музея.

Долгие годы прослужил в храме диаконом отец Иоанн (Дроботковский). Его семья была активным жертвователем. Они жертвовали иконы для храма, дароносицу, деньги и продукты на сиротский дом.

Богатая семья Дометия Герко, захороненного в 1888 году на церковном кладбище, владела наследственным наделом в 306 десятин. Герко щедро жертвовал деньги не только на храм, но и на общественные нужды. 9 сентября 1902 года нотариус станицы Уманской А. Чага оформил дарственную от Марии Герко, вдовы войскового старшины, по которой она жертвовала в пользу церкви «участок удобной пахотной земли в сто десятин, находящейся в юрте станицы Каневской».

Половина доходов от этой земли должна была идти в пользу церкви, а другая половина – причту, на вечное поминовение родных и близких дарительницы: «Григория, Татьяны, Дометия, Марии, Елены». Дарственная на эту землю была утверждена Старшим нотариусом Екатеринодарского окружного суда 11 октября 1902 года, «коим причту выдана главная выпись из актовой книги 12 октября за №2603».

Жители хутора Трудовая Армения. 1960-е годы.

Джон АКОПОВ

ПЛЕЧО РУССКОГО БРАТА

Дружба и взаимопомощь двух братских христианских народов – русских и армян своими корнями уходят в те далекие века, когда креститель Киевской Руси князь Владимир Красное Солнышко женился на принцессе Анне, армянке, сестре Византийского императора Василия II. В детях Великого князя, Святого Владимира течет и армянская кровь. Иван Грозный в строящемся в честь взятия Казани Покровском соборе (собор Василия Блаженого) один из девятистолпных храмов, входящих в него, отвел Армянской Григорианской церкви, в благодарность за совершенный единоверцами подвиг. Армяне при взятии русскими Казани, будучи пушкарями у хана, отказались стрелять по своим единоверцам, приняв тогда мученическую смерть. На протяжении столетий армяне верно служили своей второй Родине – России. Были министрами, крупными военачальниками, учеными, деятелями культуры...

Суровым испытанием прочности братства двух народов стала Первая Мировая война. Турки предложили армянам воевать вместе с ними против русских. Взамен этого предательства пообещали им широкую автономию. Армяне отказались от такого коварного предложения. Около 200 тысяч армян воевало против турок только в русской армии. Местное население армянских территорий также оказывало военную и иную помощь русским войскам. Турция не могла простить этого. Геноцид армянского народа, совершенный турками в Османской империи в началеXX века, лишил жизни полтора миллиона человек. Около 800 тысяч армян были изгнаны со своей исторической Родины. К концу 1915 года численность только армянских беженцев (иностранных подданных) на Кавказе превысила 200 тысяч человек. Русские войска, в их числе и кубанские казаки делали все для спасения армянского народа от полного уничтожения. Большевистская революция похоронила чаяния армянского народа на освобождение его от турецкого ига. Трудно поддается описанию та жестокость,с которой турки уничтожали армянский народ. Многие свидетельства страшных злодеяний турок оставили и кубанские казаки.

Основная масса беженцев армян поселялась в городах края. Из-за голода, болезней, нехватки жилья, положение беженцев было крайне тяжелым. Помогали власти, местные жители, армянская община. Однако кардинально изменить ситуацию было очень трудно. Все искали выход из создавшегося положения.

В 1927 году состоялся XV съезд ВКП(б) принявший решение о переводе сельского хозяйства на индустриальную основу, создании коллективных хозяйств – колхозов.

В 1929 году и в Каневском районе началась сплошная коллективизация. В 1930 году в Кубанский окружной комитет ВКП(б) почти от ста армянских семей, проживавших в городе Краснодаре, поступило коллективное заявление с просьбой разрешить им создать на Кубанской земле свой колхоз, выделить ему необходимое количество земли. С большим вниманием отнеслись власти к просьбе армян. Такой колхоз решено было создать на землях Каневского района. Следует отметить, что еще в 1927, 1928 годах, спасаясь от голода и болезней, многие армянские семьи самостоятельно начали переселяться в сельские местности, в том числе и в Каневской район (семьи Саакяна М.А., Алхазовых, Бабагуловых, Улояна М.С., Кирокосяна Т.Т., Торосяна С., Маргосяна А. и др.).

Третьего марта тридцатого года на железнодорожную станцию «Каневская» прибыл пассажирский поезд. Он доставил 96 армянскихсемей. Жители района по-братски, с хлебом и солью встречали приехавших. На вокзале находились представители районного комитета партии, райисполкома, делегации из колхозов. Тут же на вокзале состоялся большой митинг. Выступили на нем и армяне, и русские. Горячо говорили о братстве двух народов, о светлой и радостной жизни, которая открывается перед сельскими тружениками. После митинга все армянские семьи погрузились на подводы (их было более 80) и отбыли на хутор Сладкий Лиман, рядом с которым райисполком выделил земельный надел для нового колхоза. Тут же намечалось построить новое поселение.

Приехали армяне, что называется, на голое место. И не будь рядом русских братьев – вряд ли они смогли так быстро обжиться, построить новый колхоз. Как только на Сладкий Лиман прибыли армянские семьи их сразу же приняли в свои дома здешние колхозники, выделили на питание хлеб, молоко, овощи, другие продукты.

Власти района, трудящиеся оказали новому колхозу большую помощь в обзаведении хозяйством, строительстве, первой обработке земли. Для строительства коровников, свинарника, овчарни, кузницы и других хозяйственных помещений ему выделили 14 вагонов леса, одну тонну гвоздей, кровельное железо, стекло, краски, скобяные изделия – все, что было необходимо.7 Колхозы района безвозмездно передали 50 лошадей, 65 коров, 10 свиней, 250 овец, 10 плугов, 10 конных сеялок, 12 культиваторов, 25 борон, 4 лобогрейки, 3 жатки, молотилку и 10 катков. Была оказана также значительная помощь и продуктами.

3 марта 1930 года можно считать днем рождения и хутора, и колхоза «Трудовая Армения». До Великой Отечественной войны в разные годы председателями этого колхоза были Улоян М.С., Торосян С. и другие. Секретарем партячейки (парторгом) Акопов С.С.

Становление колхоза шло тяжело. С трудом проводились посевные работы в 1930-1931г.г. В первом номере районной газеты «Знамя ударника» была опубликована передовая статья «В решающие дни ударника – завершить сев перевыполнением планов». Колхозам перебрасывались трактора. Ставилась задача сломать в посевной компании сопротивление кулаков и их пособников, бороться с попытками разложить трудовую дисциплину. В колхозе шла борьба с уравниловкой. Директива о ликвидации учета работы по часам за палочки претворялась в жизнь тяжело. Сверху требовали быстрее вводить сдельщину на основе трудодней. В МТС Каневского района с каждым годом поступает все больше тракторов. Для изучения новой техники райком партии принимает решение организовать зерновой техникум.

Активно включилась в борьбу за преобразования на селе и районная газета. О новой жизни на селе, о простых тружениках колхоза «Трудовая Армения» писал статьи в районную газету парторг и селькор Ако-

пов С.С. В них он рассказывал о Торосян Семене, Торосян Мануч, Саркисян Игнате, Саркисян Арпеник, Саакян Сергее, Бедоян-Сирануш и многих других людях нелегкого крестьянского труда.

Особенно тяжелыми для жителей хутора Трудовая Армения, как и для всех других жителей района, страны были 1932-1933 г.г. Небывалая засуха, помноженная на саботаж тех, кто противился переменам на селе, привели к страшному голоду, эпидемиям. Люди пухли от голода, поедали трупы животных. Не успевали хоронить умерших. Но в последующие годы ситуация начала меняться. Улучшалась жизнь людей, росла их политическая и трудовая активность. В 30-е годы шло активное переселение на Кубань семей из средней полосы России. В хуторе Трудовая Армения поселились и дружно рядом с армянскими семьями жили семьи Мацко, Гаркуши, Супрун, Солодовниковых, Мирновых, Богомаз и другие. Многие из них неплохо говорили на армянском языке, уважительно относились к традициям армянского народа. Армяне же, помня о многовековой дружбе двух народов, уважали традиции русских, учились у них языку. Как в общественном труде, так и в быту армянские и русские семьи помогали друг другу.

До войны в хуторе была и своя национальная школа. Был создан свой любительский театр.

Были, конечно, и проблемы. Люди, не имея паспортов, оставались, по сути, крепостными. Почти невозможно было куда-то выехать, проведать родных, близких. Нужную для выезда справку с большим трудом можно было получить только после разрешения районных властей.

Хороший урожай хлеба был собран в предвоенные годы. Особенно урожайными были 1937 и 1940 годы. На трудодень колхозникам выдали по 3 кг зерна.

В начале 40-х годов небольшой хутор жил, как и вся страна, в тревожном ожидании войны. И она пришла в страну, в каждый дом воскресным утром 1941 года. Уже на второй день после начала войны 167 мужчин сладколиманского сельсовета были призваны Каневским РВК защищать Родину.10 Ушли защищать Родину с хутора Трудовая Армения Саакян Сергей, Бабагулов Владимир, Акопов Сурен, Масуренко Николай, Масуренко Любовь, КирокасянТумас, Улоян Саркис, Солодовников Иван, Асланян Агасик и другие.

Шесть месяцев хозяйничали немцы в Каневском районе. Управляли всем в хуторе староста и назначенные гитлеровцами полицейские. После изгнания в феврале 1943 года фашистов из Каневского района, началось восстановление колхозов. Все мужчины хутора воевали на фронтах с фашистами. Председателем колхоза «Трудовая Армения» избрали, возвратившегося из Краснодара с семьей в хутор, не призванного на фронт из-за хромоты, Улояна М.С. В этом же году была восстановлена и работа Сладколиманского совета. С 1947 по 1954 год его бессменным председателем был Акопов С.С. В 1954 году произошло объединение трех сельских советов в один Стародеревянковский совет.

Работы по восстановлению колхоза «Трудовая Армения» шли очень слабо. По всем

показателям из года в год колхоз среди отстающих в районе.11-15 В июне 1944 года на собрании партийного актива района, секретарь райкома партии тов. Еремин подверг резкой критике такие хозяйства как «Трудовая Армения» и «Борец Труда», которые, несмотря на имеющиеся возможности, не справились с поставленными перед ними задачами.

Райком партии делает серьезные предупреждения председателям отстающих в районе колхозов, в том числе и тов. Улоян М.С.17 Решением РК ВКП(б) от 8 ноября 1944 года председатель колхоза «Красный путиловец» тов. Иванец снимается с работы и исключается из рядов ВКП(б).18 Строго предупреждены руководители и других отстающих хозяйств.Что же касается хуторян, то они сутками работали на полях, фермах, приближая своим самоотверженным трудом долгожданную победу над врагом.

9 мая 1945 года весь мир облетела радостная весть. Фашистская Германия капитулировала. Теплым майским днем эта весть долетела и до хутора. Люди плакали, обнимались, целовались. Но стране лежащей в руинах нужен был хлеб. В хутор возвращались победители. К сожалению многие остались на полях сражений, другие вернулись калеками... Но жизнь брала свое. С возвращением мужчин новым председателем колхоза «Трудовая Армения» был избран тов. Огурцов. Необходимы были время и усилия для наведения должного порядка в колхозе. Усугубляла положение и тяжелейшая засуха 1945-1947 годов. Люди испытывали невыносимый голод. Разрывали скотомогильники, забирали оттуда погибший скот и готовили из него пищу, спасая от голодной смерти себя и детей. Спасали река и степь.

Не повезло хуторянам и с новым председателем колхоза. В первой половине 1946 года колхозники освободили его от занимаемой должности, а райком ВКП(б) исключил из партии.

Председателем колхоза «Трудовая Армения» избирается Кулагин Андрей Лукич.20 Возглавляет он данное хозяйство бессменно, вплоть до укрупнения колхозов в феврале 1951 года.

С приходом нового председателя колхоз уверенно стал улучшать все показатели своей деятельности.

После войны в хуторе все больше поселяются русские семьи. В тоже время начинается и отток армянских семей в станицы, города края, в Армянскую ССР. Но по-прежнему все в хуторе называют себя армянами.

Идет медленный, но уверенный рост жизненного уровня колхозников. Проведенная в 1947 году денежная реформа, отмена карточек на товары, ежегодные весенние снижения розничных цен и др. давали свои положительные результаты.

В колхозе «Трудовая Армения», как и в других хозяйствах района не без проблем внедряется производственное выращивание хлопка. Выращивается и клещевина, очень доходная еще с довоенной поры культура.

В сентябре 1950 года в районе началась работа по укрупнению колхозов. В феврале 1951 года колхозы «Трудовая Армения», «Красный путиловец» и «Борец Труда» объединились в один – «Путь к коммунизму».

Завершилась история колхоза «Трудовая Армения». Но продолжалась история одноименного хутора.

50-е годы – время заметного улучшения жизни тружеников села. Строятся новые хаты. У хуторян появляются в большом количестве велосипеды, мотоциклы, радиоприемники «Искра» и др.

Улучшается техническое оснащение села. Новая замечательная страница в жизни колхозников открылась с избранием председателем колхоза им. Маленкова Лобаса Григория Васильевича. Позже, с 1957 года он же продолжает возглавлять прежнее хозяйство, переименованное по известным политическим причинам в колхоз «Кубань».

В 1955 году электрифицируется хутор Трудовая Армения. Негативно сказалось на жизни хуторян очередное волюнтаристское решение Н.С. Хрущева по закупке коров у населения. На практике всех просто заставили сдать коров в колхоз. Под предлогом улучшения поголовья, их пустили под нож, оставив колхозников без молочных продуктов.

60-е, 70-е годы были годами новых положительных изменений в жизни хуторян. В общей семье колхоза «Кубань» трудились и колхозники хутора Трудовая Армения. Расширялось поливное земледелие, увеличивались надои молока на фермах, росли урожаи зерновых культур, свеклы и др. Труд колхозников поощрялся хорошей его оплатой, денежными премиями.

Лучших колхозников награждали правительственными наградами. Среди них доярки Лупоок Надежда и Акопова Мария; телятницы Кирокосян Сара и Кирокосян Людмила, механизатор Третьяков Иван, строитель Сергиенко Яков и др.

С каждым годом улучшалась жизнь в хуторе. Жили не богато, но стабильно и безбедно. Затем наступило время перестройки. Поверили, что она очистит страну от всего плохого, закрепит победы и все достигнутое трудом отцов и дедов. Однако в очередной раз народ оказался обманутым. Развалилась великая Родина – СССР. Развалились экономика, армия, сельское хозяйство... Люди, особенно в сельской местности, становились нищими.

Но шли годы. Жизнь в хуторе постепенно стала налаживаться. Каждый новый год приносит и новые положительные результаты. Однако многие добрые перемены последних лет коснулись не всех. В соседнем хуторе Сладкий Лиман действуют школа, клуб, медпункт, магазин, детские ясли. В дома сельчан пришел газ... В хуторе же Трудовая Армения ничего этого нет. Из-за отсутствия газа многие жители покидают родные места. У оставшихся все более крепнет убеждение ненужности хутора для властей всех уровней. А жаль. Если бы в хутор провели газ, то в короткое время он полностью изменил бы свой облик. И остался бы надолго на карте Кубани, России, в истории и памяти людей добрым напоминанием о той многовековой дружбе, которая и в совместном труде, и в борьбе с общими врагами сплотила на века два народа.

Казацькому
роду
нэма
пэрэводу

Николай ЛЕМИШ

КЛАДБИЩЕНСКАЯ ИЛИ ЯРМАРОЧНАЯ ПЛОЩАДЬ

Еще в 30-е годы 20-го века в ст. Каневской было 6 площадей: Южная, Северная, Сенная, Лесная, Базарная или Церковная и Кладбищенская.

Кладбищенская площадь имела ещё два названия: Ярмарочная или Казачий плац. Это самая большая площадь станицы, реконструкция которой началась, по сути, в 1947 году, со времени появления на ней, нового тогда для Каневского района предприятия – военизированной автороты. Сейчас площадь на пороге новой реконструкции. На той её части, где ныне располагается пассажирское автопредприятие, будет построен современный большой торговый комплекс. Заметьте, все перемещается в плоскость торговли. Предприятие же, в прошлом очень важный фактор в экономике района, перестанет существовать. Таковы вехи нынешнего времени. Полагаю, что каневчанам было бы небезынтересно узнать о прошлом этой площади, о её трагических страницах. Хотелось, чтобы память моих соотечественников не оскудевала в угоду модному увлечению – забвению прошлого. Увы, наши историки, как повелось, чаще извлекают из исторической памяти факты и события...

Различна судьба площадей станицы Каневской.

На Сенной площади уже долгие годы находится Центральный стадион.

Лесная площадь поглощена жилыми кварталами.

На Южной располагаются Дворец Спорта, школа №7, Свято-Покровский храм и центральная усадьба агрофирмы «Победа».

На Северной площади располагаются школа №3, именуемая Казачьей, и парк имени 300-летия Кубанского войска.

На Базарной или Церковной площади до 1938 года стоял старинный храм имени Сошествия Святого Духа на Апостолов, или как его упрощенно называли в народе – Троицкий храм. Здесь же ныне находится Центральный парк, районный Дом культуры, Обелиск Славы и мемориальный комплекс. Эта площадь по-прежнему занимает важное место в жизни каневчан. Вот уже более двух веков она находится на первом месте в своеобразной табели о рангах. Следом за нею «Лигу первенства» держит именно кладбищенская площадь. Она действительно огромная. От начала нынешнего Центрального рынка до железной дороги. С боков она ограничена ул. Свердликова (старое название Ярмарочная) и ул. Тракторной. Ещё в средине 50-х годов она была, по сути, «малозаселенной». На ней: элеватор, кладбище, автопредприятие и мельница. В 30-е годы прошлого века на площади «прописался» Каневской сенопункт. Это предприятие системы Госрезерва заготавливало сено для кавалерийских и артиллерийских лошадей. Теперь на этом месте находится жилая зона. Это район за мельницей. Когда-то, а точнее до середины 50-х годов возле мельницы и сенопункта было многолюдно.

Кладбище..., единственно, его территория пока внешне неприкосновенна. Наши предки были мудры и практичны. Будучи не искушены в науках; тем паче астральным, они отводили кладбищу особую роль, беспокоясь не только о душах умерших, но и живых, приучая потомков к уважению чужой памяти в первую очередь. До 1933 года на кладбище была часовня, где священники регулярно правили службу.

Сюда привозили людей, умерших в дороге, вообще неизвестных. Их хоронили тогда по христианским обычаям; с отпеванием, панихидой и т.д. Более того, говоря современным языком, вблизи кладбища было запрещено вести какую-либо хозяйственную деятельность. Понятия санитарной зоны, конечно, не было, это была просто зона отчуждения. Сегодня это понятие исчезло. Ныне у кладбищенской ограды блеет и мычит, хрюкает рынок продажи скота и свиней, а также других животных. Почти вплотную к ограде примыкает здание станции техобслуживания автомобилей. Решение более чем опрометчивое, потому как до начала 30-х годов за кладбищенской оградой хоронили самоубийц. Во все века в народе кладбище воспринималось как особое место, где сосредоточено много таинственного, необъяснимого и непонятного. Кстати, современная наука уже признает параллельные миры и астральные зоны. Старое кладбище имеет чуть ни двух вековую историю (по неточным сведениям ему 170-175 лет) В военное лихолетье и первые послевоенные годы кладбище находилось в плачевном состоянии. Кресты злоумышленники, не имевшие бога в душе, спилили на дрова, могилы затоптаны свободно гуляющей скотиной. Ограда была уничтожена ещё задолго до войны. Мне довелось побывать на двух «европейских» кладбищах в городах Вильнюсе и Таллине – они содержатся в идеальном состоянии, и там нет понятия заброшенных могил.

Будучи достаточно старым, кладбище имеет уже несколько уровней захоронений, и незыблемо хранит свои тайны и загадки. Иногда удается прикоснуться к ним, когда под новое захоронение используют по внешнему виду «свободное место». В 1932-1933 году на этом кладбище захоронено около 10 тысяч жителей Каневской, ставших жертвами небывалого голодомора. Одна из братских могил увенчана сегодня Курганом Скорби и Поклонным крестом. Это дань памяти потомков своим землякам, принявшим мученическую смерть.

Мельница... В первый год 20-го года судьба забросила воронежского механика-самоучку Афанасия Богомолова в ст. Каневскую. Начинал он разнорабочим и участвовал в строительстве нового тогда Свято-Покровского храма. Скопил немного денег, а ещё взял взаймы у богатого скотовода Шемета полную папаху золотых монет. Как модно сегодня говорить «кредит» На эти деньги он заказал во Франции мельничное оборудование. На пароходе оно было доставлено в Ейский порт, а оттуда на сдвоенных военных повозках «ходах» его доставили в Каневскую. Станичное «опчество», как могло, помогало предприимчивому механику. Если бы не помощь казаков, врядли бы удалось привезти маховое колесо от нефтяного двигателя диаметром 4 метра и неимоверной тяжести. Здание мельницы строили добротно – на века. Для снижения вибрации пустоты в кирпичной кладке заполнены пластами дерна. И сегодня нас поражает прочность конструкции и надежность многих узлов и деталей, находящихся в рабочем состоянии уже второй век. Много лет отработала старая мельница, более полувека шум работающего

Поклонный крест на каневском кладбище, воздвигнутый силами казаков Каневского районного общества в 1994 году в память о жертвах голодомора 1932 - 1933 годов.

двигателя в «доэлектрическую» эру извещал каневчанам, что есть хлеб, есть, что молоть, значит, жизнь течет по нужному руслу. Вот только в голодовку мельница стояла... А если стоит она сейчас, значит что-то в нынешней жизни сложилось не так... Работала же она в советское время круглосуточно.

Особое это место – Кладбищенская площадь. По причине нахождения на ней станичного кладбища, нет иного другого места, где было бы выплакано столько слез, сосредоточено столько горя. Но есть и другие страницы истории, отличающие её от других мест. Начнем с простого. Кубанская земля далеко не всегда одаривала казаков щедрым урожаем. Но зерно стоило не дорого. В начале 20-го века четверть зерна (около 120 кг) стоила 10-12 рублей. Строевой конь казака стоил 250-300 рублей. Казачья справа (обмундирование, плюс оружие) примерно столько же. Естественно, что благополучие хлеборобской семьи целиком зависело от урожая. Суховеи, засуха – бич того времени. Сказывались отсутствие лесозащитных полос, продуманного севооборота, недостаток удобрений. Три года подряд 1891-93 годы разразилась сильнейшая засуха. В 1893г случилась небывалая природная аномалия. 15 мая – лютый заморозок «минус 15градусов». Вместе с листьями осыпалась завязь фруктовых деревьев, погибли вошедшие в интенсивный рост озимые. Погибла рассада и все, что взошло. Земля почернела, как неживая. Плач и горе по всей станице. Что могли сделать казаки – так это пересеять пропашные просом. Был голод, но поскольку он был творением природы, а не рук человека, он не был сравним с голодомором 1932-33г.г. Да и власть была на стороне народа. Всю осень и зиму шли к северу Кубани конные эшелоны с хлебом из Воронежской области.

1913 год. Молодые казаки станицы Каневской.

Вот тогда и было в Ейском отделе принято решение о строительстве в ряде станиц хлебных складов, амбаров для хранения зерна страхового фонда. На случай недорода и иных стихий. Отсюда выдавали зерно вдовам, чьи мужья погибли на войне. Так появились на кладбищенской площади два крепких больших и высоких амбара, быстро получивших местное наименование «гамазынов». Построены они так, что зерно в них перемещалось самотеком по принципу норий, неотъемлемых деталей хлебных элеваторов. Спустя несколько лет, появились почти на краю площади два огромных, невысоких деревянных, на сваях амбара, получивших местное название «красни вымбари» Очевидно по причине железных крыш и крашеных охрой стен из тесаного бруса. Они простояли до 60-х годов, когда стали строить современный элеватор, новую развязку дорог, а амбары мешали. Какое-то время в одном из амбаров был склад общества кролиководов. (Где общество и где кролики? Очевидно, перемерзшая импортная буйволятина вкуснее!) Да, кстати, это все из той же оперы – Госрезерва. Это было могучее ведомство, имевшее в своих пенатах и такое подразделение, как «Заготскот». Все это связано с армией, стратегическими запасами, системой заготовок. Да и крестьянским семьям были созданы все условия, чтобы держать скот, свиней, птицу. Это после «реформ» Никиты Сергеевича Хрущева нам по вкусу пришлось «гнатое» молоко и импортная говядина. В 70-е -80-е годы вроде это забылось, а вот снова, во все глаза, смотрим на зарубежные поставки продуктов. И еще долго будем смотреть... Но, как говорится, всякому повествованию свое время. Вернемся ещё к одному вопросу; появлению на территории Кладбищенской площади казачьих казарм и всей воинской структуры: тира, сооружений для скачек и рубки лозы и т.д. Одна из казарм располагалась там, где ныне «птичий» рынок. Другая там, где ныне контора» пассажирского автопредприятия. Неподалеку находились и пресловутые «гамазыны». Известно, что Кубанское казачье войско было упразднено в 1921 году. До 1936 года лицам из бывшего казачьего сословия запрещалось даже служить в Красной Армии. Настолько была велика патологическая ненависть тогдашней власти к казакам. А зря. Феномен казачьего войска, известного своим патриотическим настроем и высокой воинской выучкой не удалось повторить никому. И это не пресловутое «профи», элитные войска. Это, по сути, крестьяне, люди «от сохи». У каза-

Фото семьи Литвиненко. 1913 год. Учебная команда. В центре, в серой шинели командир – Кузьма Власович Ольшанский, есаул (третий ряд снизу) Справа от него, похоже, атаман. В том же ряду в черной шинели чиновника – учитель, крайний справа в черной черкеске и черной папахе – Петр Максимович Гринь, с ним рядом сидит в светлой папахе Аким Петрович Шемет. Второй ряд от низу – четвертый слева казак Гробовик.

ков было три ипостаси: отвага в бою, усердие в труде, благочестие в быту. А ещё говорили, благонравие. Казак до конца своих дней был предан идеям рыцарства: ненавидь врага, люби жену и детей, помогай немощным, не обижай слабых. Каневские казаки служили в Уманских и Запорожских полках. Первом, втором и третьем, в соответствии с очередью призыва. Молодые казаки с возраста 19 по 21год служили по приготовительному разряду, дома в станице. Для них и предназначались казармы и все остальное.

Во всех станицах Ейского отдела Кубанского казачьего войска существовали учебные команды, возглавляемые опытными строевыми офицерами. Инструкторами были не менее опытные хорунжие, подхорунжие, вахмистры и урядники. Служить плохо было позором. Какая дедовщина? Ведь все молодые люди с одной станицы, знают друг друга. А ещё существовала система патронажа со стороны станичного правления и Совета стариков. Они с интересом наблюдали за обучением. Казак по причине нездоровья, не служивший в армии, был лицом мужского сословья третьего сорта, по сути убогим и не имел перспектив на продвижения в жизни.

Историческая справка:

У Кузьмы Власовича Ольшанского был брат Никита – сотник. Ольшанский К.В. вошел в состав первого «согласительного ревкома» в марте 1918 г. От офицерского корпуса. Был непримиримым врагом Советской власти, служил, как и его брат – Никита Власович, в Белой Армии. С 1921 г находился с братом в банде полковника Сухенко. Место дислокации – плавни. Отряд был из офицеров, урядников, вахмистров. Был уничтожен в 30-е годы. Кузьма Власович расстрелян. Брат пропал без вести. Родовое поместье семьи Ольшанских – дом по ул. Горького, рядом со стоматологической поликлиникой, известный в свое время, как «малярийная станция» и «проектная контора» снесен при строительстве минирынка.

Петр Максимович Гринь погиб в 1918 году при переправе через Дон в составе конницы Буденного. Судьба Гробовика неизвестна. Аким Петрович Шемет пережил все войны, был известным в станице ветфельдшером, умер в очень преклонном возрасте, похоронен на старом кладбище.

1913 год. свадьба Петра Гриня.

Казака обучали обращаться с конем, вольтижировке, сабельной рубке, обращению вообще с холодным оружием, стрельбе из кавалерийского карабина, как в конном, так и пешем строю. Заканчивая обучение, по приготовительному разряду, казак переходил в первую очередь призыва и служил вне дома 4 года. Окончание курса обучения обставлялось надлежащим образом. Молебен, напутствия стариков и родителей, «речи официальных лиц». Обязательно фотография.

Учебные команды выполняли свою главную роль – они готовили молодого человека к армейской службе, к тяготам армейского быта, к войне. Казаки, все без исключения, были опытными кавалеристами. Умели на скаку стрелять, во время атаки уходить от пуль, ускользая под брюхо коня. На скаку казак мог подобрать с земли, например, шапку. Хорошо владели они и холодным оружием – шашкой и кинжалом. Казак всегда был готов к походу. Все необходимое у него было в переметных сумах. Даже ухнали для подков. Находилось место и саквам с сеном. Казаки отчаянны в бою. Ничто не могло устоять против казачьей славы. Вдоволь испытали на себе бесстрашные атаки казаков и японцы, и турки, и австро-венгры, и немцы. О казачьей армии и о том героическом времени мало что напоминает. Где она казачья слава? Разбросаны останки казаков по всему свету. Не жалели их ни царь-батюшка, ни Деникин, ни «красные» командиры. И во Вторую мировую войну казачьими корпусами Ставка Верховного Главнокомандования затыкала прорехи и нестыковки у пехотных дивизий. О том славном времени разве что напоминают старинные фотографии, да человеческая память. И экспонаты музеев весьма немногочисленные, ибо долгие годы был запрет на память, на казачью историю.

А ещё осталось на территории пассажирского АТП неприметное кирпичное здание старинной кладки – остатки казачьей казармы. Таких зданий было несколько. Уцелело только это. Как и общественные амбары, здания, принадлежавшие учебной команде, были снесены в конце 40-х годов в порядке реконструкции части Кладбищенской площади. Комплекс старинных зданий располагался компактно. Но когда на этом месте стала обустраиваться авторота – так называлась прародительница пассажирского АТП, никого не смутило то, что это была территория ещё первого, самого старого кладбища. Не остановило это и строителей 70-х годов, обнаруживших массовые захоронения в местах закладки фундаментов под огромные ремонтные боксы, автошколу и иные здания, стоящие и поныне. Это не единственный пример нашего неуважительного отношения к памяти наших предков, к истории вообще. Сейчас над этой частью площади нависла угроза новой реконструкции более, чем когда – либо это было. Будет строиться новый торговый комплекс и старая казарма подлежит сносу. В связи с появлением еще одного торгового заведения, название Кладбищенской площади будет некорректным. Как выхолостили при советской власти название «Казачий плац». А вот Ярмарочная площадь – это по нашему, в духе времени, в котором не нужны инженеры, зоотехники, врачи и учителя...

Все вокруг большой базар...

Кто потом вспомнит, что место это имеет свою печальную, трагическую память и связано оно со временем жестоким – голодомором. Уже мало осталось в живых людей, переживших то страшное время.

Голод, недород, засуха. Между этими явлениями прямая связь. Не единожды Российскую Империю, находящуюся в зоне неуверенного земледелия потрясали неурожаи, приводившие к голоду. Царская власть не сильно и стремилась изменить ситуацию. Но таких масштабов, как в 1932-33год голод разразившийся на Дону, Кубани, Ставрополье, Украине Россия не знала за всю свою многовековую историю. Ибо этот голод был организованным. Хотя первопричина вполне понятная. На Дону и Кубани коллективизация проходила в варварских формах, предусматривающих только насильственные формы организации колхозов. При этом методы воздействия на наиболее тру-

долюбивую хозяйственную прослойку хлеборобов предусматривали лишения имущества, высылку по этапу и даже расстрел. Крестьяне, не спешившие в колхоз, становились врагами Советской власти. Обезличка трудового вклада колхозника, отсутствие какой-либо оплаты за труд не вызывали у людей заинтересованности в конечных результатах. Отсюда низкая производительность труда. Были факты и прямого вредительства со стороны самих организаторов колхозов. Из-за массовых эпидемий серьезно сократилось конское поголовье. А это основная «тягловая сила» Неурожаи 1930-1932 годов были просто следствием всех этих процессов. Нужно конечно учитывать и влияние природных факторов – засухи. Но не это основная причина.

Массовый исход крестьян из колхозов накалил донельзя обстановку.

В 1932 году урожайность снизилась до 10-12 й с гектара, а в отдельных случаях и 5-6 ц. Правительство, имея международные договора, отказались снизить планы госпоставок. Хлеб любой ценой. И его стали выколачивать у крестьян. Кто не мог сдать зерно, становился саботажником. По логике того времени, все неудачи колхозного строительства можно было объяснить только фактами массового саботажа. Саботажник – это тот, у кого «застучал» двигатель трактора, кстати крайне несовершенной конструкции, это конюх, у которого пала лошадь. «горючевоз» опрокинувший ведро керосина по неосторожности. Для них на той самой территории АТП был организован специальный лагерь заключенных. Так в октябре 1932 года "гамазыны", казармы и иные постройки были обнесены рядами колючей проволоки, по углам установлены караульные вышки. Работы эти выполнили первые арестованные под присмотром конвойной команды из состава 1-й Приуральской бригады конвойных войск ОГПУ, откомандированной на Кубань для борьбы с саботажем хлебозаготовок. Красноармейцев и их командиров соответствующим образом идеологически подготовили в плане непримиримого и жестокого отношения к казачеству, как противникам советского строя. Всеми вопросами концлагеря, а иначе его не назовешь, ведал особоуполномоченный ОГПУ по Каневскому району, Шмалько. Понятия о каком-либо соблюдении социалистической законности вообще не было. Все заключенные были объявлены врагами народа, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Название концлагерь – это отнюдь не дань клевете на наше прошлое. Всё, что там происходило, не поддаётся описанию. Охрана лагеря кормила заключенных 1 раз в сутки мерзлой свеклой, скотину кормят лучше. Каждый день умирало по несколько десятков людей, но состав тут же пополнялся новыми жертвами.

В лагере постоянно пребывало более 200 человек. Его живые обитатели, способные держать лопату рыли огромные могилы на кладбище для умерших, которых свозились со всей станицы. Там безжалостный Молох бескровной войны (Откровения Оптинских старцев. Примечание автора) собирал обильную жертву. Проклятые своими соотечественниками «Комсодовцы» (члены комитетов содействия хлебозаготовок) отбирали у истощенных людей все съестное: горох, фасоль, тыквы, свеклу. За продуктовую «пайку» они не щадили ни стариков, ни детей. Погибшие от истощения могильщики заменялись новыми. Конвейер работал беспрерывно. В этом лагере погиб и мой дед Алексей Иванович Телятник –середняк, крепкий хозяин, достигший успеха в годы НЭПа и, кстати, воевавший за Советскую власть. За золотое кольцо, распоряжавшийся захоронениями командир ОГПУ разрешил похоронить деда в отдельной могиле. Охрана лагеря прятала тела погибших узников от родственников арестованных, а ночью, арестованные сносили умерших на кладбище и сваливали в общие могилы. Есть сведения и о том, что в «пик» голодомора в марте-апреле 1933года, умерших хоронили рядом с «гамазинами». Ни количество людей, ни могилы эти неизвестны. Гибель людей на совести начальника милиции Байрацкого, нач. политотдела при Каневской МТС Зеленкова, заместителя по политчасти Рамаданова, заместителя по административной работе Махаева. В соседнем Новоминском районе изуверством прославился патологический садист, нач. политотдела при Албашской МТС некто Зайцев, оказавшийся впоследствии офицером деникинской контрразведки. Вся неподдающаяся описанию жестокая картина голодомора на совести первого секретаря Северо – Кавказского крайкома ВКПб Бориса Шеболдаева, секретаря крайкома Андреева, председателя Крайисполкома Ларина, нач. Кубанского ОГПУ Попашенко. Божья кара настигла многих изуверов в 1937 году. К сожалению, в г. Ростове есть улицы Шеболдаева и Ларина. Но еще живы дети жертв голодомора, сами пережившие в детстве то страшное время. Они и на «том свете» не простят палачам их родителей, все злодеяния. Сегодня это зовётся просто: злодеяния против человечества. Всё это в компетенции трибунала наподобие Нюрнбергского, либо ныне действующего Гаагского трибунала. Такое никогда и никому нельзя прощать. Ныне во всем мире на местах массовой гибели людей установлены, либо устанавливаются, мемориальные доски. Только в нашей стране, где много людей оскудело исторической памятью, делается для этого крайне мало. Мемориальная доска не испортит вид фешенебельного здания, зато потомки наши будут знать и помнить, и чтить память жертв «бескровной войны», которую вело Советское правительство в лице начальствующих палачей со своим народом.

Сбор колосьев после уборки урожая.

Александр ДЕЙНЕВИЧ

РАССЕКРЕЧЕННЫЙ ГОЛОД

(К 80-летию начала голодомора 1932-1933 гг.)

Вставай, Ленин, подывысь,
Як селяны розжилысь.
Ой, на хаті серп та молот,
А у хаті смерть та голод.
Ні корови, ні свині, -
Тільки Сталин на стіні.

Из народного фольклора 1930-х гг.

Весной 2009 года в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына открылась выставка «Рассекреченная трагедия: голод на Кубани в 1932-1933 гг.».
«Публично упоминать об этой трагедии было строго запрещено в течение нескольких десятилетий», – сообщала пресс-служба музея. И только после того, как тему Голодомора стали активно поднимать на Украине, российские власти решились публично признать факт невиданного голода, охватившего осенью 1932 – весной 1933 гг. Украину, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан, Западную Сибирь, юг Центрально-Черноземной области и Урала – территорию с населением около 50 миллионов человек.

Изощряясь в прислуживании перед режимом единоличной власти, спровоцировавшим массовую гибель людей непомерными хлебозаготовками и жестоким подавлением сопротивления коллективизации села, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) ввел в качестве наказания непокорных казаков систему «черных досок», на которые заносились станицы, «позорно провалившие» план хлебозаготовок.

С ноября 1932 по январь 1933 гг. на «черную доску» были занесены 2 донские станицыи 13 кубанских (Новорождественская, Темиргоевская, Медведовская, Полтавская, Незамаевская, Уманская, Ладожская, Урупская, Новодеревянковская, Стародеревянковская, Старокорсунская, Старощербиновская и Платнировская). «Чернодосочные» станицы окружались войсками с запрещением выезда и с единственным выходом – в ямы скотомогильников и глиняных карьеров. Вывозились все товары, и прекращалась всякая торговля. Советская власть упразднялась, управление переходило к военному коменданту. Люди гибли тысячами, в сохранившихся отчетах сообщается о многочисленных случаях людоедства, а директивы райкомов ВКП(б), не сеявших и не пахавших, но получавших продовольственные пайки, требовали одного – увеличения хлебозаготовок и изъятия зерна любой ценой. О дикости происходившего свидетельствует такой факт: в станицах, где оставались собаки, коммунисты требовали проведения дополнительных проверок: *«Если собаки остались в живых, значит, саботажники прячут продовольствие...»*

Представленные на выставке рассекреченные документы из фондов Центра документации новейшей истории Краснодарского края и редкие фотографии из собрания музея-заповедника, показали страшную картину раскулачивания, репрессий, искореженных человеческих судеб выселяемых с Кубани.

Всего от голодомора 1932-1933 гг. в СССР погибло от 7 до 8 миллионов человек, по Северо-Кавказскому региону – 620 тысяч человек. Только за один 1933 год по официальным данным, численность населения страны сократилась на 6 миллионов 115 тысяч человек, причем, самые большие потери пришлись именно на Кубань. По мнению большинства историков, реальная цифра погибших в разы больше задокументированной.

Страшным катком прокатился 80 лет назад Голодомор по станице и хуторам Новодеревянковского сельсовета.

В последние – постсоветские годы уже много сказано и написано о тех страшных годах и, несомненно, доказано главное – преднамеренная организация голода с целью удержать людей в коллективных хозяйствах, сломить их волю к сопротивлению после начавшегося разброда, вызванного статьей Сталина «Головокружение от успехов» и первых неудач совместного труда.

Голод был не следствием климатических условий – засухи, недорода, а результатом социальных катаклизмов – сталинской политики принудительных хлебозаготовок, превратившихся в настоящую войну с крестьянами и казачеством.

Урожай 1932 года из-за сева озимых осенью 1931 года по нераспаханной стерне и затянувшегося сева яровых весной, а также засухи и дождей в период уборочных работ, оказался в два раза меньше планировавшегося и меньше, чем до коллективизации. В ходе уборки стало ясно, что задание по хлебозаготовкам колхозами, ввиду объективных причин, выполнено не будет. Но не тут-то было. Экономической неудаче был придан политический поворот. Была организована целая кампания по обвинению крестьян в плохой работе, в разворовывании зерна, в том, что они попали под влияние кулаков, хотя тех уже не было.

7 августа 1932 года ЦИК и Совнарком приняли написанное Сталиным постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепления общественной социалистической собственности», получивший в народе названия «закон о пяти колосках» и «закон от седьмого-восьмого». Этот невиданный ранее по дикости и жестокости закон, устанавливал за любое, даже самое малое хищение колхозной собственности наказание 10 лет тюрьмы или расстрел.

Грабительская политика государства привела к падению заинтересованности рядовых тружеников в результатах работы, пагубным образом сказалась на трудовой дисциплине. Значительная часть урожая 1932 году осталась на полях, неубранной и необмолоченной. Почувствовав угрозу голода, крестьяне стали прятать зерно в потайных местах.

В целях «усиления хлебозаготовок» ЦК ВКП(б) направляет на Кубань чрезвычайную комиссию во главе с Л.М. Кагановичем. Разработанные ею меры по слому «саботажа хлебосдатчиков» стали основным механизмом возникновения рукотворного массового голода. 4 ноября 1932 года при активной работе комиссии Северо-Кавказский крайком ВКП(б) принимает постановление «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани», которое говорило о «позорном провале плана хлебозаготовок» и вытекавшей отсюда боевой задаче партийных органов – сломать саботаж и уничтожить сопротивление.

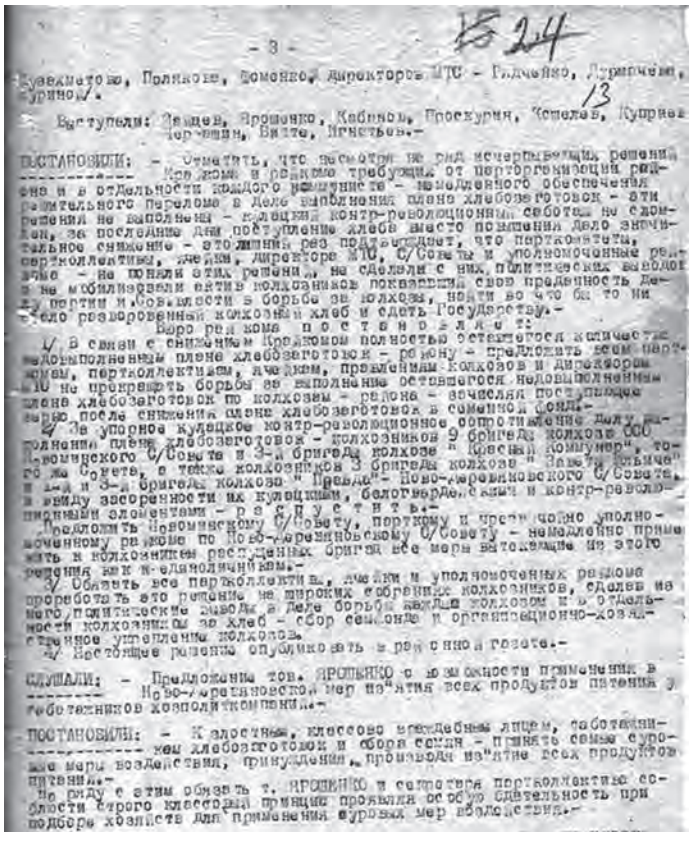
Были голодные годы и в царской России, но никогда еще в отечественной истории не доходили власти в издевательстве над собственным народом до того, чтобы окружать голодающие станицы войсками, отбирать все съестные припасы, превращая их в закрытые резервации с единственным выходом – на могильник. Физические страдания, переживаемые людьми, дополнились и страданиями нравственными – по инициативе Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) впервые, как мера морального воздействия на «саботажников», вводится система «черных досок»

позора, на которые заносились станицы, не выполнившие обязательный план хлебопоставок государству.

26 декабря 1932 года была занесена на «черную доску» и станица Новодеревянковская Староминского района, население которой составляло 12481 человек, подавляющее большинство которых (10507 человек) по происхождению считали себя украинцами. (*Для сравнения: в станице Стародеревянковской, входившей тогда в Каневской район и в тот же день занесенной также на «черную доску», проживало 7230 человек, в том числе 6529 украинцев. – **А.Д.***). Сельский Совет был распущен, его председатель Яков Степанович Зайченко был арестован и расстрелян, власть в станице перешла к коменданту Ярошенко. Чтобы не допустить развала колхозов и разбегания людей, станица была окружена войсками и заградотрядами, запрещался выезд, всякая торговля, собрания. Массовое бегство отчаявшихся от голода людей из колхозно-коммунистического «рая» преподносилось райкомом партии как происки врагов: *«В последнее время классовый враг применил новый метод борьбы с мероприятиями партии – организацию массового бегства колхозников из станиц...»* Для борьбы с этим явлением коммунистические бонзы, сидящие на продовольственных и промтоварных пайках, приказывали создавать «заслоны на выходах из станиц», в помощь работникам ОГПУ и милиции организовывать патрулирование «из проверенного беспартийного актива, партийцев и комсомольцев» по станице и хуторам, «не допуская ни одного случая бегства». Выявленные в других колхозах, совхозах и МТМ беглецы «подлежали возвращению к прежнему месту жительства» и предупреждались, что повторная попытка побега будет «жестоко караться, вплоть до **расстрела**».

Группы комсомольцев, организованные в комитеты содействия сбору продналога, отрабатывая специальные продовольственные пайки, денно и нощно рыскали по станице,

Постановление Старо-Минского райкома ВКП(б) от 30 декабря1932 г.



- 3 -

Кузьменко, Полянов, Семенко, директора МТС - Галченко, Дрипченк, Курино/.

Выступили: Зайцев, Ярошенко, Кабинов, Прокурин, Хомелев, Кудрявцев, Битте, Игнатьев.-

ПОСТАНОВИЛИ: - Отметить, что несмотря на ряд исчерпывающих решений ---------- Крайкома и решительно требующих от парторганизации района и в отдельности каждого коммуниста - немедленного обеспечения решительного перелома в деле выполнения плана хлебозаготовок - эти решения не выполнены - вследствие контр-революционного саботажа не сдвинуто, за последние дни поступление хлеба вместо повышения дело значительное снижение - это лишний раз подтверждает, что партхозактивы, партколлективы, лично, директора МТС, с/Советы и уполномоченные района - не поняли этих решений, не сделали с них политических выводов и не мобилизовали актив колхозников показавших свою преданность делу партии и Советской власти в борьбе за колхозы, найти во что бы то ни стало разворованный колхозный хлеб и сдать Государству.-

Бюро райкома п о с т а н о в л я е т:

1/ В связи с снижением Крайкомом полностью остающегося количества невыполненным плане хлебозаготовок - району - предложить всем партхозактивам, партколлективам, лично, проверенным колхозов и директоров МТС не прекратить борьбы за выполнение оставшегося невыполненным плана хлебозаготовок по колхозам - района - вечеслял последующие дни после снижения плана хлебозаготовок в семенной фонд.-

2/ За упорное кулацкое контр-революционное сопротивление делу выполнения плана хлебозаготовок - колхозников 9 бригады колхоза СОО Староминского С/Совета и 3-й бригады колхоза "Красный коммунар", того же С/совета, а также колхозников 3 бригады колхоза "Заветы Ильича" того же С/совета, а также колхоза "Правда" - Ново-Деревянковского С/Совета, и 2-й и 3-й бригады колхоза "Красный Октябрь" Ново-Деревянковского С/Совета, в виду засоренности их кулацкими, белогвардейскими и контр-революционными элементами - р а с п у с т и т ь.-

Предложить Староминскому С/Совету, партхому и прокурорски уполномоченному района по Ново-Деревянковскому С/Совету - немедленно принять к колхозникам распущенных бригад все меры вытекающие из этого решения как к единоличникам.-

3/ Обязать все партколлективы, лично и уполномоченных района проработать это решение на широких собраниях колхозников, сделав из него политические выводы в деле борьбы каждым колхозом и отдельности колхозниками за хлеб - сбор семенной и организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

4/ Настоящее решение опубликовать в районной газете.-

СЛУШАЛИ: - Предложение тов. ЯРОШЕНКО о возможности применения в ---------- Ново-Деревянковской мер нажатия всех продуктов питания у работников хозполитроппании.-

ПОСТАНОВИЛИ: - К кадастным, классово враждебным лицам, работникам ---------- хлебозаготовок и сбора семян - принять самые суровые меры воздействия, принудления, производа нажатие всех продуктов питания.-

На ряду с этим обязать т. ЯРОШЕНКО и секретаря партколлектива соблюсти строго классовый принцип проявив особую сдательность при подборе хозактов для применения суровых мер воздействия.-

СЛУШАЛИ:

О ходе хлебозаготовок по станице Ново-Деревянковской (Соломоненко, Битте).

ПОСТАНОВИЛИ:

В связи с занесением на черную доску Крайкомом ст. Ново-Деревянковской за контр-революционный саботаж, позорно срывающий выполнение плана хлебозаготовок – это подтверждает, что Ново-Деревянковский парт-коллектив и в отдельности каждый коммунист и комсомолец, с/Совет, не сделали политических выводов из решения крайкома от 4/XI-32 г. не сломили контр-революционный саботаж, организованный кулачеством в деле хлебозаготовок, не вели большевистской борьбы за хлеб, не сумели на деле обеспечить выполнение решений Крайкома.

Бюро райкома – ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. *Принять к неуклонному исполнению решение бюро Крайкома от 26 декабря и в отношении занесенной на черную доску станицы Ново-Деревянковской провести следующие мероприятия, вытекающие из решения бюро Крайкома от 4/XI-32 г.*

а) *немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной*

разыскивая при помощи металлических щупов запрятанное, как утверждала партийная пропаганда, зерно и прислушиваясь, не заскрипит ли где «каминець» – примитивная ручная мельница.

Подводя итоги выполнения годового плана хлебозаготовок 31 декабря 1932 года бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) постановило:

«Считать, что меры, вытекающие из занесения на черную доску в отношении ст. Уманской (Павловского района), Урупской (Армавирского района), Ладожской (Усть-Лабинского района), Старо-Деревянковской (Каневского района), Старо-Корсунской (Краснодарского района), Ново-Деревянковской (Старо-Минского района) и Мешковской (Верхне-Донского района), проводятся недостаточно.

Обязать советские и партийные организации немедля провести со всей строгостью все меры, вытекающие из занесения их на черную доску».

Здесь, в бывшем доме Кушнира, находился политотдел – «глаза и уши партии».

и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров,

б) *полное запрещение колхозной торговли, как для колхозов, колхозников, так и единоличников,*

в) *прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств,*

г) *проверку и чистку органами РКИ колхозных, кооперативных и государственных аппаратов от всякого рода чуждых и враждебных элементов.*

Предупредить жителей ст. Ново-Деревянковской, занесенной на черную доску, что в случае продолжения саботажа хлебозаготовок, краевыми организациями будет поставлен вопрос перед Правительством об их выселении из пределов края в северные области и заселение этой станицы добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях.

2. *Для слома кулацкого контр-рево-люционного саботажа и обеспечения выполнения полностью годового плана хлебозаготовок, командировать представителей райкома в колхозы Ново-Деревянковского Совета товарищей:*

Колхоз «Молот»	*Ливенцев, Антоненко*
Колхоз «Шлях до социализма»	*Педан, Голышина*
Колхоз «Новый Восход»	*Грибенюк, Апостолов*
Колхоз «Правда»	*Демченко, Мирошниченко*
Колхоз «Заветы Ильича»	*Хатыхов, Краснов, Амилов*
Колхоз «Верный Путь»	*Гнездилов, Квасов*

Возложить на них персональную ответственность за выполнение полностью плана хлебозаготовок по колхозу в ранее установленные сроки.

3. *Предложить Ново-Деревянковскому парт-коллективу и Совету немедленно мобилизовать всех коммунистов, комсомольцев и членов Совета прикрепить к бригадам, дать дневные задания по вывозу на элеватор и требовать выполнения. Коммунистов, комсомольцев, членов Совета, не обеспечивающих выполнение дневных заданий по вывозу хлеба на элеватор, немедленно исключать из партии, комсомола, отводить из членов Совета и предавать суду.*

4. *Напомнить колхозникам и единоличникам ст. Ново-Деревянковской, что единственным средством, при котором станица может быть снята с черной доски – является выполнение полностью годового плана хлебозаготовок, найти во что бы то ни стало расхищенный колхозный хлеб и сдать государству.*

5. *Предложить всем парткомам, коллективам, ячейкам и уполномоченным райкома решение Крайкома от 26/XII с.г. проработать на партсобраниях и собраниях колхозников и единоличников, сделав из этого решения политические выводы в деле выполнения плана хлебозаготовок каждым колхозом и в целом Советом в установленные сроки.*

Изъятие у новодеревянковского «саботажника» (стоит первый справа) «всех продуктов питания». Первый слева милиционер А.И. Яблонский.

Для усиления партийного руководства сельским хозяйством и политической работы с массами в сложившихся условиях, в январе 1933 г. при Новодеревянковской МТС был открыт политотдел – «глаза и уши партии», который возглавил Зайцев, в короткое время заслуживший репутацию настоящего душегуба. При политотделе позже стала издаваться и своя газета с претенциозным названием «Социалистическое переустройство».

9 января 1933 года бюро Староминского райкома ВКП(б) отметив, что несмотря на предупреждения и наложенные взыскания, в деле выполнения плана хлебозаготовок по станице Новодеревянковской никаких сдвигов не произошло, саботаж хлебозаготовок не сломлен, приняло секретное постановление: просить крайком ВКП(б) о выселении жителей чернодосочной станицы Новодеревянковской за пределы края. Не получив команду, на очередном заседании 20 января 1933 г., запротоколировав, что вместо увеличения поступления хлеба отмечается значительное снижение, по предложению коменданта станицы Ярошенко, бюро райкома приняло постановление о применении к новодеревянковским «саботажникам» такой «меры воздействия», как «изъятие всех продуктов питания».

Комсомольцы и активисты зимой вытаскивали из погребов бочки с солениями, разбивали, выливали содержимое на землю, топтали все ногами. У голодающих людей отнимали даже возможность самих себя прокормить. У обессилевших от голода «саботажников» отбиралось все, что могло поддержать жизнь: кабаки, бураки, семечки подсолнуха, фасоль, горох, макуха... Люди ели кошек, собак, крыс, лягушек, ловили ворон, воробьев. В пищу шли коренья трав, почки деревьев и кора, водоросли, улитки, черви. Голод привел к всплеску преступности – росту краж, убийств, грабежей, разбойных нападений, имели место случаи людоедства и трупоедства. Перед лицом голодной смерти человек цеплялся за жизнь всеми доступными способами.

Сохранившиеся в архивах документы нельзя спокойно читать и сегодня. Вот только несколько выдержек из пространного «Спецсообщения секретно-политического отдела ОГПУ о продзатруднениях в отдельных районах Северо-Кавказского края» начальника СПО ОГПУ Г. Молчанова (начало 1933 года):

«...Колхозница Г., имеющая до 500 трудодней, питается древесными опилками. Единоличник Д. питается собачьим мясом и крысами, семья его в 6 человек (жена и дети) умерли от голода.

...гр. Г. употребляла в пищу труп своей умершей сестры. Г. заявила, что на протяжении месяца она питалась различными отбросами, не имея даже овощей и что употребление в пищу человеческого трупа было вызвано голодом.

...На кладбище обнаружено до 30 трупов, выброшенных за ночь, часть трупов

изгрызаны собаками. Труп колхозника Р. был перерезан пополам, без ног, там же обнаружено несколько гробов, из которых трупы исчезли.

...На квартире обнаружен труп девочки с отрезанными ногами и найдено вареное мясо.

...26.II член сельсовета А. увидела Р.Н., выходящую из погреба со следами крови на платье. Об этом А. сообщила председателю сельсовета. Проверкой факта установлено, что Р.Н. вырезала у трупа сына М. мясо с бедер обоих ног. На вопрос – зачем это сделала – Р. ответила: «Это не ваше дело, я резала мясо со своего ребенка, но его еще не ела...»

Десятилетие пропаганды безбожия, натравливание одного человека на другого, культивирование и поощрение ненависти, отменили всякие моральные принципы. Воровство приняло массовый характер. «Свою кормилицу – корову, мы держали здесь же, в хате, где жили, – вспоминала Дарья Константиновна Бут. – Если бы не она, мы бы не выжили».

Рассекреченные сейчас документы того времени показывают нам, что среди начальствующих коммунистов Новодеревянковской партийной организации нередки были случаи пьянства, разврата, издевательств над людьми, взяточничества: «пьянствует, лодырничает», «целые недели подряд играл в карты»... В колхозе «Животновод им. Правды» группа «руководящих работников колхоза совершила ряд фактов избиений и факт пытки колхозников и единоличников»...

Уполномоченный по хлебозаготовкам в Новодеревянковской С.М. Амилов незаконно описал имущество и отобрал дом у беднячки колхозницы Кононенко, которая для выживания делала бумажные цветы и продавала, после чего женщина умерла. Точно также он поступил с другой бедняцкой семьей, где колхозница пыталась продать свою юбку. Сам же коммунист, отобрав у колхозников зерно, якобы ими расхищенное, вместо элеватора, отвез его к себе домой, «купил гуся и начал его откармливать для своих личных надобностей». Решением краевой комиссии по чистке, он был исключен из партии и снят с работы, но не за смерть людей, а за то, что «допустил покупку гуся в станице, занесенной на черную доску, на что не имел никакого права, т.к. в станице всякая торговля прекращена».

Анастасия Яковлевна Новикова (1916-1989) свидетельствует:

– В 1933 году я возвратилась в станицу из г. Ставрополя, где училась в педтехникуме, по ул. Гимназической, 8.

Отец прислал 10 рублей денег и письмо, в котором написал: «Продали машинку швейную за 20 рублей и высылаем тебе 10 рублей и Марусе (старшей сестре, которая училась в г. Ейске) 10 рублей... Приезжайте, умирать будем вместе».

Голод был страшный. На второй день после моего приезда приходит к нам председатель нашего колхоза и говорит мне:

– Ты в техникуме ела хлеб 400 грамм в день?

– Да.

– Вот и будешь возить покойников с П. (он жил во втором квартале).

И начали мы работать. День поработали, на второй день выхожу на работу, (собирались мы в хозчасти колхоза – она была на углу, в хате, где жили Скибы, которых раскулачили, а хату забрали в колхоз), а напарника моего нет. Когда приходит завхоз Федот Махно и говорит мне:

– П. Василя не будет. У них сейчас был обыск и нашли Нюру Кириенкову, зарезанную. И еще нашли в цветочном горшке голову мальчика с их улицы, но с первого квартала. Они съели этого мальчика и Кириенкову Нюру. А у Нюры косы были длинные. Так они голову отрезанную Нюры спрятали за зеркало, висевшее на стене, а косы и свесились из-за зеркала на стол. Так через те косы их поймали и забрали.

Люди, не способные на воровство и на всякие другие ухищрения, а также многосемейные, вымерли почти все, целыми родами.

– Подвалы, погреба по улице Красной были забиты трупами, – свидетельствует старейший житель станицы Ф.А. Безверхий. *– Мой сосед Германовский, повел к себе в хату и показал мне мертвых родителей – отца и мать, уже позеленевших, покрытых плесенью. Так он прямо в доливке – земляном полу, вырыл ямку, как смог, так их и поховал. И Коваленко Кузьма, тракторист. Нема на работе день, два. Пошли к нему домой, а жинка вылезла и кажэ: «Вмэр. Так я його прямо у хати и закопала». Деркачку, ще живу, отвезли на Бакай, бросыли в яму. Дэ вона силы взяла, а до дому прылизла. А потом ще у нас в брыгади робыла кухаркою. А брата моего П. зъилы в 33-м году. Одын брат був и того зъилы...*

Специальные команды с арбами и коровами, использовавшимися в качестве тягловой силы, ходили по дворам, собирая трупы. За эту работу давали паек, а он давал временное право на жизнь.

– Такую картину можно было наблюдать ежедневно и я, часто из кабинета коменданта станицы Ярошенко видел ее, – вспоминал комсомольский активист того времени И.Д. Варивода. *– Трудно описать, как мы реагировали на этих «врагов народа». До нитки голые, как попало набросанные на гарбы: кто висел через драбины головою вниз, у кого руки висели до земли, кто одну или обе ноги задрал вверх – окоченелые, они совершали последний путь на цэгэльню, на Бакай. Там был раньше кирпичный завод и глину брали из карьера. Бросали всех в эту братскую могилу. Возраст их был от младенцев, знавших только соску, до бородачей. Мужчин было больше. Бросали людей и живых еще, но таких, что уже все равно дойдут, умрут...*

В последний путь.

Более шести тысяч тружеников лишилась станица за страшный год. В архиве ФСБ хранится письмо в город Шахты красноармейцу Юрченко от родителей, проживавших в ст. Новодеревянковской, так и не попавшее к адресату:

«...Людей много мрет у нас с голоду, суток по 5 лежат, хоронить некому, люди голодные, ямы не выкапывают, очень мерзлая земля, хоронят в сараях, садах. Люди страшные, лица ужасные, глаза маленькие, а перед смертью опухоль спадает, становится желтой, заберется к кому-либо в дом и ложится умирать. Молодые девчата ходят, просят кусочек хлеба или огурца. Не знаем, что будет с нами, голодная смерть ждет...»

Дикий всплеск смертности в описываемый период, подтверждает и хроника смертей в Северо-Кавказском крае:

1932 г.	
Август	11 675 чел.
Сентябрь	15 532 чел.
Октябрь	11 685 чел.
Ноябрь	12 992 чел.
Декабрь	11 963 чел.

1933 г.	
Январь	17 693 чел.
Февраль	25 049 чел.
Март	38 766 чел.
Апрель	59 242 чел.
Май	60 038 чел.

По данным профессора И.И. Алексеенко, число умерших от организованного властями голода в станицах колеблется от 40% до 60%, а в отдельных местах и более. Население Староминского района, по материалам отчета РК ВКП(б) на 8-й районной партийной конференции (январь1934 г.), сократилось с 76,7 тыс. человек в 1930 году до 52,0 тыс. чел. на 1 июня 1933 года.

– Мое поколение до самого конца верило в победу социализма, в светлое будущее, которое нам принесет коммунизм, – сокрушался И.Д. Варивода. *– Как мы хотели мировой революции!.. Нам преподавали, что в одной стране построить коммунизм нельзя, нужна мировая революция, уничтожение капитализма. И тогда на земле будет рай. Охваченные единым порывом мы не замечали и не понимали, что если в первой фазе коммунизма колхозникам давали пшеничных отходов по 200 г на трудодень*

(в 1931-1932 гг.), а в 1932 и этого не стало и люди стали умирать по 100-150 человек в сутки, то, что же будет при коммунизме?.. Могли ли мы предположить даже в дурном сне,что на месте чистых белых мазанок под камышом, дворов, покрытых зеленым ковром спорыша и заполненных заливистым радостным смехом ребятишек, будут расти дурман, осот, будяк, лобода?

Станица так и не оправилась от нанесенной раны. И сегодня, разбросанные по ней то тут, то там пустыри, безмолвно свидетельствуют о тяжкой поступи сталинского социализма. Утратившая окончательную веру в справедливость высшей власти, Новодеревянковская в последующие годы так никогда и не достигла численности населения доколхозного периода.

23 февраля 1933 года, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) снял станицу Новодеревянковскую с «черной доски». Были восстановлены органы местного управления, снят комендантский час и патрули, начало функционировать сельпо.

ПРОТОКОЛ № 56
внеочередного заседания бюро Старо-Минского райкома ВКП(б) С.К.К.
от 25-го февраля 1933 года
Присутствовали члены бюро тт. Игнатьев, Проскурин, Жмулин, Двукраев, Фомин, Калинин.

СЛУШАЛИ:
О черно-досочной станице Ново-Деревянковской(Игнатьев).

ПОСТАНОВИЛИ:
1. *В виду того, что станица Ново-Деревянковская решением Крайкома от 23/II снята с черной доски – предложить Совету немедленно восстановить прежде существовавший порядок в станице в отношении базара, торговли и проч.*
2. *Предложить всем районным организациям наравне со всеми станицами обслуживать и станицу Ново-Деревянковскую во всех отношениях.*
3. *Обязать ячейку, с/Совет широко разъяснить среди колхозников и единоличников постановление Крайкома от 23/II-33 г., добиваясь на основе его разъяснения повышения темпов сбора семян и подготовки к весеннему севу.*

В мае 1933 г. репрессивные меры по отношению к «саботажникам» хлебопоставок были отменены повсеместно и директивой ЦК ВКП(б) было предложено перейти к обычным методам «массово-политической работы».

Жуткий вид имела станица летом 1933 года. Безмолвная тишина, дворы, улицы, заросли лебедой, лопухами выше человеческого роста и толщиной в молодое деревцо. Ни одного забора, хаты без дверей, без окон и без луток зияют пустыми глазницами. Колхозная жизнь в ту страшную зиму 1932-1933 гг., по сталинскому указу «от седьмого-восьмого», оставила людей даже без топлива. Традиционными его видами в безлесных степных станицах были бадылья (сухие стебли) кукурузы, подсолнуха, кизяк (высохший навоз), в крайнем случае, солома. А печь в казачьей хате служила не только источником тепла – на ней же готовили пищу. Теперь все это топливо стало «социалистической собственностью», расхищение которой из колхоза оценивалось десятью годами лагерей или расстрелом. Голодных людей ждало еще одно наказание – холодом. Чтобы как-то избавиться от этой беды, люди шли на крайние меры: ломали сараи, амбары, огорожу, полы в домах, срывали в хатах умерших односельчан все, что могло поддержать огонь: рамы, окна, лутки, двери, разбирали крыши, крытые камышом. Очень сильно пострадало станичное кладбище, на котором остались только немногие металлические кресты, да каменные надгробия зажиточных станичников. Деревья спилили, деревянные кресты растащили на топку. Мертвые продлевали жизнь живым.

На всю жизнь запомнил посещение своих родных в станице Новодеревянковской в 1933 году Николай Иванович Сахно:

– Все, что было во дворе, уже ничего не стало, где стоял сарай – пустое место, хата покосилась, похожа на свинарник. Камышовые сени поредели, окна маленькие, крыша камышовая вся сгнила, поросла зеленым грибом. Обошел кругом, постучал в окно.

Мне открыли и не ожидали меня, расцеловали мать, брат и его жена, и детишки – мои племянники. Поговорили немного и улеглись спать. Я долго не спал и все думал, что так изменилось в худшую сторону? Жизнь в колхозе уже немного укрепилась, но сами колхозы еще слабые. Там, где я работал, в МТС в Азербайджане, там люди жили значительно лучше, чем здесь. Чем это объяснить?

Утром я встал рано, спал на печке. Гляжу на них, мне жалко стало до глубины сердца смотреть на них. Постели нет, так, тряпки да ряднюги грязные постланы. Брат оборванный, в тряпках ходит. Мать тоже во всем рваном, все износилось в лоскутья, а купить негде и не за что.

Колхоз денег не давал, план хлебозаготовки еще не выполнен. Зерна дали немного на трудодень, а остальное, когда закончат вывозить хлебозаготовку, а вывезут и давать будет нечего. Потом мне стали снова рассказывать, кого выслали, кто умер с голоду, про товарищей и соседей. Все подробно рассказали, что произошло в станице за эти шесть лет.

А раньше работали в колхозе, но на трудодни ничего не давали. Кто чего украдет, то и принесет кушать один раз в день. А

переселенцы были на привилегированном положении – работать не работали, а паек получали. Муку, масло растительное, мясо, для топки солому им привозили на дом. А местным казакам ничего не давали, а так кто как умел, добывали сами.

Основной тягловой силой в хозяйствах по прежнему оставались быки и лошади, и только в июле 1933 г. в МТС прибыли первые 30 колесных тракторов СТЗ.

Оставшиеся в живых, запуганные люди безропотно за «палочки» трудодней продолжали трудиться в колхозах, число которых теперь увеличилось до одиннадцати: в результате очередного разукрупнения появились новые колхозы им. XVII партсъезда, «Новый Строй», «Рот Фронт», «Красная Звезда». Колхозное строительство, превратившее труженика и бывшего хозяина земли в бессловесное забитое существо, лишенное права голоса, продолжительный рабочий день, зачастую без выходных и отпусков, отсутствие нормального снабжения повлекли за собой значительное ухудшение жизненного уровня станичников. Не было соли, сахара, керосина, мыла, обуви, одежды...

Приобрести ткань для шитья одежды было невозможно, да и не за что – за годы колхозного строительства деньги и ткани вывелись. Перешивали старое, если оно было или ходили в обносках. «Як жылы наши батькы при царях та царыцях, так бабы ходыли и у спидныцях, – с горькой иронией говорили казаки. – А як прыйшов Совет, так стало и сраке свет». Не было обуви, весну, лето и осень ходили босиком. Зимой и в ненастную погоду надевали постолы (зимой набивали соломой) – самодельные мокасины из куска сыромятной кожи, стянутой на щиколотке ремешком.

Колхозники по-прежнему не имели паспортов, не было ежемесячной оплаты за труд, отсутствовала какая-либо оплата в случае болезни. Основным мерилом труда в общем хозяйстве оставался трудодень.

Сыдыть баба на рядни,
Та й считае трудодни:
Трудодень, трудодень, –
Дай хлиба хочь на день.

Скудное питание со своего огорода, жизнь впроголодь, лишали сил. В лучшем положении находились те, у кого была в хозяйстве корова. Практически все, кто выжил, упоминали эту бессловесную, молчаливую труженицу, спасшую молоком не одну сотню обреченных на гибель людей. И она, конечно, как источник жизни голодных лет и символ благополучия, давно заслуживает памятника.

«Финансовое состояние всех колхозов Ново-Деревянковской МТС Старо-Минского района тяжелое, – говорилось в секретном спецсообщении ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю «О предварительных итогах хозяйственного года и тенденциях к выходу из колхозов в некоторых районах» от 20 декабря 1933 г. – *Колхозы имеют огромную задолженность, на все поступающие доходы госбанки накладывают аресты. По предварительным данным из 8 колхозов МТС только в половине может быть выдана денежная часть доходов колхозникам в сумме от 5 до 29 копеек на трудодень. В остальных колхозах на трудодень ничего не причитается».*

Трагическая страница голодной зимы 1932-1933 года, вошедшая в историю Кубани как «кулацкий саботаж», занимает особое место в череде тяжких испытаний, выпавших на долю кубанского казачества в советский период. Трагедия казачьего края усугублялась тем, что официально голод не признавался. Помощь голодающим, как это было в 1922 году, не оказывалась. Документы и воспоминания очевидцев тех событий убедительно показывают, что жители села (а в основной своей массе это были колхозники) фактически не считались за людей. Слухи о голоде объяснялись коммунистическими властями тем, что «кулацкие элементы» специально их распространяли и «в целях борьбы с Советской властью нарочно голодали и умирали».

Сокрытие происходивших страшных событий от мировой общественности, ярко продемонстрировали настоящее, а не прикрытое пропагандистской шелухой отношение власти к труженику-кормильцу. «Эта власть обрекла на смерть и уничтожение миллионы своих сограждан» – констатирует директор Государственного архива Российской Федерации доктор исторических наук профессор С.В. Мироненко.

А в 1937 году были найдены и «организаторы» голодомора. Ими оказались выполнявшие указания Сталина и Кагановича первые руководители Северо-Кавказского края Б.П. Шеболдаев, В.Ф. Ларин, М.М. Малинов. Обвиненные в организации голода в плодороднейшем крае России с целью поднять казаков на восстание против Советской власти, они, как руководители и активные участники «троцкистско-зиновьевской террористической и диверсионно-вредительской организации» были приговорены к расстрелу. Понес наказание и непосредственный руководитель умерщвления людей в станице начальник политотдела Новодеревянковской МТС Зайцев.

Долгое время замалчивавшаяся тема голодомора на Кубани получила ныне свое звучание в многочисленных публикациях на страницах местной и центральной печати. И, может быть, не стоило еще раз, в годовщину печального «юбилея» останавливаться на ней, если бы не раздавались и сегодня голоса отдельных радетелей нашего недавнего прошлого: не было этого, все это выдумки, очернение советского прошлого. И это говорится уже после того, как Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 года № 9-п было признано, что идеи Советской власти «привели к мас-

совому геноциду населения страны 20-50-х годов, разрушению социальной структуры гражданского общества, чудовищному разжиганию социальной розни, гибели десятков миллионов безвинных людей»! Вот потому и представляют особую ценность воспоминания живых людей, свидетелей и участников тех давних событий. В них нет упоминаний ни о затаившихся белогвардейцах, ни об атаманах и уцелевших кулаках, якобы организовавших голод и пытавшихся с помощью международного капитала «расшатать устои советской власти». Не они – мифические враги Советской власти, а уполномоченные самой властью представители несли людям голод и смерть.

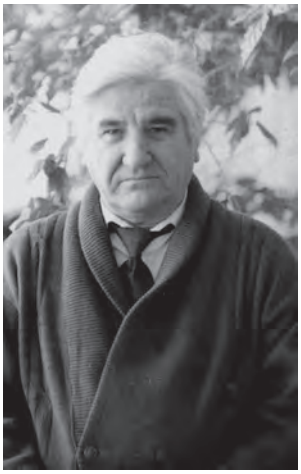
Уничтожались не только люди, но и сама память о них: места братских захоронений (ямы, глиняные карьеры) никак не обозначались, а книги записей рождений и смертей уничтожались. Упоминание самого слова «голод» в документах было нежелательным, оно заменялось словом «продзатруднения»...

– Где она спит, казацкая слава? – спрашивает писатель и публицист Петр Ткаченко. И отвечает: – Это яма, котлован, траншея. Такие ямы есть, пожалуй, в каждой кубанской станице. Это ров 1933 голодного года... Он все еще зияет своим страшным зевом, словно ожидая новых жертв. Тут спит казацкая слава...

Пришедшая восемьдесят лет назад на землю Кубани беда, навсегда изменила ход истории, стала самым тяжелым испытанием довоенного времени, выпавшим на долю простых тружеников-хлеборобов. «Голодомор не только физически уничтожал людей. Он должен был вызвать покорность и страх, – сказал в обращении к народу 24 ноября 2012 г. – в канун Дня памяти жертв голодоморов Президент Украины Виктор Янукович. – Наш долг – всегда нести в сердцах память о тех страшных событиях. Мы также должны сделать все для того, чтобы не допустить подобной трагедии в будущем».

Преступление против собственного народа правившего в 30-е годы режима не должно быть забыто и ему нет прощения!

Ежегодно, с весны 1998 года, здесь, на западной окраине станицы Новодеревянковской, у Поклонного креста, сооруженного казаком Алексеем Ивановичем Шевелевым, проходит панихида памяти жертв Голодомора 1932-1933 гг.



Уважаемые читатели! Продолжаем публиковать материалы краеведа, нашего друга, оставившего нам такое богатое наследие.

Считаем целесообразным познакомить вас с этими материалами. Это большой раздел о народном образовании в станице, об истории некоторых её культурных объектов, о службе и об участии в первой мировой войне казаков – привольненцев, Георгиевских кавалерах.

Виктор АНДРЮЩЕНКО

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ

Всякая армия награждала и награждает своих воинов. Награждаются самые храбрые, самые умелые и решительные. Из истории Руси известно, что защитники Родины награждались и титулами, и землёй, и деньгами, и, конечно, боевыми наградами – орденами и медалями. Со временем в Российской империи были учреждены ордена и медали, которыми награждались не только генералы и офицеры, но и нижние чины. Всякая награда почётна, но к некоторым из них воины проявляли особое уважение, как, например, к Георгиевскому кресту, Георгиевской медали, Георгиевскому оружию, Георгиевским штандартам .Возможно это от особого почитания в России к святому Георгию Победоносцу . По преданию он имеет благость покровительствовать христолюбивым воинам. Лик Георгия Победоносца изображался на боевых хоругвях, на гербах князей и городов.

В честь этого святого Екатериной Второй был учреждён специальный орден. Орден (крест и звезда) имели четыре степени. Кресты всех степеней отличались только размерами. Были они золотыми, покрытыми белой финифтью с золотой каёмкой по краям. В центре круга, залитом красной финифтью, помещалось изображение святого Георгия в виде всадника, копьём поражающего змея.

В ордене святого Георгия звезда была четырёхугольной, золотой. В центре её помещался вензель святого Георгия (переплетённые буквы СГ), а вокруг него орденский девиз – «За службу и храбрость». Среди множества достойных, заслуживших эту награду, полных кавалеров святого Георгия (награждёнными всеми четырьмя степенями) было всего четыре. Все четверо генерал-фельдмаршалы: Михаил Илларионович Кутузов, Михаил Богданович Барклай – де – Толли, Иван Фёдорович Паскевич – Эриванский, и Иван Иванович Дибич – Забалканский.

Орден святого Георгия (крест и звезда) жаловались исключительно офицерам за воинскую доблесть. Но в 1807 году для нижних чинов был учреждён знак отличия Военного ордена – Георгиевский крест. Впоследствии этот знак также имел четыре степени, а позже была учреждена и Георгиевская медаль «За храбрость».

Награждение Георгиевским крестом было столь почётным, что солдатские кресты продолжали носить и после производства в офицеры. В годы Первой Мировой войны, прежде чем вручить Георгиевский крест солдату должна была высказать своё мнение полковая Георгиевская дума. То есть, вряд ли можно было получить Георгиевский крест за какое-либо маловажное отличие.

Этот исторический экскурс сделан для того чтобы лучше понять то, что будет изложено ниже. А речь пойдёт о привольненцах – Георгиевских кавалерах. Полного списка всех казаков, награждённых Георгиевским крестом или Георгиевской медалью, не существует. Сохранились лишь отдельные приказы Наказного атамана Кубанского казачьего войска генерала от инфантерии Бабыча. Ниже будут изложены все имеющиеся по данному вопросу сведения.

За время первой мировой войны Георгиевскими крестами было награждено 3703 кубанца. В Первом, Втором и Третьем конных полках Георгиевских кавалеров 874 человека. То есть четверть от всего войска. Георгиевскими медалями награждён 3061 человек. По нашим полкам: Первый Запорожский – 2 медали, Второй Запорожский таких наград не имел, Третий Запорожский – 291 человек. А обладателей Георгиевских крестов в Первом Запорожском – 41 человек, во Втором Запорожском – 613, в Третьем – 220 человек. Это сведения по кавалерийским полкам. Но привольненцы воевали ещё и в пластунских батальонах, артиллерийских батареях, отдельных сотнях. О Георгиевских кавалерах по этим частям сведения очень скудные.

Единственный наш земляк **Максим Алексеевич Спичак** имел Георгиевские кресты всех четырёх степеней. Он закончил войну в чине подъесаула. Есть сведения ещё об одном офицере – Маловеке Иване (Ванюшке) Игнатьевиче. Он был награждён Георгиевским крестом 4 степени, Георгиевской медалью 4 степени. Орденом святой Анны 4 степени и орденом святого Станислава 3 степени с мечами и бантами.

Много Георгиевских кавалеров было среди унтер-офицеров и казаков.

Вахмистр **Пазий Карп** из 3-го Запорожского полка, **Мищенко Пётр Савич**, старший урядник из 2-го Запорожского полка, старший урядник этого же полка **Садковский Евстафий** награждены дважды.

Младшие урядники 2-го Запорожского полка: **Белохорт Василий** – трижды, **Жук Яков** и **Коновал Георгий** – дважды.

Младшие урядники 3 -го Запорожского полка: **Пашковский Семён**, **Дьяконенко Антон Онисимович** – дважды, **Косогор Георгий**, **Иващенко Даниил**, **Верещака Федот** – дважды, **Верещака Гавриил** – один раз.

Приказные 2-го Запорожского полка: **Буря Андрей**, **Дьяконенко Харлампий**, **Левченко Василий Фёдорович**, **Новолат Филипп**, **Чёрный Николай**. **Овсиенко Иван**, **Пархоменко Иван**, **Попов Тарас**, **Симоненко Николай** имели по одной Георгиевской награде.

Приказные 3-го Запорожского полка: **Ридько Степан** награждался дважды, **Борсковец Яков**, **Куцый Алексей** – по одному разу

Казаки 2-го Запорожского полка: **Шинкаренко Авксентий**, **Овсиенко Оникей**, **Иващенко Игнат**, **Иващенко Николай**, **Верещака Игнат**, **Верещака Федосей** также награждены по одному разу.

Казаки отдельной 10 сотни: **Кукса** и **Карпц** по одному разу.

Казак 2-го Запорожского полка: **Гипич Антон** – дважды.

В казачьих войсках существовало такое положение: если рядовой казак награждался Георгиевским крестом, ему автоматически присваивалось звание младшего урядника. В тексте указаны звания на момент награждения Георгиевской наградой.

Возвратились с фронта и стали активными строителями новой жизни в Привольной Максим Алексеевич Спичак и Пётр Савич Мищенко. Точно дожил до 1921 года и был раскулачен Георгий Коновал, сгинул в чреве ГУЛАГа Василий Фёдорович Левченко.

Прожили долгую жизнь Антон Онисимович Дьяконенко и Овсиенко Оникей.

Можно предположить, что кто-то из Георгиевских кавалеров погиб в годы гражданской войны. Кто-то был репрессирован. А вообще, судьбу Георгиевских кавалеров точно знали родственники, но и их в живых уже почти никого не осталось.

Виктор АНДРЮЩЕНКО

ПРИВОЛЬНЕНСКАЯ ВОЗНЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Искоренители русской духовности, разорители церквей и монастырей, кажется, навсегда канули в Лету. Реставрируются старые и строятся новые церкви, открываются монастыри. Руководители страны систематически встречаются с Патриархом Московским и Всея Руси, большими тиражами издаётся литература религиозного толка. Настало время собирать камни, хотя бы те, которые ещё можно собрать.

Несколько поколений привольненцев родились уже, после того как сгорела Свято-Вознесенская церковь. Уже мало кто и помнит её, где она стояла. А стояла она около 50 лет пока не сгорела от грозового разряда в 1937 году.

Как известно, посёлок Привольный, в будущем станица Привольная, был основан переселенцами из станицы Новомышастовской в 1881 году. В первые годы население посёлка было малочисленным, и поселковые прихожане ездили молиться в Бриньковскую церковь.

Свободной земли у новосёлов было много, и они сдавали её в аренду с тем, чтобы накопить денег и построить здание правления, церковь, школу, общественные магазины (амбары для хранения общественных запасов зерна на случай неурожая), благоустройства дорог и другие общественные нужды.

Доподлинно известно, что уже в 1884 году в посёлке был молельный дом во имя Вознесения господня. Это была обычная саманная хата, крытая камышом. Отдельно от неё, на 4 столбах, установлена колокольня. Настоятелем молельного дома был священник Василий Скидан, рукоположенный епископом Кавказским и Екатеринодарским Германом 16 ноября 1884 года (по старому стилю).

А ещё через 4 года в посёлке Привольном стараниями прихожан, была построена церковь. Освящена она во имя Вознесения Господня и названа Вознесенской. Здание было деревянное, на кирпичном фундаменте, крытое железом, с одной главою. Холодное. Так же рядом на 4 столбах установлена колокольня. Церковный двор был огорожен деревянной изгородью.

Ещё в 1884 году церковному притчу (служителям церкви) было выделено 90 десятин земли. Из которых 60 десятин священнику, а 30 псаломщику, в 9 верстах от посёлка. Особым богатством и утварью в первые годы церковь не отличалась. Священник и псаломщик жили в общественных домах, содержанием их были доброхотные пожертвования прихожан. И содержание это было посредственным.

Это и понятно, посёлок только обустраивался и многие новосёлы сами едва сводили концы с концами. Сильно богатых прихожан ещё не было.

В церковной ограде было ещё одно небольшое здание – саманная хата из двух комнат, в которой жил церковный сторож.

Церковь располагалась на Старой или Церковной площади, в историческом центре станицы, на территории нынешнего станичного парка. А на пересечении нынешних улиц Школьной и Московской в 1901 году было построено здание церковно-приходской школы на пять классов с тёплым коридором. Здание было турлучное, в холодное время отапливалось камышом или сухой травой. Школу полностью содержала церковь. Например, в 1905 году на неё было выделено 100 рублей. В этом же году в церковно-приходской школе обучалось 50 детей.

Известно также, что расстояние от церкви до Консистории (находящейся в Ставрополе) равнялось 280 вёрстам, а до местного благочиния – 20 вёрст. Благочиние было следующим: Георгиевская трёхштатная церковь станицы Бриньковской в 16 верстах и Свято-Духовская трёхштатная церковь в станице Каневской в 20 верстах от Привольненской Свято – Вознесенской церкви.

В 1904 году станичная церковь имела в наличии 1820 рублей 76 копеек. Законоучителем в приходской школе был священник Алексей Мелиоранский, 34 лет от роду, а учительницей Вера Михайловна Сотниченко, дочь казачьего офицера. О священнике известно, что он окончил Тульскую духовную семинарию и 12 апреля 1895 года назначен в Свято – Вознесенскую церковь, (дата по старому стилю).

В клировой книге нашей церкви в 1914 году значился священник Семён Селезнёв пятидесяти лет от роду, окончивший курс Ставропольской духовной семинарии и назначеный священником в Привольненскую церковь 29 сентября 1907 года (по старому стилю).

Из церковных книг известно, что в этом же году в юрте станицы Привольной имелось 21886 десятин земли, в том числе 1000 десятин плавней. Станица расположена в 49 километрах от ближайшей железнодорожной станции «Уманская». Ближайший врач находился в станице Новодеревянковской. Корреспонденция приходила в станицу через Каневское почтово-телеграфное отделение. В 1907 году население станицы составляло 6235 душ обоего пола. Числилось 805 дворов, за год родилось 356 детей, умерло 172 человека, заключено 36 браков.

В те годы священники в клировых книгах регистрировали рождение, брак и смерть граждан. Что стало с молитвенным домом не известно. Свято-Вознесенская церковь пережила трудные годы. Её неоднократно закрывали, отбирали имущество, но окончательно разграбить и разрушить не успели. Грозовой разряд в один миг предал её огню.

Виктор АНДРЮЩЕНКО

СТРОЕВЫЕ ПЕСНИ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

Издавна полки регулярной армии старались как-то отличаться друг от друга. Им присваивали названия городов: Московский, Тульский, Рязанский, Нижегородский. К названиям этим привыкали и очень гордились. Многие полки имели свои походные марши, полковые песни. У одиннадцати кубанских конных полков первой очереди были так называемые вечные шефы. Например, Первый Запорожский – Государыни Екатерины Великой полк, Первый Уманский – бригадира Головатого конный полк и так далее. Они имели свои именные штандарты, свои войсковые праздники, свои строевые песни.

Были такие строевые песни и в пластунских батальонах, казачьих батареях и так далее. Но для всех кубанских полков, батальонов и батарей была и одна, общая песня. Называлась она **«Не орёл под облаками»**. Вот её слова.

НЕ ОРЁЛ ПОД ОБЛАКАМИ

Не орёл под облаками
Высоко летает,
То штандарт над казаками
Гордо развевает.

С ним казак несокрушимый
Бури не боится;
Он привык, неутомимый,
По полям носиться.

И теперь, как клич военный,
Чуть лишь разнесётся
То кубанец неизменный
Сердцем встрепенётся.

Песню слыша удалую,
Он зарвётся к бою;
За народ, за Русь святую
Ляжет головою.

Эту песню пели Кубанские казаки всех частей и соединений. Но были, как сказано выше, и собственные песни конных полков, пластунских батальонов и батарей. Была своя песня и у казаков Первого Запорожского Государыни Екатерины Великой конного полка, в котором служили и воевали привольненцы.

МЫ СЫНЫ КУБАНИ СЛАВНОЙ

Мы сыны Кубани славной,
Древней славы казаки,
Хоть сейчас готовы двинуть
На врага свои полки.
Кровь пролить готовы смело,
За царя, за Русь стоим,
Люд в обиду православный
Басурманам не дадим.

Пусть мечтает он о славе,
Пусть же помнит и о нас,
Что следим за ним мы зорко,
Не спуская с него глаз.

Мы своей железной грудью
Дерзкий натиск отобьём
И вперёд по полю смело
Вглубь страны гулять пойдём.

Имели свои песни и кубанские пластунские батальоны Первой очереди. Их было шесть. По два они объединялись в пластунские бригады. Все они действительную службу проходили на Кавказе. Для всех кубанских батальонов песня была одна.

ТАМ, ГДЕ ВОЛНЫ АРАКСА ШУМЯТ

Там, где волны Аракса шумят,
Там посты чинно в ряд
По границе стоят.

Дико всё там, пустынно на вид
Лишь орёл пролетит
За добычей следит.

Там вдали за родной стороной,
От детей и жён,
Там живут пластуны

Ясным днём и ночною порой,
Не уснёт часовой,
Над Араксом – рекой.

Эй, сторонись от дороги той:
Стой! Конный, пеший
Не пройдёшь живой.

Привольненцы служили и воевали во Второй пластунской бригаде в Шестом Пластунском батальоне. Этот батальон был Высочайше пожалован простым знаменем 6 мая 1897 года, а также белой тесьмой на рукавах и воротниках мундиров нижних чинов 6 декабря 1908 года. И они этим очень гордились. Песня Шестого батальона пока не найдена.

Удалось найти песню Кубанского казачьего дивизиона.

ОСТАВЛЯЕМ МЫ СТАНИЦУ

Оставляем мы станицу
У Подкумка у реки
На турецкую границу
В путь-дорогу, казаки...

До границы недалече.
Ну а враг давно знаком,
Помнит он былые встречи
С нашим русским казаком.

Стаю чёрных наших бурок
Пусть увидят вдалеке –
Ружья, пушки бросит турок,
Убегая налегке...

Ой, беги, не знай покою,
Да погони не забудь
За Араксом за рекою
Попадёшься где-нибудь.

Естественно была своя песня и у кубанских батарейцев-артиллеристов.

РЕБЯТА, СЛАВА ВПЕРЕДИ

Ребята, слава впереди,
Душа кипит в восторге!
Ура! Пусть будет на груди
У каждого «Георгий»!

Ну, подавай коня,
Врага чтобы настичь скорей!
У нас забавы таковы –
Мы не жалеем головы.

Вперёд кубанцы, на картечь!
Поводья подтяни...
Кому суждено будет в поле лечь.
Того Бог помяне.

Песню «Ты, Кубань, ты наша Родина» нельзя отнести к строевым песням, но свою популярность она получила именно в казачьих войсках на Кавказе в годы Первой мировой войны.

В 1915 году, находясь на Кавказском фронте, священник Первого конного Кавказского полка Константин Образцов написал письмо на Родину в форме стихов, Народ быстро подобрал к этим словам мелодию и появилась песня, которой предстояло жить очень долго и в конце концов стать гимном Краснодарского края. Вот её слова.

ТЫ, КУБАНЬ,ТЫ НАША РОДИНА.

Ты, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь
Многоводная, раздольная,
Разлилась ты вдаль и вширь.

Из далёких стран полуденных,
Из турецкой стороны
Бьём тебе челом, родимая,
Твои верные сыны.

О тебе здесь вспоминаючи,
Дружно песни мы поём
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом

О тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной

На врага, на басурманина
Мы идём на смертный бой.

О тебе здесь вспоминаючи,
За тебя ль не постоять,
За свою ли славу старую
Жизнь свою ли не отдать?

Мы, как дань свою покорную,
От прославленных знамён,
Шлём тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон.

Основной задачей кубанских казаков была защита Родины, И защищали они её не единожды и со славой, И песни их строевые проникнуты огромной любовью к Родине, к Кубани, проникнуты большим патриотизмом. Как их нам сейчас не хватает!

Очень хотелось, чтобы они возродились, чтобы появились новые песни, прославляющие нашу **Кубань**, наш трудолюбивый и мужественный народ, чтобы юноши, уходящие в армию, брали эти песни с собой, чтобы они помогали им в их нелёгком труде.

Кроме строевых песен время и обстоятельства рождали новые песни, которые пелись не только в строю, но и на привале, за праздничным столом и даже на работе.

Примером таких песен может служить песня «За рекой Ляохэ». Написана она была после русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Мелодия была взята из старой каторжанской песни, а слова придуманы новые.

ЗА РЕКОЙ ЛЯОХЭ

За рекой Ляохэ загорались огни.
Грозно пушки в ночи грохотали,
Сотни храбрых орлов
Из казачьих полков
На Инкоу в набег поскакали.

Пробирались там ночью и днём казаки,
Одолели и горы, и степи.
Вдруг вдали у реки
Засверкали штыки
Это были японские цепи.

И бесстрашно отряд поскакал на врага.
На кровавую страшную битву
И урядник из рук
Пику выронил вдруг:
Удалецкое сердце пробито.

Он упал под копыта в атаке лихой,
Кровью снег, заливая горячей
Ты, конёк вороной,
Передай, дорогой,
Пусть не ждёт понапрасну казачка

За рекой Ляохэ угасали огни,
Там Инкоу в ночи догорало
Из набега назад
Возвратился отряд
Только в нём казаков было мало.

Эта песня появилась после русско-японской войны 1904-1905годов.

Таких, как приведённая выше, песен было много. Некоторые принесли с собой на Кубань потомки запорожцев – черноморские казаки, другие появились в годы борьбы с горцами, потом после войны с турками. Многие песни сочинены во время долгого пребывания на пограничных кордонах и так далее. Имеются в виду песни о войне, о Родине, о братьях казаках. Они пелись в армии, в хуторах и станицах, и пелись в строю, на привалах, дома во время праздников.

Виктор АНДРЮЩЕНКО

ТОПОНИМЫ СТАНИЦЫ ПРИВОЛЬНОЙ

Само слово топонимика происходит от двух греческих слов – топос – место и онима – имя, название. То есть это слово обозначает название географических мест.

С древнейших времён люди где-то селились, обживали это место, знакомились с его окрестностями и давали названия озёрам, рекам, ручьям, горам, пригоркам, лесам, рощам и так далее. Название некоторых объектов как бы говорит само о себе, например: Лысая гора, Зелёная падь, Гремячий Лог, Горбатый Пригорок и так далее.

Наши предки поселились на нынешнем месте в конце XVIII века. К тому времени оно пустовало.

Кочевавшие здесь четыре орды ногайцев оставили на Кубани много своих названий, например, названия рек: Бейсуг, Сосыка, Челбасы.

Их было немного, а остальным географическим объектам или , по крайней мере, многим из них новосёлы давали названия сами. Постепенно появились названия всех лиманов, озёр, плёс, балок, возвышенностей, курганам и так далее. Прежде всего, перечислим название лиманов. Это: Сладкий, Круглый, Горький, Кущеватый, Малый Кущеватый, Средний, Долгий.

Озера, на которых гребли соль, назвали Солёными, залив, в который впадает река Бейсуг – соответственно Бейсугским. Некоторые названия, правда, фигурируют ещё в первых документах о выделении земли посёлку Привольному. Местные лиманы имеют множество небольших озёр – плёс. Попробуем их перечислить, предварительно разделив названия, по каким – либо характерным особенностям.

Например, по фамилиям и именам людей: Ялового, Хиврино, Кизимирово, Сулимово, Кулишово, Мацковэ, Шмальково, Погорелого,Мыроново,Степанково, Самановича, Скорохода, Лосево, Зибиривское, Шайково.

По внешнему виду или вкусу воды: Кривое, Длинное, Глубокое, Кругленькое, Песчаное, Кущуватое, Палёное, Гнилое, Солёное, Пятак.

По названию рыб, птиц и животных: Гусиное, Раковое, Гадючье, Волчье, Мартыняче, Куликово, Вшивое, Лыбяжье.

По береговым ориентирам: Огороднее, Садовое, Рыбцеховское, Кирпичное. Есть и такие названия: Первое, Второе, Третье, Четвёртое, Немое, Офицерское, Бобино, Табунное, Ворота, Бабин Кут.

Важными объектами для переселенцев являлись степные балки. Возле них было много травы, в первую половину лета, а то и до осени, около них можно было пасти скот и поить его. В зимнюю стужу в балках пастухи прятали животных от непогоды. И, естественно, называли их тоже по каким-то характерным особенностям, например: Очеретоватая, Широкая, Красная, Волчачья, Первая, Вторая, Третья, Четвёртая.

Привлекали людей и степные курганы, на местном наречии – могылы. Некоторые из них получили персональные названия. например: Крутая Гора, Орлова Круча, Роскопаная Могила, Кругленькая Могила, Хуружкина гора.

Кроме того, в памяти народной сохранились такие названия географических объектов: Спичаков выйизд, Тарапунькино гырло, Тарапунькино плёсо, Тарапунька _ это ещё и названия места в пойме реки Тарапунька. Ещё: Копаньское гырло, Щучий Куток, Мартынячий Куток, Мартыняча Стрелка, Писчана Россып, Жерделька, Орешкина, Коса, Первая Стрелка, Вторая Стрелка, Попова Стрелка, Старое Гирло, Устенок, Устье, Горбатый мост, Танковая дорога, Скидкы.

Как известно, в зоне Привольной МТС четыре колхоза в станице: Память Ильич, Соревнование, Сталинская Конституция и два на хуторах, на хуторе Труд был колхоз Индустрия, а на хуторе Добровольном – Политотделец. Каждый колхоз имел свои границы в станице или на хуторе и на станичном земельном участке. Названия колхозов оказались очень уживчивыми особенно до того, пока ввели названия улиц. А до этого ориентировались по колхозным территориям.

В давние времена концы станицы имели такие презрительные клички: Дранты, Кошыкы, Кысли, Кучаны, Москва. Со временем эти названия утрачиваются.

Больших площадей в станице было две: Церковная или Старая и Новая, Церковная – в историческом центре станицы, сейчас на ней парк, дворец культуры, здания администрации и Дом быта. Кроме них выделялись ещё две небольшие площади: у слияния улиц имени Карла Маркса и 60 лет ВЛКСМ и вторая – у слияния улиц имени Пушкина и Октябрьской, на ней стоит магазин «Турист». Новая площадь располагается в южной части станицы. На ней: стадион, начальная школа № 14, санаторий, детский сад и восьми квартирный дом.

Следует также сказать, что до официального введения названия улиц многие из них носили местные названия.

Так, например, улицу Московскую называли Телефонной. Название такое определилось следующим образом. В 1919 году в станицу вошли части Добровольческой армии генерала Деникина, В станице была реставрирована атаманская власть и возникла необходимость телефонной связи с центром Ейского казачьего отдела, находящегося в станице Уманской. Но сразу телефонную связь потянули из Привольной в Каневскую. В те годы дорога между этими станицами проходила от станичного правления Привольной, по нынешней улице Московской, потом через нынешний хутор Орджоникидзе и выходила в Каневской примерно на месте нынешнего пенькозавода.

Отступая в 1920 году, деникинцы сняли провода телефонной станции и оборудование и, то ли его увезли с собой, то ли уничтожили, а название улица уже получила, и оно сохранилось надолго.

Нынешнюю улицу имени Ленина достаточно долго называли Мощённой. Название это возникло так. В 1914 году было закончено строительство здания двуклассного вышеначального училища (в котором долгое время размещалась начальная школа № 14.). Оставшиеся от стройки кирпичи использовали для мощения первого в Привольной тротуара. Он шёл от станичного правления (ныне хозмаг на Московской) мимо церкви, мимо нынешнего Дворца культуры по восточной стороне улицы имени Ленина до пересечения её с улицей имени Калинина. Со временем улице дали имя Ленина, а при её асфальтировании кирпичный тротуар был снят и проложен новый.

Улица имени 60-летия ВЛКСМ раньше называлась Кривой. Это потому, что часть её от улицы Московской и до северной окраины не представляла собой прямую линию, а повторяла все изгибы берега Сладкого лимана. Вот и звали её Кривой.

О происхождении ещё некоторых топонимов.

От восточной границы сада бывшего колхоза имени Ленина на восток, до лимана когда-то была общинная войсковая земля, отведённая для содержания общественных жеребцов. И к этому участку земли надолго приклеилось название Отвод. Ещё в конце пятидесятых годов XX века оно не распахивалось и использовалось для выпасов скота. Для обработки оно не годилось, так как было сырым, заросшим болотной травой. Потом его дренировали, высушили и пустили в севооборот. А старое название постепенно уходит из обихода.

Примерно в 1912-1914 годы станичные общества Привольной и Новодеревянковской договорились загатить гать и построить дамбу через Сладкий лиман. От северной окраины нынешней Школьной улицы и почти прямо на север начали строить дамбу, причём довольно широкую. Построили её до акватории Сладкого лимана и, в связи с

началом первой мировой войны строительство прекратили. А называлась дамба на местном наречии греблей, отсюда и местность, прилегающая к гребле долго называлась Греблей. Дамба сослужила хорошую службу привольненцам. В зимнее время к ней выносили кули накошенного камыша, а потом подводами увозили в станицу. Правее дамбы у самого Сладкого лимана долгое время был «дикий» пляж. Его близость к станице и мелководье привлекало всю малышню из окрестных кварталов. А по дамбе к пляжу можно было прийти пешком или приехать на велосипеде.

Потом в Сладком лимане начали рыть гирла, дамба оказалась ненужной и ее разрушили. Место, где был пляж, постепенно заболотилось и новый пляж оборудовали на Стрелке. А жаль – это было самое подходящее место для детского пляжа.

Стоит немного рассказать и о так называемой Раскопанной Могиле. Она сохранилась и до наших дней на территории бывшей 4 бригады колхоза имени Ленина. Об этом кургане существует легенда, вполне заслуживающая внимания.

В первые годы своего существования посёлок Привольный относился к Бриньковскому станичному юрту и нашим предкам приходилось туда частенько ездить то в церковь, то в станичное правление, то на базар. Дорога была наезженная и проходила у подножья довольно высокого кургана. Со временем там появилась довольно глубокая колея. А потом, якобы показалась толстая металлическая цепь.

Люди видели её, но трогать не решались, а дорогу накатали чуть в стороне. Потом заметили, что по ходу цепи прокопана канава до самой вершины, а вершина оказалась срытой. На самой вершине была выкопана довольно большая яма, а земля разбросана вокруг.

Из ямы, якобы , торчал ещё один конец толстой цепи. И появилась легенда.

Якобы татары, турки или ногайцы закопали на вершине кургана казан – котёл – с золотом и драгоценностями, чтобы когда – нибудь потом за ним вернуться. Кто выкопал котёл , и были ли они, никто не видел и не знает. Но этот курган стали называть Раскопанной Могилой. Надо сказать, что не так давно трактористы возле этого холма обнаружили толстую цепь, хотели вытащить её и не смогли. Вот и думай теперь...

А коль речь зашла о той местности, то следует немного сказать и о дороге между станицами Привольной и Бриньковской. Рассказывали старики так. Из Новомышастовской они ехали через Бриньковскую, потом по дамбе, а потом, некоторое время, по – над бугром. Потом почти резко поворачивали на восток и ехали мимо Раскопанной Могилы. Там резко поворачивали на север и ехали примерно до того места, где сейчас асфальтированная дорога Привольная – хутор Труд. Потом опять поворачивали на восток и попадали в Привольную.

Дальше рассказ пойдёт о так называемом Бандитском острове. Здесь уже не легенда. Он действительно есть.

Если ехать или идти от станичного пляжа вдоль берега лимана в сторону Крутой Горы придётся заметить несколько изгибов береговой полосы. Чуть дальше от последнего изгиба когда-то была дорожка на Зибривское плёсо. А ещё дальше, в сторону Крутой горы тоже была дорожка, уже в пятидесятые годы сильно заросшая камышом. И вела она к небольшому острову в Сладком лимане, расположенному ближе к привольненскому берегу. О нём существовали страшные рассказы о прятавшихся там бандитах.

В марте 1920 года на Кубани установилась советская власть. Но в лесах, плавнях, по степным балкам ещё до 1926 года прятались недобитые отряды Добровольческой армии. Были они и на указанном выше острове. Было их немного, не более 20 человек, но вреда они сделали много. Ещё в пятидесятые годы на острове можно было найти остатки сторожевой вышки, ржавые патроны и затворы казачьих карабинов, полуосыпавшиеся окопы. Бандиты время от времени совершали вылазки на станицу. Последняя шайка их была уничтожена ЧОНовцами летом 1923 года. Но дурная слава о нём существовала ещё долго.

Недалеко от так называемого Бандитского острова находится ещё одно интересное место – Крутая Гора.

В нашей равнинной местности, где даже обычные степные курганы встречаются редко, всякое искривление земной коры привлекает внимание. А здесь природа создала необычный уголок. В лиман впадают две степные балки, а между ними заметное возвышение. Не такое уж высокое, но нашим предкам оно казалось «горой» и его, с явным преувеличением, назвали Крутой Горой.

Место красивое. С вершины этой «горы «хорошо видна акватория Сладкого лимана, Залиманье и даже строения сахарного завода, что в Стародеревянковской. Место это никогда не распахивалось и представляет собой эдакий первозданный участок, на котором сохранились растения, которые больше в этой местности не встречаются: дикий лук, дикий тюльпан «коточки» и другие редкие у нас растения. Это место является любимым местом отдыха для станичников. Здесь особенно хорошо весной и в начале лета. Хотелось бы, чтобы оно сохранилось и продолжало радовать глаза привольненцев и гостей станицы.

Местных названий для географических объектов в давние годы было значительно больше. Некоторые из них, такие как Хоружкина гора, Ляхов выезд, сад Гладкого перестали существовать и забываются. Другие живут и напоминают станичникам о былых временах, об их детстве.
И пусть живут.

Станица в лицах

Валентина МОТОРНАЯ

МАРШРУТ ЕГО ЖИЗНИ

(КАНЕВСКАЯ – ПРИВОЛЬНАЯ – КАНЕВСКАЯ)

Как-то, во времена моей работы в «районке», я приехала за материалом к главе сельской администрации А.С. Безруку. Он одиноко сидел в своем кабинете, и вид у него был нерадостный. На мой вопрос, что его так озаботило, Анатолий Саввич грустно поведал: «Да вот думаю, что делать – две улицы в станице без асфальта. Непорядок». Это было даже смешно, если учесть, что в Стародеревянковском, Челбасском или Новодеревянковском поселениях в то время было всего по две – в асфальте. Но в те годы у них не было, как в Привольной , своего Кочегуры. Собственно, именно он, Анатолий Тимофеевич Кочегура, и сделал Привольную – ПРИВОЛЬНОЙ.

Анатолий Тимофеевич КОЧЕГУРА.

Станица в лицах

Мы выросли с ним на одной улице, на Загребле, самом отсталом микрорайоне Каневской. Семьи наши были дружны (часто в шутку он говорил, что мы где-то еще и родственники) и похожи, как большинство семей того времени: четверо-пятеро детей, родители, с утра до ночи работающие «в стэпу», несытые 50-е...

Наши матери, «домохозяйки», ранним утречком на арбе (гарба – называли ее), запряженной быками, выезжали на работу в поле и на той же арбе возвращались вечером домой , чтобы сменить «на хозяйстве» ребятишек и продолжить рабочий день дома – накормить шесть голодных ртов, постирать нехитрое бельишко и бежать на огород, основное подспорье в «питательном процессе». Огороды были соток по 50, а годы еще голодные...

Детство у нас было трудовым – родители целый день и каждый день «в стэпу», и на плечи детей ложилась посильная домашняя работа – прополоть грядки, накормить хозяйство: каждая семья тогда имела его – куры-утки, поросята, кролики... трудолюбие закладывалось с детства. И работать в колхозе мальчишки тех лет начинали рано, с 6-7 класса.

Толик Кочегура не был исключением; закончив семилетку, начал помогать родителям, пошел работать в колхоз. Но уже тогда, четырнадцатилетним пацаном, он ощутил в себе стремление к большему. Он быстро понял, что человеку необходима специальность, и пошел ее добывать. Все-таки дети того времени взрослели и приобретали чувство ответственности гораздо раньше нынешних. Выбирать в станице было не из чего, и через пару лет, окончив Стародеревянковское ПТУ, он пришел в колхоз с «корочками» и сел за рычаги трактора. (Я часто думаю: может по-

тому он вырос в хорошего руководителя, что самостоятельно, без помощи родителей или «связей», прошел весь рабочий процесс хлебороба – от рычагов трактора до академии).

Ему рано пришлось стать взрослым: в 1954 году умер отец, и Анатолий стал в семье мужчиной – на его детские, по сути, плечи легли суровые мужские заботы по содержанию семьи. И это первое испытание он выдержал с честью: перед уходом в армию, а тогда призывали с 19 лет, он (по большому счету – нынешний школьник) построил семье новый дом. Тогда было другое время – собирались друзья, соседи «на саман», главный строительный материал 50 – 70-х, лепили из глинозёмляной смеси большие «кирпичи», которые по мере высыхания надо было ставить на ребро, переворачивать, а через месяц-два из них самостоятельно же складывали дом. Общими же усилиями «мазали», штукатурили, стены, «наливали горище»... Одним словом, уходя в армию, Анатолий оставил семью(бабушку, мать, младших сестру и брата) в новом доме, обихоженном и теплом.

Армия стала особым пластом в его жизни. В то время служили три года, с 1960 по 1963 год он шлифовал в себе уже приобретенные мужские черты. О «дедовщине» в те годы еще не слыхали, это была школа мужества и дружбы, недаром же многие родители с надеждой говорили своему лоботрясу: «В армию пойдешь, там тебя человеком сделают». Это было действительно так. Впрочем, среди ребят, росших в послевоенные времена, лоботрясов было мало. Основная масса призывников состояла из мальчишек, хлебнувших военного лиха и послевоенной нищеты, это были ребята, познавшие тяжелый труд и лишения, поэтому армия (кстати, здесь он и среднее образование получил) становилась для них школой мужества и настоящей дружбы, которая зачастую была – на всю жизнь...

Ему повезло в жизни, которая стала ярким доказательством истинности пословицы «везет тому, кто везет», а он всю жизнь «вез». Основой всей его жизни был труд, а вот подарком судьбы оказалась встреча с Вадимом Федотовичем Резниковым, председателем колхоза «Победа», который стал для него примером и наставником. Это Вадим Федотович разглядел в юном трактористе, каких были десятки, талант руководителя, исследователя, человека будущего. И не только разглядел, но вел его по жизни первое время. «Учиться тебе надо, пацан,» – заметил он однажды, окинув его пытливым взглядом.

И «пацан» пошел учиться, в Тимирязевскую академию. Однако не получилось – Тимирязевка стараниями тогдашнего руководителя страны, «сельхозника» Хрущева, была задавлена, и альма-матер для Кочегуры стал Кубанский сельхозинститут. После окончания его он, стипендиат «Победы», возвратился в родное хозяйство грамотным специалистом, в котором уже просматривались черты будущего руководителя, сильного управленца. И опытным, потому что каждое лето он постигал секреты хлеборобского мастерства на полях хозяйства.

Послужной список А.Т.Кочегуры довольно объемен. Жизнь словно испытывала его на прочность, «подкидывая» ему все усложняющиеся задачи и назначения. В «Победе» он работал бригадиром третьей бригады, растущего специалиста заметили районные руководители (в те времена к подготовке кадров относились очень ответственно) и через три года рекомендовали главным агрономом в колхоз «Кубань», а через небольшой промежуток времени назначили председателем колхоза имени Ленина. Предполагал ли кто тогда, да и сам он, что станет это назначение судьбоносным?

За 12 лет (1971 – 1983) работы в Привольной он вывел колхоз в верхние строчки, как сейчас сказали бы, рейтинга. К тому времени Кочегуру как сильного руководителя знали и в масштабах края, потому рекомендовали его на пост председателя Лабинского райисполкома. Район – не колхоз, масштабы в несколько раз больше, горизонты шире, однако бояться трудностей он не привык, и работа спорилась.

Но уже пришло время горбачевской «оттепели», и бывшие партийцы стали «сажать» своих вчерашних товарищей по партии. Что

В нем всегда жила душа хлебороба.

На заседании Госдумы.

это было? Какие собственные грехи пытались они искупить ценой свободы вчерашних друзей? Известно много трагических случаев, самоубийства бывших партийных руководителей того времени потрясали умы обывателей. И, думается мне, история когда-нибудь попозже даст объективную оценку времени Горбачева и других «реформаторов».

От сумы да от тюрьмы не зарекайся – судьба дала Анатолию Тимофеевичу возможность проверить на себе и эту пословицу. Черной полосой в его жизни прошли 1985-1988 годы. Три черных года словно вычеркнуты из жизни, но они были, с унижениями и попранием чувства собственного достоинства, и он их запомнил надолго.

– Как это было? Как ты смог пережить это? – в минуты откровения спрашивала я у него.

– Мне помогла выжить Загребля, – рассказывал он. – То, что зарядка там, ходьба – без этого, конечно, нельзя; «сидеть» надо в движении, а я «ходил» по улицам Загребли. Каждый день по новому маршруту. Сегодня иду, скажем, по Чингарской, с самого начала улицы, припоминаю всех, кто здесь жил. Вот здесь, в угловом доме жили Дешовые, у них были дети – Виктор и Аллочка; дальше жили Жуваковы – четверо детей, я их всех знал и дружил с ними; дальше – Ивахно, Васю и сейчас встречаю частенько, за ними – Машировы – так «проходил» всю улицу до самой Баги (так назывался спуск к речке). А на следующий день «отправлялся» на Мясничную, Пионерскую, Охотничью, Первомайскую... район Загребли большой, улиц достаточно, и каждая из них сокращала мой срок на один день, приближала время выхода на свободу...

«Дела» бывших партийцев разваливались, состава преступлений не обнаруживалось. Наконец кто-то «наверху» очнулся – и первых политзаключенных молодой демократии стали выпускать на волю, перед кем-то извинившись, а кому-то даже нахамив – мол, и за это скажите спасибо. Что ж, спасибо, в нашей истории бывало и покруче, но полоса эта, длиною в три года, навсегда осталась горькой обидой. Спасибо, страна. Но он был не злопамятен.

Вернулся он в тот же Лабинск, где ждала несущая неизвестно за что позор семья. Работу нашел довольно быстро: в районе знали его и всяким россказням верили мало, взяли ученым агрономом в Лабинский совхоз-техникум. Поработал полгода, а в марте 1989-го приехала «делегация» из Привольной: «Возвращайся, Тимофеевич, ты нам нужен». И он возвратился, домой, иначе он Привольную не воспринимал. И взялся поднимать хозяйство, вскоре вышедшее в число передовых.

А в 93-м – выборы , в первую образовавшуюся в новом государстве Госдуму. Стоило ли удивляться, что А.Т.Кочегура стал полпредом Кубани в Законодательном органе страны. А может, это была своего рода завуалированная компенсация за те три года, вычеркнутые из жизни? Как бы там ни было, работа в Думе дала ему новые знания, новые горизонты, пополнила багаж руководящей работы.

Первая Дума избиралась на два года, и в 95-м он возвратился в хозяйство, снова нуждающееся в восстановлении. Он возвратился в Привольную, чтобы остаться здесь до конца своих дней.

Окидывая взглядом жизнь А.Т.Кочегуры, ясно понимаешь, что Привольная – особая страница в его биографии. Большую часть своей жизни – 42 года (с небольшими перерывами) он отдал этой небольшой станице на берегу лимана. И когда бы куда бы ни закидывала его судьба, он возвращался сюда, и удивительно, что не в Каневскую, где родился и которую тоже любил.

Казалось бы, бывшему депутату Госдумы, сохранившему какие-то льготы, можно было выбрать для себя любое место на карте России, более красивое и престижное. Однако он всегда возвращался в Привольную.

Он полюбил ее сразу и навсегда, как полюбил с первого взгляда и на всю жизнь юную красавицу Дусю Санько в те далекие 60-е, промелькнувшие так быстро – вот уже и дочери выросли, и внучки повзрослели, и седина все круче и ярче солит виски...

Чем она пленила его, Привольная, ничем не примечательная среди других станица? Может, она напоминала ему родную Загреблю, тихую, спокойную, по колено в грязи, с протоптанными весной мягкими тропками? С зелеными улицами , заросшими калачиками, козельцом, пасленом, на которых «паслась» детвора, дополняя скудный пищевой рацион подножными «витаминами»? А может тем, что звенела вольными кубанскими песнями,(ах, как он любил их!) как звенела

ими любимая Загребля, когда молодежь возвращалась с танцев?

Я не спросила об этом у него при жизни, все-то мы торопимся; спросила уже у жены его, единственной верной его спутницы по жизни, повязавшей черный платок и мгновенно постаревшей.

– Кто знает, в Привольной все для нас родное, – ответила она раздумчиво и смахнула набежавшую слезу.

Пожалуй, это было чувство душевного единства с тем местом , где живешь, где тебе уютно и спокойно; это чувство неразрывной связи с той неприметной географической точечкой на огромной карте страны, которая не зря зовется Привольная и которая ждет тебя и примет – всякого. Она стала ему второй Родиной, хотя, говорят, так не бывает.

Однако именно это чувство руководило всей деятельностью Анатолия Тимофеевича, старавшегося сделать для любимой станицы все, что можно.

Спроси сегодня любого жителя станицы, что сделал Кочегура для Привольной – начнут загибать пальцы: при нем почти все улицы в станице оделись в асфальт (в память о бездорожье Загребли?), при нем станица полностью была газифицирована (он помнил родительскую хату, обогревавшуюся соломой, камышом, дровами), при нем в станице горделиво вознесся лучший в районе сельский Дворец культуры с единственной в Союзе сельской художественной

Васильковая пора (с женой Дусей).

Лабинчане на юбилее у А.Т. Кочегуры.

галереей (какими культурными пластами могла гордиться Загребля?), при нем колхоз всегда ходил в передовых и многое другое назовут, о чем, наверное, он мечтал для Каневской, а воплотил в Привольной. По большому счету, это при нем Привольная стала ПРИВОЛЬНОЙ.

Может быть, воплощая свою мечту о красивой, ухоженной привольной кубанской станице, он отдавал дань своему далекому, нелегкому, но такому любимому и незабываемому детству? Уже не спросить...

Он был хорошим добрым человеком, Анатолий Тимофеевич Кочегура. Он очень многим помогал в своей жизни – вдовам, растящим в одиночестве детей; семьям, нуждающимся в помощи; людям, оказавшимся в беде. И достигнув определенных высот, оставался простым и доступным для каждого – по моему глубокому убеждению, главный признак человека умного.

Чисто человеческие качества сформировали в нем и образ руководителя – спокойного, вдумчивого, рассудительного, дальновидного. Его уважали коллеги, его уважали односельчане, в памяти всех он останется добрым порядочным человеком, крупным руководителем, истинным патриотом своей малой родины – Привольной.

Впрочем, они навсегда слились в его душе воедино – Привольная и Каневская, в душе его никогда не иссякала другая, первая любовь к родной Каневской. И он вернулся к ней, сын двух станиц, к своей первой и вечной любви; снова он, как в те черные дни, «прошел» своим маршрутом по Загребле перед тем, как отправиться на вечный покой. Он вернулся к тебе, Каневская.

Каневская – Привольная – Каневская, таков маршрут жизни обыкновенного и необыкновенного человека – Анатолия Тимофеевича Кочегуры, имя которого не изгладится в нашей памяти.

Осиротевшее поле...

Горькая память войны
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
Полевая почта 21923
ВЫПОЛНЮ, СЫНОК!
293 ГВАРДЕЙСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК
СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ

Николай ЛЕМИШ

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НЕ ВЫБИРАЮТ

(Продолжение. Начало в №10)

10. Подпольный медсанбат

В 1925 году при проектировании районной больницы краснодарским архитектором Ишуниным было учтено всё. Даже то, что в случае войны она может стать военным госпиталем. Потому-то и построили её вблизи железной дороги. О, как это пригодилось, когда началась Великая Отечественная война! В больнице и расположился эвакогоспиталь №1394, в котором осталась работать большая часть больничного персонала. Дело в том, что с началом войны военнообязанные медики вместе с главным врачом Иваном Андреевичем Эдигером были призваны в армию.

Обязанности главного врача и хирурга стала исполнять врач Мария Феликсовна Стычинская, бывшая просто врачом. Находился эвакогоспиталь в райбольнице до самого конца июля 1942, почти до прихода немцев. Для обслуживания гражданских больных филиал райбольницы расположили в центре станицы, в здании школы № 8, где ныне находится районный ЗАГС по ул. Ленина.

Госпиталь, эвакуировавшись по железной дороге, забрал часть имущества райбольницы. Медицинские инструменты, перевязочные материалы, хорошее постельное белье и одеяла были спрятаны по распоряжению Стычинской медсестрой больницы Прасковьей Соболевой в технологических каналах под полом родильного отделения. Затем последовала эвакуация и М.Ф. Стычинская отправилась с семьей второго секретаря райкома в нелегкий путь – эвакуацию, на телеге.

Немцы выбросили под Тимашевскую десант и эвакуированные вернулись домой. На хуторе Сладкий Лиман находилось подсобное хозяйство больницы, туда они и направились. Подождав несколько дней, Стычинская перебралась в больницу, беспокоясь о её участи. Представшая там картина производила удручающее впечатление. Кругом разруха. Спешно эвакуируясь, госпиталь оставил в больнице тяжелораненых Ивана Карцева, Илью Орлова и Ивана Ахромеева. Несколько работников больницы – медсестра Прасковья Соболева, Матрена Брыж, рабочая Заверюха и бухгалтер Ладин сначала спрятали их в больничном саду, а потом перенесли в общежитие при больнице. Уже 11 августа Стычинская приступила к своим обязанностям главного врача и одновременно хирурга, причём единственного на три района. На воротах больницы появилась надпись на русском и немецком языках: «Осторожно, брюшной тиф!» Немцы и стали обходить больницу стороной. Немногочисленному персоналу удалось с трудом укомплектовать несколько палат. В одну из них были переведены бойцы, которых оставил после себя эвакогоспиталь. Ивану Карцеву из-за газовой гангрены пришлось ампутировать руку. Операцию провела Мария Феликсовна, а ассистировали ей Брыж и Соболева. Вскоре по «дороге жизни» из Ростова в Ка-

невскую добрался комиссар 256-й дивизии 57-й армии Котенко Иван Гордеевич. Каким образом он, больной и до предела истощенный, нашел больницу, остаётся загадкой. Все военные находились в больнице до своего полного выздоровления. Ну а дальше медикам пришлось определять их судьбу в соответствии с придуманной для каждого гражданской легендой. Ивана Карцева отдали в «приймы» на хутор Мигуты. С приходом Красной Армии, он стал потом председателем колхоза. Подобным образом был «определён» в ст. Привольную и Илья Орлов. После освобождения Привольной он ушел с первой же маршевой ротой. Ахромееву же при помощи патриотов, работавших в бургомистрате, были «справлены» документы, и он в декабре 42-го уехал на свою Родину. Оставался комиссар Котенко, но главврачу сообщили подпольщики, что того усиленно разыскивают полицаи и присматриваются к больнице. Нужно было срочно уходить. Его до недавнего времени спасала легенда родственника Стычинской. Если бы не помощь тех же людей из бургомистрата, изготовивших ему документы в соответствии с новой легендой, Иван Гордеевич разделил бы участь многих, схваченных немцами. Но всё обошлось. По новым документам, в статусе гражданского больного он отправился на долечивание к родственникам в Краснодар. Во время оккупации в больнице скрывались некоторые советские работники, в частности зав. районо Черноусов, заведующий сенопунктом. Люди эти были оформлены то санитарами, то рабочими. Несмотря на легенду о наличии в больнице тифа, персоналу приходилось подстраховываться, прятать людей, хирургический инструментарий всякий раз прятать в подполье. Подразделение больницы по-прежнему располагалось в помещении школы № 8, о которой уже говорилось ранее. Здесь лечил гражданское население фельдшер Павел Никитович Животовский.

У него была особая судьба. Сын богатого землевладельца, он перед Японской войной окончил Санкт-Петербургскую военно-медицинскую академию. Имел офицерское звание и Георгиевскую медаль. В 1921 году большевики расстреляли его брата, тоже врача. Павла Никитовича низвели до звания фельдшера и подарили ему жизнь. До войны он имел огромный авторитет у каневчан, умело излечивая их от разных болезней. В оккупацию на него свалилось бремя забот о людях. По сути, он был вторым врачом в районе. Действуя незаметно, он лечил и раненых бойцов. Пришлось ему лечить и воинов-парашютистов, вырвавшихся из лап полицаев. В примитивных условиях он ампутировал обе ноги командиру десантной группы Герману Восмедиано Эспиноса, сохранив тем самым ему жизнь. Доставил же в Каневскую офицера-десантника бывший председатель колхоза «Большевик» Матвей Фирсович Новиков, рискуя собственной жизнью. А подпольный медсанбат просуществовал до 5 февраля, когда уже в станице были передовые отряды Красной Армии.

11. Массовые расстрелы

Изначально, колониально-захватническая политика фашистов на Кубани предусматривала привлечь на свою сторону часть коренного населения, пережившего голодомор, сплошную коллективизацию и недовольство Советской властью. В планы немцев входило выявить с их помощью противников «нового порядка» и уничтожить всех, кто служил Советской власти. В эту категорию входили семьи красных партизан, командиров Красной Армии, политработников. Особое место отводилось евреям и цыганам. Они подлежали поголовному уничтожению. При этом вся черновая работа возлагалась на местных предателей-полицаев. Обагривши руки кровью соплеменников, они будут покорными исполнителями планов великого Рейха. В их помощи нуждалась и команда SDK-10A, о которой уже упоминалось. Да, фашисты всерьёз рассчитывали на население, в среде которых найдётся немало желающих свести счёты. Частично надежды эти оправдались, потому что первыми в лапы изуверов попали наиболее активные, в прошлом, члены КОМСОДов (комитетов содействия хлебозаготовкам), прославившиеся крайней жестокостью в 1932-1933 годах. Преклоняясь перед подвигом этих людей, принявших мужественно смерть от рук карателей, всё же необходимо следовать исторической правде. Именно эти активисты виновны в гибели тысяч своих одностаничников. Зверствуя в поисках спрятанного хлеба, они забирали фасоль, горох, чечевицу, овощи, тыквенные плоды, обрекая людей на голодную смерть. «Благодаря» им, во многих станицах вымерло до половины населения. Но начавшийся было процесс сведения счётов, внезапно прекратился, оставив гестаповцев в недоумении. Оставалось рассчитывать только на рвение полицаев. Те, со свойственным всем предателям рвением, ринулись исполнять поставленную задачу. И результаты появились. Первые расстрелы начались уже в конце сентября 1942 года. Место подобрали глухое, подальше от станицы, на территории лубзавода (пенькозавода). Частично взорванный, брошенный, он представлял собой унылое зрелище. Для захоронения тел расстрелянных фашисты использовали ямы для замочки конопли. Первым из жителей расстрелы увидел Иван Поляков, удивший по соседству, рыбу. Спрятавшись в камышах, он наблюдал за страшной драмой. Немцы и полицаи привезли на грузовиках людей, те не хотели выходить, так палачи стали бить их прикладами. Потом ставили их у края ямы и расстреливали. Всё время избивали. Постоянно слышались стоны и крики. Заместитель председателя Каневского сельсовета Прасковья Рагозина, звеньевая полеводческого звена, активистка КОМСОДа Полина Селиванова, комсомолка Нина Маслич, учитель-

ница Галина Скрипкина держались вместе, сцепив руки так, что палачи не могли их разлучить даже ударами прикладов винтовок. Так вместе их и расстреляли. Это был всего лишь один день из множества подобных... А ведь до конца оккупации было ещё далеко. Особенно была страшна участь эвакуированных евреев из разбомбленных эшелонов, оказавшихся по этой причине в Каневской, Привольной и Новоминской. Часть из них удалось спасти местным жителям, спрятавшим их у себя дома, либо отправив к родственникам на хутора. Но, когда появились четыре офицера из Зондеркоманды 10А, о которой уже упоминалось в предыдущей части повествования, темпы репрессий стали набирать обороты. И всё же местные жители укрывали преследуемых фашистами, давая им кров и пищу. В доме, в котором я вырос, на чердаке долго прятались жена комиссара полка Дригана. Моя мать, которой было 30 лет, доставляла ей еду. Если бы полицаи узнали, то автора этих строк попросту не было бы на свете. И случай этот далеко не единичный. Попавшие в руки фашистов, безусловно подлежали уничтожению. Расстреляны целые еврейские семьи. Это Браверманы, Кориналь, Вейрик, Кофман, Маситис, Виксир, Кочан, Вертман, Коржевы. Коржевой Алевтине было 10 лет, Рудольфу – 7 лет, Вертман Тамаре – 2 года. В списках расстрелянных в станице Новоминской числится Расния Виксир – 1 год. Палачи не щадили даже детей. Как водится, самую чёрную работу фашисты поручали полицаям. Это они в январе 1943 года обманным путем собрали в конюшне евреев, а потом повели за станицу Новоминскую, на расстрел. Мать выкинула в снег завернутую в пуховый платок годовалую Раснию Виксир, там её и нашла новоминчанка Гемусова, у которой недавно умер ребенок. Так Расния или Расня стала Ниной Гемусовой. Нина узнала о своей судьбе уже в преклонном возрасте. История эта открыта журналистом, краеведом Н.А. Султхановым и предана гласности в мае 2009 года в телепрограмме на НТК Краснодар. Случай в своём роде единственный. Примерно по такой же схеме происходили расстрелы евреев и в других станицах. Много их в братской могиле на территории пенькозавода.

Когда в феврале 1943 года, после освобождения Каневской, были вскрыты братские могилы, взору членов Государственной комиссии представилась дико страшная картина. Но об этом чуть позже. Январь 1943 года до отказа был заполнен трагическими картинами. Массовые репрессии не ослабевали. Более того, с появлением на территории Каневского района трёх десантных групп советских воиновпарашютистов, зверства получили развитие по нарастающей.

Памятник жителям Каневского района, расстрелянным фашистами на территории Каневского пенькозавода.

Историческая справка

К январю 1943 года военная кампания для немецких войск на Северном Кавказе складывалась крайне неблагополучно. В ходе Северо-Кавказской наступательной стратегической операции, проводимой войсками Закавказского и Северо-Кавказского фронтов при активном содействии Черноморского флота, началось освобождение Северного Кавказа. В ходе боевых действий были проведены Ростовская, Моздок-Ставропольская, Новороссийско-Майкопская и Тихорецкая фронтовые операции, имевшие временной период – 35 суток. Военные действия проходили на ширине фронта 840 км. В ходе названной компании, в первую очередь, происходило освобождение северной части Краснодарского края. И фронт неумолимо приближался к Каневскому району.

Герман Восмедиано Эспиноса с группой каневчан. 1967 год.

12. Парашютисты

Советскому командованию потребовалась срочная координация действий наступающих войск в направлении Тихорецк-Каневская. С этой целью потребовалось выбросить в район Челбасского леса три десантных группы, имеющих опыт оперативной работы в условиях лесостепной зоны, конечно прошедших специальную подготовку. В то время в п. Адлере находилась высшая оперативная школа особого назначения Ставки Верховного Главнокомандования. Её возглавлял подполковник Унгрия. Из состава выпускников школы и были с формированы десантные группы.

Обстановка в Каневском районе была к тому времени крайне напряжённой. Карательные акции, координируемые офицерами Зондеркоманды 10-А достигли своего пика. Расстрелы мирных граждан проводились почти ежедневно. Задыхаясь от бессильной злобы, сытые, откормленные и хорошо вооруженные полицаи метались по всему району. Понимая свою обречённость, они стремились как можно больше выявить сочувствующих Советской власти. Жители, измученные оккупацией, с нетерпением ожидали прихода Красной Армии.

До 1 мая 1967 года, возле одной из тихих аллей старого парка ст. Каневской, среди кустов сирени и жасмина, стоял скромный остроконечный обелиск из оштукатуренного кирпича, увенчанный пятиконечной звездой. Под ним были захоронены воины-парашютисты, оставившие особый след в истории Каневского района в январе 1943 года.

Парашютисты... В слове этом всё: грусть, тоска и гордость за своих воинов, героев, принявших мученическую смерть и не сломленных фашистами и их прислужниками. И когда весной зацветала сирень, кисти её склонялись к памятнику и в бело-розовой кипени весеннего цветения ощущалась тихая грусть, тоска по молодым жизням, загубленным на взлёте, в полном расцвете сил. Они так любили жизнь и так мало прожили. Фашистские пули оборвали их жизни. И ушли они в Вечность не пожив, не полюбив, не увидев своих детей. Ушли, чтобы навсегда остаться в памяти тех, кто остался жив благодаря им и миллионам героев, павших на полях сражений. Жертвы эти ради нашего с вами благополучия, ради продолжения вечной жизни.

В том мае, как только начала цвести сирень, их останки перезахоронили, теперь уже навсегда, на памятном для всех каневчан месте, на старой площади. После сооружения Обелиска Славы, мемориал открыли торжественно 7 ноября 1967 года. А ту небольшую часть прежде большой площади, назвали площадью имени 50-летия Октября. Потом старый парк снесли, а на его месте разбили новый. И назвали его в честь 30-летия Великой Победы. Той победы, за которую отдали свои жизни парашютисты и миллионы наших соотечественников.

Начало пути

Первый десант вылетел на самолете ЛИ-2 (Дуглас) в ночь с 15-го на 16-е января 1943 года с Адлерского аэропорта вблизи г. Сочи, в направлении Каневского района с точкой конкретного десантирования в районе Челбасского леса.

В Адлере обстановка была мирной, южное солнце пригревало уже по-весеннему. Немцы

были далеко, и десантникам не верилось, что на месте десантирования мороз, ветер и промёрзшая земля, да ещё и снег кругом. И никто не ведал, какие испытания ожидают их на месте приземления. Ровно гудели моторы транспортного самолёта, семеро десантников, расслабившись, дремали на жёстких дюралевых сидениях. Кто-то не удосужился подобрать валенки по ноге, кто-то вообще о них не подумал, отправившись в путешествие в обычных сапогах. Многие не взяли перчатки. С самого начала какая-то расслабленность, скорее беспечность завладела всей группой. Что это, может злой рок? Мысль такая, во всяком случае, напрашивается. Ибо всё, то же самое, повторилось с последующими двумя группами. Командир, испанец Франсиско Парра Амалия Вернардо оглядел бойцов своей группы. Это их первое совместное задание. Как они, не растеряются? Судьба занесла его и двух его товарищей-интернационалистов из далекой Испании на Кубань. Спокойный и рассудительный Сейхо Куэрво Григорио и импульсивный, порывистый Хихон Ромеро Констано имели военный опыт и знали, обыкновенный фашизм не только по испанским событиям. Миша Дрогайцев... За плечами война, учёба в разведшколе. Не подведёт. Да и остальные ребята – не новички. На подлёте выяснилось, что за бортом минус 20°С, сильный ветер. Самолёт раскачивало. Зазвучал сигнал к десантированию. По очереди шагнули в тёмную пустоту, в неизвестность. Резкими порывами восточного ветра их разнесло в разные стороны, достаточно далеко от условленного места приземления. Двое из десантников набрели на бригадный стан 3-ей полеводческой бригады колхоза «Политотделец» (территория агрофирмы «Победа»). Кухаркой в бригаде тогда была Акулова Клавдия Николаевна, она-то и оставила свои воспоминания о тех трагических событиях. По её рассказу, выйдя на лай собак, она увидела перед собою двух мужчин в полушубках и ушанках, вооруженных автоматами и пистолетами. На поясах висели ножи. Попросились обогреться и растереть обмороженные руки. Оружие сложили всё вместе и попросили сжечь документы. Клавдия Николаевна покормила их ужином и уложила спать, набросив на них старую одежду, чтобы не было так заметно.

В это время в бригадной хате на кровати лежал бригадир Никита Марченко. Быстро встал, оделся и вышел во двор. Как потом оказалось, он, налегке одетый, помчался в станицу сообщить о происходящем полицаям. Их примчалось на нескольких санях человек 18 во главе с командиром так называемой «казачьей сотни» или карательного отряда Яковом Чуприной. Первыми они захватили Сейхо Григорио и десантника по имени Вася. Даже отогревшись, они не могли стрелять, настолько сильно были обморожены руки. Двоих десантников полицаи нашли в скирде, ориентируясь по следам в снегу. Они долго отстреливались и были убиты. Ещё трое десантников находились в одном из подсобных помещений бригады. Их руки были сильно обморожены, и они плохо стреляли. Полицаи захватили их силой. Убитых десантников колхозники похоронили на территории бригады в заброшенном колодце. Когда станицу освободили, их откопали и отвезли в Каневскую, чтобы похоронить с другими погибшими парашютистами. А уже весной 43-го года, когда молотили хлеб из скирды, колхозники нашли спрятанные десантниками документы и фотографии. Они были сильно погрызены мышами. Оружие убитых и захваченных в плен парашютистов и их парашюты захватили полицаи из «казачьей сотни». Называя их «казачьей сотней» я вынужден придерживаться стиля и лексики того времени. В моём представлении и представлении многих порядочных людей это просто отряд убийц и предателей. Честно говоря, мне претит хоть какая-то связь этих мерзавцев с казачеством. Полная моральная деградация позволила им поделить одежду убитых. О захваченных десантниках и говорить нечего.

Живых десантников полицейские доставили в гестапо, предварительно подвергнув их истязаниям на полицейском участке. Трудно сказать, где пытки были изощрённее. Надо полагать, полицаи были достойными учениками своих гестаповских наставников. Офицеры СД Палацкий (Палацки), Винер, Фукс и Киль были большими профессионалами в своём чёрном деле. По станице шла дурная слава не только о гестапо, но и о полицейском участке. Выжженные на груди и щеках звёзды – это малая часть нечеловеческих истязаний, выпавших на долю попавших в руки палачей парашютистов. Все пятеро были потом расстреляны на лубзаводе. Клавдии Акуловой, причастной к судьбе десантников в самом начале, пришлось увидеть уже в станице, как несколько полицейских везли испанца Сейхо Григорио и русского Васю в амбулаторию, на перевязку. Все происходившее не может не вызвать сострадания к советским воинам и ненависти к фашистам. Но гнев и ненависть, в большей степени следует отнести к подлым предателям-полицаям. Это их руками вершились все истязания и казни. Недаром потом освобожденный Краснодарский край оказался в первом ряду областей, где по отношению к предателям Родины была применена особая, высшая мера возмездия – публичная казнь. Это, конечно особая жестокость, но с точки зрения возмездия против человечества, даже в условиях военного времени – мера объективная. Кровь за кровь, это древняя истина. Тогда у людей, переживших ужас оккупации и потерявших близких, это не вызвало удивления. Но об этом чуть позже.

Вторая десантная группа, сформированная, опять же из выпускников спецшколы, и отправленная с Адлерского аэродрома, в точности повторила все ошибки предыдущей группы. Вылетели они в ночь с 17-го на 18-е января 1943 года. Пункт десантирования – все тот же – Челбасский лес. Погода ещё хуже. Из-за сильного ветра и усилившегося мороза раз-

Герман Восмедиано Эспиноса возлагает венок к памятнику расстрелянным на пенькозаводе.

брос группы был настолько велик, что трое десантников приземлились на территории совхоза «Красногвардеец», двое в Новоминской, один возле ст. Стародеревянковской и один у Каневской. Все семеро были русскими. О них мало что известно. Десантник, очутившийся у Каневской, пришёл в бригаду колхоза им. Ворошилова, где был выдан старостой колхоза полицейским на следующий день после приземления. Доставленный в районную полицию, он был подвергнут нечеловеческим пыткам и в тот же день расстрелян. На остальных десантников была открыта полицаями охота. Кто-то погиб в бою. А все захваченные разделили участь своих товарищей из первой группы, пройдя через жестокие пытки и погибнув смертью героев. Лично моему возмущению в отношении предателей-полицаев нет предела. Насколько они подлее своих «шефов» – гестаповцев.

В ночь с 19-го на 20-е января была отправлена третья группа парашютистов в составе 6 человек. Группу возглавил старший лейтенант Красной Армии, испанский интернационалист Герман Восмедиано Эспиноса. В группе: белорус Василий Кожедуб, русский Александр Теплов, девушка Валя Гальцева из станицы Абинской Краснодарского края – радистка и ещё двое молодых десантников, русских. Их фамилии остались неизвестными. С малопонятной настойчивостью группы выбрасывали одну за другой в район Челбасского леса в мороз и вьюгу. Ветер усилился ещё больше, а мороз перешагнул за минус 20. Три человека приземлились далеко от Челбасского леса, на территории сельхозартели «Большевик». Остальных отнесло почти к станице Придорожной. Василий Кожедуб набрёл на бригадный стан колхоза «Большевик». Узнав, что в бригаде конюх – бывший красногвардеец Нефёдов, Василий обратился к нему. Рассказал, что неподалеку находятся его товарищи. Двоих парашютистов Нефёдов спрятал в конюшне, завалив их сеном. Необходимо было отыскать остальных парашютистов. Взяв на помощь одного десантника, Нефёдов, знавший местность, организовал поиски. Нашли только одного Германа Эспиносу. Он спрятался в скирде. У него были обморожены ноги и кисти рук. Командир рассказал, что мимо скирды уже однажды проходили немцы. Германа Эспиносу на руках принесли в бригаду и спрятали на чердаке хаты возле печной лежанки, где было достаточно тепло. Место подхода завалили специально разным хламом. Нефёдов приносил обмороженному пищу. Бригадная конюшня стала на время надежным пристанищем ещё троим десантникам. Не хватало только радистки Вали. Пока судьба её оставалась неизвестной. Несмотря на всё, Нефёдов боялся, что их кто-то предаст. Ведь в бригаде помимо них ещё были люди. Не откладывая, Нефёдов ночью отвёз десантников в Челбасскую, укрыв от чужих глаз сеном . И сделал это вовремя. Нашёлся всё-таки негодяй, сообщивший о десантниках полицаям. Примчалась порядочная свора, всё перевернули вверх дном, но поискать за печной лежанкой, где прятался Эспиноса, не удосужились. Чердак просто бегло осмотрели.

Вообще эту группу преследовал всё время какой-то злой рок. Александр Теплов разбился при десантировании. Десантников, которых Нефёдов отвёз в Челбасское лесничество, схватили полицейские и расстреляли. Германа Восмедиано Эспиноса требовалась безотлагательная медицинская помощь. Начиналась гангрена нижних конечностей. Обеспокоенный Нефёдов привлек на помощь бывшего председателя колхоза Матвея Фирсовича Новикова. Вдвоём они занялись лечением старшего лейтенанта Эспиносы. Новиков съездил к фельдшеру Животовскому и тот посоветовал пока мазать ноги топленым гусиным жиром. Новиков дома порезал гусей, натопил жиру, и следовал советам Павла Никитовича Животовского. Чтобы фельдшер мог наблюдать больного, Нефёдов отвёз Германа к себе домой. Там Иван Никифорович вместе с женой Евдокией Артёмовной ухаживали за больным. Но чуть не попались. Сосед заметил, что к Нефёдовым часто ходит фельдшер, на что Иван Никифорович посетовал: «Простуда у меня, лёгкие застудил». Боясь, что сосед сдаст конспираторов, Нефёдов перевёз Эспиносу в больницу, которая находилась в здании школы № 8. Там полным хозяином был Животовский. Германа спрятали, выдав его за гражданского больного. Когда гангрена начала прогрессировать, Павел Никитович провёл в приспособленных условиях ампутацию обеих ног, обмороженному десантнику. Вскоре Каневскую освободили.

Из 20-ти десантников, составивших три

группы, уцелели Герман Эспиноса да Василий Кожедуб. Радистку же Валю постигла самая страшная судьба. Из-за своего легкого веса она улетела от места своего десантирования очень далеко. Два дня провела в лесополосе на 20-ти градусном морозе. Хромовые сапожки примёрзли к ногам, руки обморожены. Силой воли заставляла себя идти. Непослушные ноги привели её на территорию малоизвестного колхоза «Магнитострой», куда входила ст. Придорожная. Добравшись кое-как до окраины, она постучалась в одну из хат и попросилась обогреться. Там увидела её молодая колхозница Фенька Деревенец и помчалась к полицаям. Те примчались к хате и арестовали ещё не пришедшую в себя радистку. Полицай Стефан Серик отвёз её в районную полицию, а те, в свою очередь, передали Валю в гестапо. Ей, несчастной, пришлось пройти через нечеловеческие истязания. Гестаповцев интересовали шифры, коды, явки. Её долго пытали. На лбу и теле выжжены многочисленные звёзды, изуродованы все пальцы, обрезаны груди, уши. Нанесено 17 резаных ран. Но она ничего не выдала и была расстреляна на лубзаводе.

Каневчанка Таисия Петровна Лизун видела, как мимо её дома везли на расстрел человек 7 парашютистов. Это уже был самый конец января 43-го. Морозы внезапно сменились оттепелью. В сумерках накрапывал дождь. Часть десантников была в полушубках, другие раздеты. Один из парашютистов попытался убежать, да только вокруг поле и далеко не убежишь. Пленные были измучены донельзя, хоть были и сумерки, можно было заметить, что многие покалечены. Страшна судьба захваченных парашютистов. Прежде, чем быть расстрелянными, они прошли все муки ада. Я уже отмечал не раз звериную жестокость полицаев. Понятно, что это нелюди, моральные уроды. Но, обратите внимание, то там, то там упоминается о фактах доносов и предательства со стороны некоторых жителей. Что двигало ними? Ненависть? Месть? На поставленные вопросы уже никто не ответит.

Услышав ещё в начальных классах школы об оккупации района, судьбе парашютистов, я так и до сих пор не могу освободиться от ощущения в этой истории некоей обречённости и безысходности. Как-то уж легко они дались в руки немецким холуям-полицаям. Участие немцев было по сути номинальным. Анализируя скупые архивные сведения, я пытаюсь восполнить, так сказать, недостаток в этой человеческой драме. Мои объяснения просты. Группы были плохо экипированы, а ещё коварная кубанская зима. Всякий раз, вспоминаю рассказ моей мамы из событий 7 января не то 1939 года, не то сорокового года. Тогда в течение дня температура воздуха от плюс 150С снизилась до минус 200С. Причём на фоне гололёда, ветра и более, чем обильного, снегопада. Непогода тогда застала колхозный обоз из пяти подвод на полпути между Брюховецкой и Каневской. Обманутые оттепелью колхозники плохо оделись в дорогу. Мама, одевшись по совету свекрови в полушубок и взявши валенки, оказалась в выгодном положении, но зато вела обоз, шагая навстречу вьюге. Кожа лица потом снялась, как шагреневая... Все десять человек обморозились. Но были в других местах и пропавшие, тела которых нашли после того, как растаял снег.

Можно представить, что парашютисты – десантники оказались в подобной ситуации. А руки? Их легко обморозить , если рукавицы холодные, а особенно , когда их нет вовсе. Известно, обмороженные руки слушаются плохо.

И второй фактор. В карательном отряде были не какие-нибудь худосочные и эксцентричные приблатнённые уголовники. Многие – это бывшие белогвардейцы, казаки, имевшие за плечами опыт Империалистической и Гражданской войн. Кто-то имел опыт службы и в Красной Армии. Это были враги опытные и жестокие, по сути, профессионалы.

Последние дни оккупации

По мере того, как стали слышны отзвуки далёкой артиллерийской канонады, оккупанты стали метаться. Первыми запаниковали «доблестные» вояки блудливого маршала Антонеску – румыны. Грабя, на ходу, они драпали, не разбирая дороги. Немцы никак не могли остановить исход этой аморальной и вшивой орды. Полицаи – эти слуги дьявола, задыхаясь от бессильной злобы и чувствуя полную обречённость, вымещали свой страх на соплеменниках. Перед тем, как позорно удрать, они решили в очередной раз обагрить окровавленные свои руки кровью безвинных жертв. Они запланировали уничтожить часть населения Каневского района, сочувствующих Советской власти. Акция получила название Варфоломеевская ночь.

Подобное должно было свершиться в Каневской. Полицаями были подготовлены списки семей коммунистов, красных партизан, красных командиров, политруков, бывшего партактива, советских работников и просто людей причастных к бывшему и упраздненному октябрьской революцией сословию, именуемому, как иногородние.

Акцию предполагалось провести в ночь на 30-е января 1943 года. Но списки будущих жертв удалось заполучить за несколько дней до предполагаемой резни. Это заслуга писаря при районном атамане Гречаном, Ивана Степановича Гавриша и атамана ст. Каневской, бывшего учителя школы имени Короленко Владимира Львовича Черняка. Предупрежденные заранее потенциальные жертвы резни, жители попрятались кто где. На хуторах, в плавнях, в соседних станицах, где не так зверствовали полицаи, на колхозных станах. У полицаев же времени на розыски попросту не хватило. Надо было срочно спасать свою шкуру, ибо гром артиллерийской канонады был близок.

Продолжение следует.

Ноха СУЛТХАНОВ

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОЯЛИ...

Когда развеялся дым от титанической битвы Добра и Зла, неслыханной и небывалой по кровопролитности в истории человечества, мир содрогнулся перед ужасным ожесточением и страшным масштабом жертв, народы земли приветствовали советский народ за эту Великую Победу.

За то, что принесли свет и свободу. За то, что уничтожили фашистское чудовище. За то, что победили Зло, состоящее из убийц и палачей.

Мы, потомки славных Солдат Победы, гордились, и всегда будем гордиться подвигами воинов Красной Армии, которая освободила нашу страну и страны Европы от оккупантов, и добила фашизм – врага всего человечества там, откуда он пришел. Мы удивлялись, и всегда будем удивляться тому, как смог Советский Союз дать отпор вооруженной до зубов фашистской Германии, на которую работала почти вся Европа. Ведь на нас вместе с немцами шли финны, венгры, словаки, хорваты, румыны, итальянцы и прочая всякая нечисть, которые не только желали расширения жизненного пространства, но и ставили перед собой конкретную цель: бесследно уничтожить на земле целые народы, и, в первую очередь, советский народ. Мы не позволили врагу сделать этого. Мы победили, потому что оказались организованнее всей Европы, потому что патриотизм наших людей был настолько велик, что почти каждый солдат, каждый труженик тыла совершали небывалые по масштабам подвиги. В этом и состоят истоки нашей Великой Победы, для приближения которой вместе со всем советским обществом доблестно воевали и самоотверженно трудились в тылу славные представители знаменитой кубанской станицы Новоминской.

Новоминская послала на фронт свыше трех тысяч своих сынов и дочерей. Они стояли насмерть под Москвой, совершали героические подвиги при защите Сталинграда и обороне Ленинграда, освобождали от фашистского ига страны Восточной Европы, оставили свои автографы на стенах рейхстага, громили японских милитаристов. 1711 наших земляков не вернулись к своим родным. Почти каждая вторая семья в нашей станице потеряла на фронте близкого человека.

Наши станичники похоронены в братских могилах на территории 25 государств: погибшие при освобождении от фашистского ига Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии, Финляндии, Югославии, Венгрии, Чехии, Словакии, Польши, Австрии, Германии; умершие от ран в госпиталях Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии; в концентрационных лагерях Дании, Норве-

Слева направо – братья Терещенко**: **Виктор Михайлович, Иван Михайлович, Евгений Михайлович, Борис Михайлович. 1967 год.

гии; павшие при освобождении от японских захватчиков Монголии.

- Новоминская семья Коробко потеряла 5 сыновей.
- Три семьи получили по 4 похоронки.
- Восемнадцать новоминских семей оплакали по три брата.
- В 110 семей наших станичников не вернулись по два человека.
- В период оккупации Новоминской (август 1942 – февраль 1943 гг.) фашисты расстреляли 113 наших жителей, среди которых были и грудные дети.

Из призванных на фронт Новоминским райвоенкоматом стали:

- Героями Советского Союза – 2 человека,
- кавалерами ордена Александра Невского – 4,
- полными кавалерами ордена Славы – 1,
- кавалерами ордена Славы 3-й и 2-й степеней – 3,
- кавалерами ордена Славы3-йстепени–50,
- кавалерами ордена Боевого Красного знамени – 12,
- кавалерами ордена Красной Звезды – 500,
- генералами Советской Армии – 2,
- полковниками Советской Армии – 25,
- после Победы из числа новоминских фронтовиков за успехи в мирной
- деятельности стали Героями Социалистического Труда – 6 человек.

* * *

Всякие войны питаются человеческими жизнями. Война убивает солдат без разбора, не щадит ни молодого, ни старого, ни мужчину, ни женщину, ни тех, кто пришел сражаться с врагом из многодетной семьи, ни тех, кто был единственной надеждой престарелых родителей.

Великая Отечественная война также предъявляла к людям страшный счет. Он был более трагичен в тех семьях, кто отправил на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками двух, трех и более своих сынов или дочерей, и где ежеминутно ждали возвращения с победой каждого.

Сегодня мы обязаны вспомнить их поименно, назвать фамильные династии новоминчан, которые до последнего мужчины, способного носить оружие, ушли на фронт.

Склоним перед ними головы. Помянем добрым словом тех, кто не вернулся с полей войны. Вспомним о тех, кто возвратился в родные места с долгожданной победой, но с израненными телом и душой. Выразим свою сыновнюю благодарность тем родителям, которым пришлось оплакать одного, двух, трех и более своих кровинушек.

Семья Терещенко.

Немало новоминских старожилов и по сей день помнят семью Терещенко – Любовь Степановну и Михаила Дмитриевича. В числе первых в станице они вступили в создающееся в начале 30-х годов минувшего столетия коллективное хозяйство «Червонный Комму-

нар» и достойным трудом крепили экономику и славу нашей станицы. В 1933 году, после окончания сельскохозяйственных курсов, глава семейства Михаил Дмитриевич был направлен на партийную работу в Успенский район. Несколько лет трудился на посту председателя сельского Совета в станице Николаевке.

В первые же дни Великой Отечественной войны лицом к лицу встретился с ненавистным врагом старший брат Михаила Дмитриевича – кадровый военный, старший лейтенант Иван Дмитриевич Терещенко.

Перед войной командовал дивизионной школой младшего командного состава. Судьба отпустила ему короткое счастье: в жестоких боях на Смоленском направлении, получивший к этому времени новое звание, командир 2-го батальона 879-го стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии, капитан Терещенко погиб в бою под Смоленском 17 июля 1941 года.

Когда началась Великая Отечественная война, призвали на фронт сорокалетнего Михаила Дмитриевича.

Боевое крещение получил в боях под городом Ростов-на-Дону, участвовал в сражениях по освобождению родной Кубани. Он прошел всю войну, командовал стрелковыми взводами и ротами, побывал во многих битвах и схватках, несколько раз был тяжело ранен. Более года находился в госпиталях Читы, Улан-Уде, но возвратился в строй и продолжал громить врага. Закончил войну в г. Брашев, в Румынии. Демобилизовался в конце 1945 года. После Победы, инвалид второй группы, несмотря на ранения, продолжал трудиться в родном колхозе.

Вслед за отцом, в 1942 году добровольцем ушел на войну старший сын Дмитрий Михайлович Терещенко.

Он успел окончить в Новоминской среднюю школу №1 (ныне – СОШ №32), Армавирское фабрично-заводское училище по специальности «нефтяник», поработать на нефтепромыслах Кубани.

«Не волнуйся, мамочка, все будет в порядке. Береги себя, моих братьев и сестер!» – только и успел он написать между кровавыми непрерывными боями в предгорьях Кавказа, которые шли в первой половине 1943 года.

14 января Дмитрий Терещенко вместе с боевыми товарищами принял свой первый бой недалеко от села Черниговское (Апшеронский район) в составе 46-й Армии, защищая горный перевал, чтобы не пропустить врага на Сочи и далее в Грузию. Контрнаступая, Красная Армия отбросила фашистов назад, в первые же дни сражений освободив станицу Даховскую, а 29 января столицу Адыгеи город Майкоп. В тех жестоких схватках и погиб смертью героя наш станичник Дмитрий Михайлович Терещенко, так и оставшись навеки девятнадцатилетним пареньком. Похоронить павших у горного перевала советских бойцов удалось лишь в мае 1943 года, когда сошел снег, и открылись горные перевалы. Всех по-

Иван Дмитриевич Терещенко.

Михаил Дмитриевич Терещенко.

Дмитрий Михайлович Терещенко.

Евгений Михайлович Терещенко.

гибших советских воинов свезли в село Черниговское, где в братской могиле покоятся 670 защитников Родины. Об этом периоде в Великой Отечественной войне упоминается в книге «Битва за Кавказ» (Военное издательство. Москва. 1967г.,стр257) Маршала и Министра Обороны Советского Союза А.А. Гречко: «...Сломив сопротивление противника, войска 46-й Армии (до 24.01. 43г. командовал генерал-лейтенант К.Н. Леселидзе) к 16 января с боями овладели Даховской, Нижегородской, хуторами Армянский, Черниговский, горами Оплепен, Маратуки...».

Тяжело переживала Любовь Степановна гибель своего первенца и всю материнскую ласку переключила на оставшихся пятерых детей.

Место погибшего брата в боевом воинском строю занял другой ее сын Евгений, 1926 года рождения.

После окончания семилетней школы, он работал молотобойщиком в колхозной кузне, окончил Армавирское фабрично-заводское училище по специальности слесаря, а когда исполнилось 17 лет, пришел в военкомат и попросился на фронт. Ему отказали: таких молодых на войну не брали, Родина берегла своих сыновей, но ему удалось убедить райвоенкома, и Евгений Терещенко стал солдатом. Одним из аргументов послужила его неукротимая настойчивость отомстить фашистам за гибель старшего брата. Воевал на Северном Кавказе и сполна хлебнул фронтового лиха. К счастью, остался жив и вернулся в родную хату. Но, оказалось, возвратился ненадолго. После окончания военного училища и присвоения офицерского звания, его назначили на службу в одну из воинских частей. В 1970 году в звании подполковника вышел в отставку, а после 25 лет проработал в Администрации Краснодарского края в должности заведующего общим отделом департамента по финансам, бюджету и контролю.

Помогала фронту оставшаяся в тылу сестра братьев Ксения Михайловна Терещенко, 1922 года рождения. Работала в колхозе, а во время войны с сентября 1941 по август 1942 года участвовала в строительстве оборонных сооружений. Заменив воевавших на фронте отцов и мужей, работала в колхозе трактористкой и комбайнером, снабжая наших солдат продовольствием. Трудилась на этом нелегком посту до Победы, до возвращения с фронта мужчин. После окончила войны, вышла замуж за фронтовика и работала в городе Армавире.

Готов был идти бить проклятых немцев и третий из братьев Терещенко – названный в честь дяди – Иваном, 1929 года рождения. Но в мае 1945 года Великая Отечественная война закончилась полным разгромом и капитуляцией фашистской Германии, и воевать ему не пришлось. Но жизнь свою Иван Михайлович связал с Красной Армией. После окончания восьми классов по ходатайству работников сельского Совета его направили на учебу в Одесское Суворовское училище, после окончания которого он поступил в Калининградское артиллерийское училище. Службу начал в Киевском Особом Военном Округе. Прошел все ступени в командных должностях артиллерийского полка. За высокие успехи части в боевой и политической подготовке был рекомендован командиром дивизии на учебу в Академию имени Дзержинского и успешно окончил ее в 1962 году. По направлению Министерства Обороны СССР и Комитета Государственной Безопасности стал работать в секретных научно-исследовательских институтах, где трудился вместе с другим нашим станичником Чуевым Юрием Васильевичем, генерал-лейтенантом. На счету у И.М. Терещенко за время работы в НИИ личных 36 изобретений в области вооружения и разведки. Уволился из Вооруженных Сил СССР в 1984 году в звании полковника запаса. Но носить форму не перестал. До нынешнего дня работает в Совете старейшин (казачий полковник) Союза казаков России.

С мирным созидательным трудом была связана судьба других детей Любови Степановны и Михаила Дмитриевича. Борис Михайлович Терещенко после окончания строительного техникума строил на Кубани сахарные заводы, отслужил в армии, окончил Кубанский сельскохозяйственный институт. Работал в Ярославской области, в нашем районе (управляющим Каневской «Сельхозтехникой»), затем был переведен на более высокую должность в городе Армавире.

Родившаяся перед войной сестра Валентина Михайловна работала одно время бригадиром на трикотажной фабрике в городе Баку, была замужем за капитаном боевого эсминца, затем ее семья жила в станице Коноково Успенского района на Кубани.

Самый младший из братьев – Виктор Михайлович Терещенко – после десятилетки работал в новоминском колхозе «Коммунар», окончил сельскохозяйственный институт, много лет трудился на посту главного инженера и заместителя председателя родного хозяйства, десять лет был заместителем главы Каневского района по вопросам архитектуры, строительства, жилищно-коммунального и теплового хозяйства, является инициатором и исполнителем газификации поселков, станиц и хуторов нашего района. А сегодня возглавляет приемную главы Каневского района.

Так служили и продолжают служить Отечеству выходцы из простой крестьянской среды, представители династии Терещенко, которые, уверен, родились под счастливой звездой: и те, кто сложил головы на Алтарь Победы в суровые военные годы, и те, кто трудился и трудится на благо Родины в мирное время.

Историко–
литературное
объединение
«Родник»

С юбилеем!

21 мая 2013 года главному редактору нашего журнала исполнилось 55 лет.

ДВЕ ПЯТЁРКИ – ВЛАДИМИРУ САЯПИНУ!

По поводу юбилея редактора у нас сегодня в гостях творческая элита района. Эти люди заглянули к нам не случайно: они пришли поздравить с юбилеем коллегу по творческому цеху – поэта, прозаика и барда Владимира САЯПИНА, чьи произведения регулярно радуют наших читателей. Мы тоже хотим вставить пару слов в этот чистый искренний поток любви и уважения. Владимир, две пятёрки поставила тебе жизнь за великий талант, большое сердце и широкую душу! И мы, твои друзья и поклонники, подтверждаем: ты на все сто заслужил наивысший балл!

Ольга ЗОРИНА.

КОГДА РАЗДВИНУТЫ ГОРИЗОНТЫ...

Юбилеи бывают разные... 55 лет – время расцвета творчества талантливого человека: осмыслен окружающий мир, многое пережито и понято, воплощены задуманные ранее идеи, сохранились юношеский задор, желание творить и творить...

К таким личностям относится и Владимир Саяпин – автор замечательных лирических стихотворений, вышедших в свет в нескольких книгах, ставших гордостью не только района, но и края. Каждое его новое издание – явление в культурной жизни, предмет гордости земляков за щедрую талантами землю Кубани.

Владимир всю жизнь проживает в Каневской, которую любит и воспевает в ярких произведениях. Восторженное восприятие красоты кубанской природы, тепло родительских сердец, близких людей не смогли не выплеснуться в прекрасные лирические произведения о родной земле, о людях, созидающих на ней, о подлинной любви, вдохновляющие на жизнь возвышенную и светлую...

Помимо поэтического таланта, природа одарила Владимира и удивительной музыкальностью, красивым голосом, способностью играть на многих инструментах. Ряд своих лирических стихотворений он положил на музыку, сделав их прекрасными песнями. Признанный на Кубани бард, он часто исполняет их в кругу поклонников, которых у него несть числа.

Юбиляр своим талантом снискал право быть душою коллектива единомышленников. Коллеги по перу оказали Владимиру Юрьевичу заслуженную честь быть главным редактором широко известного в крае и за его пределами журнала «Каневчане».

Потомственный казак, первый атаман возрождённого Каневского казачьего общества, прекрасный поэт, наш земляк Владимир Саяпин находится сегодня на пике таланта. Постоянной работой над собой он раздвинул горизонты жизни и творчества. Его поэзия волнует и восхищает, она близка и дорога тем, кто любит Родину, в ком живёт светлое и трогательное отношение к жизни, к смыслу человеческого существования на нашей прекрасной земле.

Новых творческих успехов тебе, уважаемый наш юбиляр, мы верим в тебя и твой талант!

Джон АКОПОВ,
Полина ЭЛЬ ГХАЗИ.

ТАЛАНТЛИВ ВО ВСЁМ

Каневской район богат литературными талантами. В нём проживает немало творческих людей: поэтов, прозаиков, публицистов. Среди этой плеяды особо выделяется многогранным творчеством Владимир Саяпин.

Кажется, совсем недавно состоялась презентация его литературного сборника «Саксофон на ветру». В нём, прежде всего, стихи. Они настолько напевны и лиричны, что созвучны не только переживаниям из ушедшего благополучного прошлого, но и проблемам сегодняшнего дня. Для его стихов характерна тонкая лирика, затрагивающая такие душевные струны, что хочется плакать, переживать, восхищаться. Тот же тонкий лиризм присущ и его песенному творчеству; он поёт не голосом – душой.

Если человек талантлив, то талантлив во всём. Проза. Небольшие повести, рассказы. В них человеческие судьбы, характеры, трагедии – всё проникнуто оптимизмом, верою в жизнь. Короткая повесть «Волчица» принесла автору известность не только среди каневских читателей. Это следует из многочисленных писем и обращений, как профессионалов, так и коллег по перу из других городов России. В повести этой жизненный подвиг, мужество и предательство идут рядом. И пусть рефреном звучит жизненная догма, что зло наказуемо, стоит признать, что это великая человеческая трагедия, и вновь душа трепещет в поисках смысла жизни, горюет и негодует одновременно. Бесхитростный рассказ «Бурыс» заставляет задуматься о месте в сложном физическом мире – нашем и братьев наших меньших.

Признанный читателями журнал «Канечане» получил вторую жизнь благодаря Владимиру Юрьевичу. Явившись вдохновителем этой акции, он дал возможность многим авторам в полной мере реализовать таланты. И сегодня, несмотря на существенные потери в авторском сообществе, журнал не снизил планку. Его ждут с нетерпением читатели и почитатели.

21 мая Владимир Саяпин отметил особую дату – дату, когда нужно оглянуться назад и с удовлетворением отметить, что 55 лет прожиты недаром, ведь посадил дерево, вырастил сына, посеял доброе и вечное, плоды которого достанутся и следующим поколениям. Хочу пожелать Владимиру Юрьевичу здоровья, творческого долголетия , достойного служения во благо самой благодарной, но очень притязательной аудитории – читателей.

Николай ЛЕМИШ.

НЕ ТОЛЬКО ПОЭТ...

Горжусь временем, в котором живут такие достойные люди, как Владимир Саяпин. Без него эпоха Каневского района была бы беднее на один большой талант. Он не только поэт, прозаик и журналист, Владимир Юрьевич – человек редкостной доброты и удивительной мудрости. Спасибо, что Вы есть!

Ноха СУЛТХАНОВ.

И ВРЕМЯ НЕ ИССУШИТ

С юбилеем, Володя! Сам Господь при твоём рождении дал тебе дар покорять людские сердца поэтическим словом. С возрастом добавилось и слово прозаическое, которое очень часто оказывается «вкуснее» поэтического. Видимо, Господь думал о Саяпине не только как о поэте. Так пусть же время не иссушит твоего сердца и прелесть твоего слова, Володя. Будь здоров!

Степан ДЕРЕВЯНКО.

ЖИЗНЬ ТОРЖЕСТВУЕТ!

Дорогой Володя! Мы поздравляем тебя от всего нашего творческого коллектива историко-литературного объединения «Родник» с юбилеем. Желаем здоровья и творческих успехов на долгие годы.

Как хорошо, что есть друзья на свете!
Я не устану это повторять.
И пусть летит любовь по всей планете –
Нам этот мир никак нельзя терять.

Пускай любовь укутает всю землю,
Добро пусть побеждает зло.
Я только эту истину приемлю:
Жизнь торжествует всем смертям назло!

Татьяна КУН.

ТЫ ВСЕГДА БОЛЬШОГО РОСТА!

В жизни ты всегда большого роста.
Рад, что делу предан ты без меры.
Служишь всем коллегам ты примером
И в общеньи всем с тобою просто.

Просто – наболевшее излить,
Просто – душу настежь распахнуть
И добра немножечко вдохнуть,
Как водицу чистую испить.

Пусть в ответ добро проснётся,
Жизнь хорошей песней станет,
И в распахнутые ставни
Бесконечно счастье льётся.

Валентин ЦВЕТКОВ.

Владимир САЯПИН

ИВОЛГА

Ночи темные и не по-майски длинные,
Нынче поздняя, холодная весна.
Не завяжутся никак цветы калины
И тоскует, сиротина, у окна.

Ну и что с того, что все так ярко помнится,
Но дороги все заказаны к тебе,
Только иволга, как девушка-затворница,
Горько плачет ранним утром на вербе.

Холодна заря на небе с тонким месяцем
И туман по лугу стелется, как тать,
Ну и что, что мы с тобою можем
встретиться:
Нам давно друг другу нечего сказать.

Ну и что, что ты была когда-то умницей,
Разошлись у нас дороги и пути,
Я давно уж не хожу твоею улицей,
Хоть и хочется, по-прежнему, пройти.

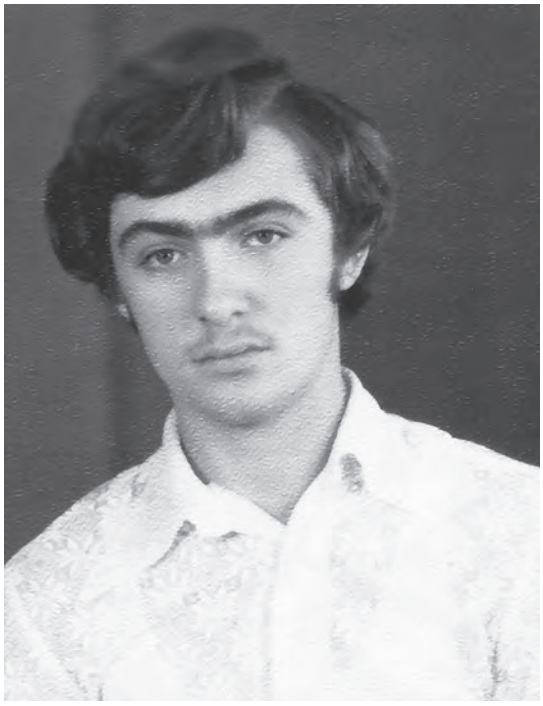
Не скорби ты, птица-иволга бедовая,
И не рви мне мою душу, не студи,
Занавеска на ее окошке новая,
И не мой кулон сердечком на груди.

Что не сказано – теперь уже не скажется,
Что обронено – того не отыскать,
А цветы еще калинные завяжутся,
Чтобы ягодою горькой позже стать.

Ты была моей единственной отрадою,
А теперь – непоправимая беда,
От тебя и от себя уехать надо бы,
Далеко и лучше, если б, навсегда.

Пусть идешь ты новым счастьем
окрылённая,
А на сердце что – того не открывай,
Только именем моим под утро, сонная,
По ошибке ты его не называй.

2012 г.



* * *

Давным-давно весна прошла
Кипеньем белым канув в вечность,
На речке кладочка была,
А нынче нет уже и речки.

Меня та кладочка вела
В заречье лунными ночами
Там чудо-девушка жила
С такими нежными очами.

Как плакал сыч, ночной бедун
На яблоне плющом увитой,
Был белый домик в том саду
С окошком, для меня открытым.

Как я давно был молодым,
И мне теперь уже не вспомнить,
Кем были срублены сады,
Куда исчез тот белый домик.

И как не просто вспоминать,
Все было будто не со мною,
Как пахла в юности весна,
Как пахла степь перед грозою.

Какая сладкая печаль –
У образка теплились свечи,
Коса струилась по плечам
И пахли медом эти плечи.

Туман под утро, словно дым
Тушил в реке ночные звезды,
Как хорошо быть молодым
Мы понимаем слишком поздно.

А я счастливый по росе,
Бежал полынь – траву волнуя,
Бежал тропой к речной косе,
Чтоб в воду броситься парную

Я пел о радости своей,
Щенячьим счастьем опьяненный,
И на калине соловей
Обиженно смолкал, смущенный.

Я пел про карие глаза,
Я плыл, кувшинки раздвигая,
Кто б мне посмел тогда сказать,
Что будет мне судьбой другая.

Я верил эта красота,
Как и любовь – вовек нетленна,
И этот хуторок в садах
Был для меня венцом вселенной.

2012 г.

* * *

Насупившиеся дома
И дождь, как в сердце перебои,
Как дева старая зима
С причудами и скрытой болью

Фонарь поник средь стылой тьмы,
Как будто кто его обидел,
А я тоскливее зимы
За жизнь свою еще не видел.

Я всё предвижу наперёд,
И я судить зиму не вправе.
И даже если снег пройдёт,
То ничего он не исправит.

Друзей ушедших не вернёт,
И предавшие не очнутся.
Зима не та и я не тот.
Коты к трубе в подъезде жмутся.

Входной двери протяжный стон.
И ветер злой, холодный ветер,
Короткий, словно выстрел, сон,
И снова о былом – о лете.

И бирюзовая волна,
И словно чайка, чьё-то имя,
И рядом все, кто возле нас,
Когда мы были молодыми.

У горизонта облака
И ветер с парусом так ладят.
И чья-то тёплая рука
Во сне лицо мне нежно гладит.

И к загорелому плечу
Капризных губ прикосновенье...
Я просыпаться не хочу.
Господь, продли моё забвенье...

Темно за окнами, темно
По грустным стёклам дождь струится.
Ко мне, ушедшее, в окно
Стучится раненою птицей.

2013 г.

* * *

Утро раннее, не по-апрельски холодно.
У ограды буйно вишня расцвела.
От меня ушла навек сегодня молодость.
Собралась вот так, под утро, и ушла.

Оба знаем: ничего уже не сделаешь,
Что решать здесь и о чём тут говорить,
Ключ от двери положив на скатерть белую,
Побрела тихонько, двери затворив.

Душа в душу столько лет со мной прожившая,
Говорила, что счастливая была,
Словно женщина, другого полюбившая,
Что не в силах лгать: собралась и ушла.

Уходя, меня за щёку нежно тронула,
Помолилась на икону в уголке,
Сделал вид, что сплю, лишь только веки вздрогнули,
И забилась гулко жилка на виске.

И никто не спросит: хочется, не хочется,
Всё, отныне больше некуда спешить.
Привыкать теперь тихонько к одиночеству,
К смене красок, остыванию души.

И навек смиряясь с тоскою неотступною,
Стыло колкой, словно первый лёд в ведре,
Мне хранить на дне души надежду глупую,
Что она ещё вернётся на заре...

2013 г.

* * *

Словно ветер листву, гонит нас
наша жизнь заполошная.
Удивляемся мы,
вынимая альбомы на свет,
Как внимательно смотрит со снимков
на нас наше прошлое,
Как светло улыбаются те нам,
кого уже нет.

Наше прошлое много
добрее к нам, чем настоящее,
Зеленее трава, выше небо,
прозрачней вода,
Голубь, еле заметною
точкою в небе крутящийся, –
Голубятен ещё по дворам
было много тогда...

Наше прошлое к нам
пробивается старой мелодией
Из пластинки, из хрупкой,
что в жёлтом конверте лежит,
Что казалась навеки забытой,
утраченной, вроде бы,
Что, как старые снимки,
нам душу до слёз бередит

Вереницей стоящих на старом
трюмо белых слоников,
Что с подшивкой журнальной
на дне у трельяжа лежат,
Старой вербой седою
над старой беседкою клонится,
Той, что помнит нас юных
и память об этом хранит.

Молча смотрим в глаза
нашим прошлым мы до суеверия,
Наше прошлое смотрит
на нас, улыбаясь чуть-чуть,
Нам, прощая кредиты
великой любви и доверия –
Те, что нам уже им никогда,
ни за что не вернуть.

Сотни раз с той поры
на поля снега сыпалось крошево,
И другие над нами
кричат в небесах журавли,
И кондуктор седой разменял
нам с тобой наше прошлое,
Отсчитав медяки и забрав
в свою сумку рубли.

Отражаться устало
на заводях яркое солнце.
Вот и лето прошло,
иней пал на седую траву,
Птицы стихли по рощам,
и листья кружатся червонцами.
Я люблю это всё,
значит, я ещё жив и живу.

Ещё годы мои мне
не кажутся тягостным бременем,
И в далёком окне
для меня огонёк не погас,
И не куплен альбом ещё тот,
где с годами, со временем
С фотографии старой
взгляну я когда-то на вас...

2013 г.

* * *

От юных лет осталась память терпкая,
Ах, как же вишня в том году цвела,
Когда меня с моей любовью первою
Судьба иль глупость наша развела

Пылят сады метелью, вишней пьяною
В садах весна и близится апрель.
Я не живу, я тлею без Татьяны.
Она живёт за тридевять земель.

И так, бывает, на душу нахлынет,
Когда на речке лебеди трубят,
Горчит в душе белесою полынью
Та мысль, что жизнь я прожил без тебя.

Сумела ты красивою остаться,
Сединка локон тронула родной.
И мы живём, боясь себе признаться,
Что очень редко видимся с тобой.

Не знаю, сколько мне ещё осталось
Бродить в садах под яркою луной
Молю судьбу я: «Подари мне малость –
Ещё хоть раз увидеться с тобой».

Март 2013 г.

Владимир САЯПИН

«ЗАУЭР» с оптикой

Двое мужчин: один лет шестидесяти, другой помоложе, стояли, обнявшись, в здании аэропорта Берлина, под удивленными взглядами немцев, не привыкших к столь яркому выражению чувств. Оба они понимали, что уже, скорее всего, никогда больше не увидятся... Да и эта их встреча была из числа тех, редчайших, которые случаются один раз в жизни и не у каждого.

Та военная зима на Кубани была настолько снежной и морозной, что старики говорили: «Это Бог послал, германца выморозить». На маленький хуторок, затерянный в старых, казацких садах, где Сашка жил с матерью и маленькой сестрой, немцы долго не заглядывали. Так думалось, что и не удосужат своим вниманием. Отец Сашкин ушел на фронт одним из первых, и уже с год от него не было писем. Так и жили. Двор, огороженный камышовой лиской, хата на две половины под тем же камышом, петух, пять кур и коровенка – вот и все богатство. Кормились тем, что с огорода убрали, да Сашка приспособился петлями из металлического троса ловить зайцев, и так удачно, что мать его, тетя Зина, солила заячье мясо про запас в деревянной бочке. Мясо, сказать прямо, было не из первоклассных, но семье уже пришлось попробовать и муки из рогоза, и речных ракушек, так что в это голодное время было не до выбора.

Немцы прибыли поздним ненастным вечером, ввалились в хату мокрые, злые. Сашка тут же схлопотал жестокий подзатыльник, пытаясь прошмыгнуть мимо. Его ему отпустил худой и длинный, как оглобля, пожилой немец. В возрасте из немцев был лишь он один, остальные восемь человек были лет двадцати двух – двадцати трех. Заехали во двор на пяти больших машинах с будками, выстроили их в ряд около сарая. Один из них, подойдя к тете Зине, на ломаном языке пояснил, что они будут жить в их хате, займут большую комнату, а она с детворой может размещаться в малой. Сашке показалось странным, что одеты они были в кожаные куртки и свитера, и только на головах у них были пилотки с козырьками. Это были шоферы-транспортники, не боевая часть, а часть технического обеспечения.

Тетя Зина повесила на проем двери одеяло, отделив свое жилье от ставшего чужим. Так и потянулось время. Целыми днями водители копались в моторах, толстый повар готовил снедь в походной кухне, распространяя по округе довольно аппетитный запах, тревожа голодную Сашкину душу. Надо сказать, что немцы совершенно не вмешивались в жизнь Сашкиной семьи, занимаясь своим делом. И только двое из них, худой дылда и молодой Гельмут изредка уделяли Сашке внимание. Первый – чтобы отпустить леща, второй весело подмаргивал Сашке, потирающему затылок. Надо сказать, что постояльцы как-то не совпадали с образом немцев, сложившимся в Сашкиной голове. Тетя Зина рассказала ему, что на центральном отделении расстреляли много людей, забрали скот, угнали молодежь. А у этих и автоматы висели в кабинах машин, и если бы не этот долговязый, донимающий мальца – жить, в общем-то, можно было.

Зима пришла, как всегда на Кубани, с ночным обильным снегопадом.

Утром немцам пришлось откапываться лопатами, чтобы выйти на улицу. Сашка же побежал на окраину сада, за огород, туда, где у него стояли петли. Они были пустыми, в непогоду зайцы сочли лучшим лежать без беготни. С этого дня установились крепкие постоянные морозы. Немцы стали вырубать деревья в саду на топку. Так как печка в доме была общая, то с Сашкиных плеч свалилась обязанность обеспечивать ее бездонное горло дровами: немцы о своем, а значит, и общем тепле беспокоились в полной мере. Повар так же продолжал готовить на походной кухне, которую закатили под навес. Тетя Зина, что могла, готовила на печке, пока немцы были во дворе. Ни корову, ни кур немцы не трогали. Единственный раз где-то добыли свинью, повар достал из запасов специи, колбасную оболочку, заделанную в вакуумную упаковку, и наделал колбас, которые они коптили в печной трубе. Небольшой кусок достался и Сашке, который они разделили на троих. До сих пор он помнил вкус той несказанной колбасы...

К Рождеству немцы стали готовить заранее. С утра на печке плавили в сковороде сахар, заливали его шнапсом. «Грог» – ответил Гельмут на вопросительный взгляд Сашки. Вечером накрыли стол, выпили и начали хрипло петь какую-то песню. «Матка Зина, ком» – позвали они хозяйку, подвинулись, освободив ей место. Чтобы не «заводиться», как говорила тетя Зина, она решилась не отказываться от приглашения, портить отношения с немцами, да еще с выпившими, не хотелось. Приняв кружку с грогом, она не спеша опустошила ее. Недоуменно глянув вовнутрь, презрительно скривилась. Надо сказать, шнапс и сам не отличается крепостью, а уж с сахаром. Немцы, уважительно переглянувшись, налили ей чистого шнапса. Выпив кружку, тетя Зина утер-

лась рукой и, отказавшись от закуски, ушла куда-то в сени. Через пять минут она зашла в хату с двухлитровой бутылкой. Налила себе кружку, медленно выпила кружку своей, занюхав кусочком хлеба. Немцы одобрительно загудели. «Ничего, сейчас я вас, собаки, уничтожу» – подумала тетя Зина. А надо сказать, что выживать ей очень помогало то, что она мастерски варила самогон. Не из свеклы, мутный, как другие, а из «чистой хрукты». Еще до оккупации она Сашку на речку не пускала, пока он ей бочку не набьет абрикосом или шелковицей. Продукт получался чистейший, крепчайший и пользовался неизменным спросом при любой власти. Вот им-то она и попотчевала постояльцев. Сперва задохнувшись, они начали шептать «Колоссаль!!!» после первой же чарки. Тетя Зина оставив им бутыль, ушла спать. Утром повар с помятым лицом подозвал к себе Сашку, подал ему два бачка, один с супом, другой с гороховым концентратом и показал знаками, чтобы он каждый день в обед подходил к нему. Бачки были большими, хватало на троих.

Как-то солнечным утром Сашка вышел на улицу, собираясь проверить петли. В это время, потягиваясь, вышел Гельмут, посмотрел на Сашку и нырнул в кабину. Из машины он вынул деревянный футляр, раскрыл его и достал красивую винтовку с оптическим прицелом. Открыв рот, Сашка глядел на это чудо. «Карл Цейс» – гордо произнес Гельмут. Обведя взглядом округу, он вдруг в конце огорода, метрах в трехстах, увидел неторопливо прыгавшего зайца. Хорошо прицелившись, он нажал спусковой крючок. Заяц упал как подкошенный. Сашка не спускал взгляд с мелкокалиберной винтовки, как и любой пацан, он любил оружие, а тут еще такое! Гельмут изредка давал ему выстрелить и вскоре Сашка довольно успешно бил по банкам. Но долговязый немец как-то вырвал из рук мальчишки винтовку и, заорав на Гельмута, бросил ее в кабину. В тот вечер Гельмут о чем-то ругался с этим немцем, а наутро повар развел руками, пряча взгляд...

В начале февраля издалека стала доноситься артиллерийская канонада. Немцы стали суетливо собираться. Гельмут подозвал Сашку и кое-как, на пальцах, объяснил, чтобы они увели корову и спрятали птицу, показав глазами на долговязого. Слава Богу, что мать ночью угнала корову к родичам на другой хутор. Курам длинный немец, все-таки, порубил головы.

Уходили немцы ранним утром. Гельмут все медлил, не торопясь уезжать. Потрепав Сашку за светлый чуб, он стоял и ждал, когда уедет старый немец. Тот что-то замышлял, но увидев решительность Гельмута, плюнул и, сев за руль, выехал со двора. Гельмут тут же, нырнув под брезент, сбросил два мешка консервов и протянул Сашке деревянный футляр. У Сашки замерло сердце. Гельмут жестами показал, чтобы он хорошо прятал винтовку, «комиссар пух-пух» – засмеялся он, прижал мальчишку к себе, не оборачиваясь, прыгнул в кабину... К вечеру в хутор вошли наши.

Прошло больше тридцати лет. Отец Сашки вернулся живой, но очень больной, был в плену. Сашка хорошо закончил школу, надо сказать, что и в школе и в институте, куда он потом поступил, все удивлялись его тяге к немецкому языку. Закончив институт, женившись, он стал работать в одном из крупных колхозов края главным инженером. У него самого уже был сын старше, чем он был в войну. Винтовку, не смотря на всю опасность этой затеи, он сумел сохранить. Оказалось, что она теперь, с годами, имела сумасшедшую стоимость. «Зауэр с Цейсовской оптикой – это тебе не хрен с маслом,» – любил говорить его тесть.

В конце семидесятых в его колхозе случилось следующее. В хозяйстве работало несколько самоходных агрегатов для косьбы травы на сено и кукурузы на корм. Производства они были из ГДР, поэтому их звали «немками». Машины были очень удачными, ломались редко, но уж если ломались – проблемы с запчастями были громадными. Местные умельцы приспособились некоторые детали делать в своих ремонтных мастерских. Дошло до того, что председатель вызвал Сашку, теперь уже Александра Ивановича и сказал, что они намерены послать его в Германию, на завод-изготовитель этих «немок» для решения задач по запчастям.

...Александр впервые был за границей. Удивляло все: от музеев, магазинов и до уровня производства на заводе. Вскоре он освоился, а знание языка способствовало успешному сотрудничеству со специалистами завода. Вот уже и подходила к концу командировка, когда руководство завода решило для таких, как он, провести товарищеский ужин. Уже два часа сидели в столовой завода. Честно сказать, Александру не нравилось, накурено, да и шнапс хреноватенький, надо сказать. В это время слово взял директор предприятия. Негромким голосом он начал здравицу в честь дружбы СССР и ГДР. Что-то неуловимо знакомое Александру показалось в этом седом очкарике. Не веря себе, он спросил соседку: «Как зовут шефа?» «Хельмут» – ответила она. Сашка подошел к Гельмуту, сел с ним за соседний стул. Тот приветливо потянулся к нему бокалом. «А сколько сейчас стоит Зауэр с Цейсовской оптикой?» – взволнованно спросил Александр Гельмута. Тот долго посмотрел на него и вдруг порывисто схватил в охапку. Плечи его вздрагивали, а он все гладил по спине Сашку.

Ночевали у Гельмута. Чисто по-русски, в майках, сидели за столом, жена хозяина зевнула и, извинившись, под утро ушла спать. А они, не замечали ничего вокруг, улетев в ту далекую, холодную зиму. Гельмут пытался взъерошить Сашкин теперь уже седой чуб, обнимал и счастливо смеялся. А Сашко, хмельно улыбаясь, представлял в душе, как он будет обо всем рассказывать своей еще живой матери, тете Зине.

Николай ЛЕМИШ

Сын

Светало. Она обычно просыпалась с рассветом, а вот на сей раз от сна не могла никак освободиться. Тяжкий, липкий, он держал прочно ее в своих объятиях, не давая ей права быть свободной. Мучил голод, тяжелое его ощущение, на время освобождало ее от сна и возвращало к суровой реальности ее нынешнего положения. Заснув, она ощущала все тот же непреодолимый голод.

Даже во сне ей снилась еда. Бывало, что сон не шел, и тогда она переворачивала одну за другой страницы своей жизни. В прошлую ночь она вспоминала о голодовке. Весна 1933 года. Ей всего 10 лет, а вокруг мор и запустение. Все, что можно было съесть, уже съедено давно. В ход пошла даже невыделанная телячья кожа. Пока был жив отец, можно было еще держаться. Он приловчился ловить хомяков и сусликов. Из-за неурожая они были не очень справными, зато вполне съедобными. Отец, человек многоопытный знал разные коренья, земляные орешки и умел их находить, это был небольшой приварок в семье.

Разумеется, если бы не безжалостные «комсодовцы», в поисках зерна забравшие запас кабаков и овощей, то можно было еще не умереть с голоду. А тут, еще пришла зима и «подножный» корм засыпало снегом, земля замерзла. Потом случилась беда, арестовали отца, по обвинению во вредительстве. Дескать, это он заразил сапом колхозных лошадей. А тот только и успел сказать, что помимо того, что за лошадьми надо ухаживать, еще обязательно кормить...

Где то он и сгинул в лагере. К весне, из многодетной Вариной семьи осталось трое. Больная мама, да они с сестрой. А ведь не так уж и давно, за обеденный стол садилось 9 человек. И вот они, оставшиеся в живых, теперь с надеждой смотрят на весну, на будущую зелень – свое спасение. Человек, известно, существо всеядное, в борьбе за жизнь он готов съесть что угодно. Поэтому мысль о поимке вороны не кажется такой уж абсурдной. А детский организм требовал хлеба, каши, молока. Они с сестрой стали похожи на блеклые тени.

Но человек находящийся в последней стадии голодного истощения, наоборот опухает. До сих пор она не забудет людей с отекающими лицами и остановившимися взглядами. На многих из них уже лежала печать смерти. Мало уцелело детей, но они выжившие, в прошлом крепкие хуторские дети, были не лучше Вари с сестрой. Страшное было то время. Жестокосердные люди от власти ни в чем не знали меры. Мор выкосил почти весь хутор. Дети потеряли родителей. Родители потеряли детей. Выжившие весной 33-го года жили одной, единственной мыслью: съесть хоть маленький кусочек хлеба. Ощутить во рту вкус хлебной корочки. Упиваться ее вкусом, запахом. Хлеб.... Пусть напополам с лебедой, отрубями, жмыхом, но такой желанный и так аппетитно пахнущий. И вот ей привиделся тот хлеб, первый хлеб урожая 33-го года.

Выглядел он совершенно невзрачно из-за всяких примесей, но в нем был вкус хлеба. И только в 1935 году они наелись хлеба вдоволь . За выпечкой первой настоящей пшеничной булки, из белой муки, они с сестрой следили как завороженные. Это был их первый заработанный в колхозе хлеб. Мама потихоньку приходила в себя после голодомора, и к тому времени почти поправилась. А Варя уже смело несла на своих плечах заботу о сестре и болеющей маме. В колхозе работала наравне со взрослыми. Взяв «на стэп» краюху белого ароматного хлеба, настоящего, домашнего, она жевала его между работой и не могла насытиться. Испеченный на капустных листьях он имел очень ароматную восхитительно вкусную корочку...

Варвара Терентьевна очнулась. За окном весна. Где-то слышались птичьи голоса. Свежий ветер поступает в ее комнату через форточку болтающуюся на одном навесе. Оглядев убогое свое жилье с давно не беленными, обшарпанными стенами, потерявшими всякий вид, с затасканными, занавесками, стирки не знавшими как минимум пять лет, она отметила про себя, что её давно не удивляет неприбранный вид комнаты, грязь и запустение. А главное, она равнодушна к тому, что запущен до неузнаваемости дом, развалившийся забор, что на огороде торчат бодылья позапрошлогоднего бурьяна, что никто ничего не сажает и не сеет.

С этим она давно смирилась. Беспокоит ее собственная беспомощность, ощущение, что силы покидают ее, и час от часу, ей все труднее подниматься с постели. А так хотелось на улицу, где травка, где уже все цветет и весна радует глаз. А еще ей сильно хотелось есть. Голод уже давно стал спутником ее жизни. Все, более чем в преклонном возрасте, с букетом болезней, так страшно быть брошенной, одинокой. А, впрочем, почему одинокой? У нее есть сын. Он хороший, добрый... пока не пьет. Но пьет он постоянно, и ничего, кроме пьянки, ему не нужно. Ее пенсию, и не плохую, сын с невесткой пропили еще неделю назад, Собственно

не сами, а с ватагой алкашей имеющей особый нюх на дармовую выпивку. И у нее сейчас нет даже хлеба. Да, в день получения пенсии, ну еще пару дней, у нее есть немного еды. А потом все. О ней забывают напрочь, зато в доме веселье. Валом валят собутыльники, тосты, речи, музыка. Один приехал – другой уехал. Что сделала пьянка с ее сыном, с невесткой? А ведь у них двое детей. Все безобразия творятся на глазах у ее внуков. Пока у нее были силы, она обрабатывала огород, приторговывала на рынке овощами и фруктами. Была свежая копейка. Когда сын с невесткой пребывали в запое, (а это их постоянное состояние), она подкармливала внуков. Покупала им дешевую одежду, обувь. Когда хорошо перевалило за 80 лет, и сил не стало, она наладилась ходить на поминки, бывать на кладбище. Известно, там покормят и дадут с собою. Так она перебивалась, да еще и внуков кормила. У нее хорошие отношения с сестрой Галей. У нее хорошая семья, сыновья зрелого возраста, крепко стоящие на ногах. Видит Бог, они сердечные, добрые люди и не бедные, помогают ей одеждой, продуктами. Племянник даже устроил сына на хорошую работу. Да только все напрасно, сколько Виктор не бился. Крепкий молодой еще мужчина работать не желает. Зато продуктовые пакеты, что привозили родственники, сын и невестка отбирали, привезенную одежду меняли на самогон. И опять гулянья, пока все не поедят и не попьют. Видя, что происходит, родственники перестали помогать... Варвара Терентьевна зачастила на старое кладбище. Обязательно кого-то хоронят и раздают поминальные кульки. А еще люди оставляют поминальную еду прямо на могилках. Тут проще, взяла и все, не видит никто. А как тяжело быть униженной! Никогда не думала, что ее прежняя сытая, благополучная и обеспеченная жизнь превратится в этот кошмар. Господи, Сеня, если бы ты только мог подняться из могилы и увидеть, что стало с ней.

И вновь, волною, нахлынули воспоминания. На ее детство выпали голод, лишения, страдания, безотцовщина. Да – только все прошло. В 38-м году она окончила семь классов и пошла в колхоз работать, счетоводом. А тут и жизнь стала налаживаться, поднялся ее колхоз. Стала зарабатывать, помогать матери, сестре. А как хорошо они зажили перед войною. Вдоволь хлеба. Она сама заработала три тонны зерна. Стали держать корову, другую скотину, птицы – так той вообще не считано. В сороковом справила себе три платья, жакет, пальто. От спокойной жизни расцвела и похорошела. Многие парни уже заглядывались на нее. В работе сноровистая, с природным организаторским талантом, она везде поспевала, всем помогала. Завоевала уважение у степенных, домовитых колхозников. И величать её стали порою Варварой Терентьевной.

В роковом, сорок первом, исполнилось ей восемнадцать. А тут война.... Вновь тяжкие воспоминания. Ибо привычная, размеренная жизнь, пошла вспять. Вести с фронта одна другой хуже. Немец прёт, не разбирая дороги. Потоком пошли на хутор похоронки. То в том, то в другом конце его слышен женский плач. Значит ещё в одну семью пришло горе. Агротехника Васю, с которым встречалась Варя, взяли в армию в начале весны, и пятый уж месяц от него нет ни единой весточки. Нет керосина, спичек, материи, мыла, обуви....

Но что поделать, война. И что она пожирает людей! Горек был хлеб 1942 года, пахать и сеять не на чем, да и некому. Хлеба нет. И много ли наработаешь с голодными людьми! Первая военная посевная, не смотря ни на что, проходила под девизом: «Всё для фронта, всё для победы!». Все реже девичьи руки держат ручку, либо карандаш. Чаще приходилось, пахать, скирдовать сено, солому, работать прицепщиком, и даже посевальщицей. А что сделать, если в колхозе женщины, да старики. Работают даже 10-11 летние дети. Дома выручает свое хозяйство, иначе умерли бы с голоду. Весь хлеб идёт на фронт. Трудодни, выхододни. Не выход на работу, опоздание карается по законам военного времени. А тут немец стал приближаться к Кубани. Захотелось ему кубанского хлебушка, да и разного другого, чем богата Кубань. Да, богата, но отцы и деды не раз отстаивали ее с оружием в руках. Видно, на сей раз предстоит борьба небывалая. Что может сделать для победы над фашистами она, девочка из колхоза. Ведь она умеет только работать и терпеть. Что и приходится делать. Мимо их хутора движутся отступающие войска. Пропыленные, прокаленные июльским солнцем, в сизых от пота гимнастерках, солдаты идут и идут. У всех подавленное настроение. Такие же, но только в офицерской форме, командиры, уводят глаза от молящих взглядов женщин. Что будет с нами? Впереди ведь неизвестность. Васина мать получила похоронку и постарела сразу на десяток лет. Так и не снимает черный платок. Сколько же их молодых и здоровых погибнут в эту войну! Сколько девчат не дождется своих суженных! Сколько вдов и сирот останется после этой жестокой войны. Горе объединило хуторян. Беда, нависшая над страной, стала общей.

Она часто потом вспоминала, как к ним в хату внесли раненного солдата. Офицер с тремя кубиками в петлицах, просил заботиться о солдате, уберечь его от немцев. А сами они, как известно, отступают и даже не знают, кто у них впереди, а кто сзади. Но самое главное, они вернутся, чего бы им это не стоило! Оставили Варе немного концентратов, бинтов и несколько пузырьков йода, да с тем и отбыли. Варя с матерью остались ухаживать за раненым. В основном, это все делала Варя. Кормила, поила, меняла бинты. И конечно просыпалась от каждого шороха. Через пару дней почтальон привез на хутор новость, что в райцентре уже хозяйничают немцы. На хуторе, же всё оставалось по – старому. Колхоз продолжал жить, люди выходят на работу. Впечатление такое, что немцев вообще не будет. Но они появились. На машине и мотоциклах. Председателя колхоза забрали с собой, его потом так и не видели. Назначили старост: над хутором и

над колхозом. Следом появились два полицая. В черных мундирах, при галстуках, прежде не ведомых хуторянам. Отъявленные лодыри и негодяи, да еще с судимостями. Кандидатуры вполне приемлемые для новой власти. Чтобы было всем ясно и понятно, на рукавах у них были белые повязки с немецкими надписями. Для устрашения еще и винтовки. Особо неприятна была колоритная фигура известного негодяя по кличке Хряк. Этот отморозок, между пьянками, шастал по хутору, вынюхивая и высматривая. Варя очень переживала за раненого солдата, звали его Семеном, и он уже потихоньку шел на поправку. Но все обошлось. Быть может потому, что назначенный хуторской староста, за день до появления полицаев, собрал хуторян в клубе и громогласно заявил, что новая власть не надолго, а им жить в одном хуторе. Поэтому друг друга немцам не сдавать, с полицаями или ещё с кем от немцев, не якшаться. Жить дружно по дедовским законам. Прятать хлеб, коров и лошадей. Варя видела не раз на хуторе мужчин призывного возраста. Появившись, тут же исчезают. Но не подавала виду. Это ведь не ёе дело. Вот Семёна бы уберечь. Но хуторяне, зная о раненом солдате, помалкивали. Всеобщее горе, нависшее над страной, объединило людей. Варя столько сил приложила, чтобы выходить Семёна. Негодяя, пожелавшего получить от немцев награду за раненного советского солдата, так и не нашлось. Варя впервые в жизни была так вот близка к незнакомому молодому парню, к тому же находившемуся в беспомощном состоянии. Он нуждался в ее помощи и она, отбросив стыд, как могла, лечила крепкое мужское, но такое беспомощное тело. Он был старше ее лет на пять, уже мужчина. Что – то влекло ее к нему, а когда Семён стал поправляться, влечение стало обоюдным. Варя видела, что она нравится Семёну, но сделать смелый шаг никто не решался. Поправившись, Семён, не находя себе места, мечтал перебраться к своим через линию фронта. Мать отговаривала его, да он видно сам всё решил. В назначенный день он стал задумчив и только грустно глядел, как Варя с матерью складывают ему харчи в вещмешок.

Во тьме вышли на окраину хутора, опустились к реке. Наставал момент расставания. Семён, наконец, решился обнять Варю, прижав к себе ее худенькие плечи. Крепкий поцелуй вызвал у неё бурю неизведанных чувств. Она вся затрепетала, чувствуя, что уходит не чужой для неё человек. И неизвестно свидятся ли они. Ведь неизвестно, сколько ещё быть войне. Семён же с жаром обратился к Варе: «Спасибо милая, что спасла, выходила меня. Нет сейчас для меня человека ближе, чем ты. Не могу уже жить без тебя. Если суждено мне уцелеть на войне, я вернусь к тебе. Жди...» С тем и растворился в туманной прибрежной полосе.

Очень скоро прогнали немцев. Куда – то делись мерзавцы – полицаи. На хутор вернулась Советская власть, и всё пошло своим чередом. В колхозе, не сильно разграбленном, закипела обычная жизнь с заботами и тревогами. Варя вернулась к прежней работе. Восстанавливали порушенное хозяйство. А войне ещё не видно конца. Сколько уже сирот и вдов! К лету сорок третьего пришёл долгожданный треугольник от Семёна. Сообщил о себе, что воюет, но в основном за баранкой ЗИСа-5. Что был легко ранен при переходе линии фронта. Письмо писал Вариной маме, передавал приветы сестре и соседке Фене, посвященной в дела семьи. А Варе в письме приписка: «С именем твоим ложусь, с именем твоим встаю, жизни моей будущей без тебя не вижу. Семён». Варя же, прибывала в душевном смятении, метаясь между памятью погибшего Васи и Семёном. Оставаясь преданной доброму и ласковому пареньку, с которым у неё кроме нескольких робких поцелуев ничего и не было, она понимала, что война забрала парня, и ей просто жить надо дальше. Всё разметала она проклятая. Варя так и не решилась написать ответ от себя. Семёну направили «семейное» письмо с ответом и пожеланиями. В трудах и заботах прошли ещё два года. Война продвигалась к своему логическому концу. На хутор, по – прежнему, шли похоронки. Семьи, не получившие их, можно было посчитать по пальцам, так их было мало. От Семёна приходили редкие письма. Писал он скупо. Жив, здоров, воюет. Дядя Игнат сосед, списанный «вчистую» по причине потери ноги и служивший в артиллерийском полку смог расшифровать написанное «между строк» в письме.

Что Семён воюет на серьезной машине, похоже на американском «Студебеккере». И ,как бы, не возил ракетную установку типа «Катюша». В письмах Семён писал об ордене и полученных им медалях. Колхоз пришёл в себя после немецкой оккупации. Но катастрофически не хватает людей. По – прежнему, всё держится на женщинах, да детях. Правда с фронта вернули бригадира и комбайнера, переведя их «на бронь». Их рассказы о войне слышать без слёз невозможно. Какое горе, несчастье свалилось на людей. Сколько погибло наших солдат! Господи, как же трудно будет поднимать страну после страшной войны...

Воспоминания глыбой навалились на Варвару Терентьевну. Семён... С ним связана вся ее послевоенная благополучная жизнь. Ах, если бы он так быстро не ушёл из жизни. Не было бы этой поздней нищенской старости, разрухи в семье, полуголодного ее существования... Мобилизовали Семёна летом 45-го.

На хутор он явился с сержантскими лычками при блеске ордена Славы и нескольких медалей. Свадьба их была достаточно скромной. Время было трудное, кругом разруха. Родных Семёна разбросала война, а у Вари – мать да сестра. Несколько соседей. Невеста в фате из довоенной кисеи. Скромное угощение. Пока решили пожить в хуторе, но в колхозе одна добитая полуторка, да ждали ещё одну машину. Семён на правах фронтовика – орденоносца не стал ожидать вакансии, а нашёл работу в районном центре. Туда они скоро и переехали с Варей и их скромными пожитками. Сняли квартиру, и началась их совместная жизнь. Семён сел на сельповскую полуторку с газогене-

ратором (бензин был в дефиците). Но это была машина. Семён привел ее в порядок, начал зарабатывать. Сегодня трудно представить, что такое в 45-ом машина. Это было всё. Из арсенала нынешних профессий даже трудно подобрать равнозначную профессии шофера послевоенного времени. Кроме основного заработка была масса других приработков и возможностей. Варя пошла работать счетоводом, но через год Семён настоял, чтобы она бросила работу и сидела дома. Семён к тому времени обеспечивал не только себя, но и Варю. Жили они можно сказать, по меркам того времени, в достатке. Семён энергичный, находчивый, где-то нахрапистый, вошел в курс особенностей и преимуществ шоферской профессии. Умело работал и на сельпо, и на себя, мотаясь по району. Кроме своего жилья молодые не нуждались ни в чём. Беспокоило одно: слишком долго у них не было детей. Заключение врачей, продолжавшей ещё восстанавливаться местной больницы, было уклончивым. Они обнадеживали, но как-то робко. В одну из поездок в Краснодар за грузом, Семён взял жену с собой. Оказывается, раньше он уже договаривался с врачом-специалистом, нужно было привезти Варю. Увы, заключение было совсем не обнадеживающим: у них никогда не будет детей. Сказалась голодовка, тяжелая работа. Огорчению молодой женщины не было предела. Варе было трудно, но тут они сменили квартиру, а по соседству был мальчик 3-х лет, Коля, находившийся под попечением полуслепой бабушки. Его мама работала в колхозе и приезжала только на ночь. Коля, как – то пройдя через дворы, пришел в гости. Он очень приглянулся Семёну, а Варя в нем души не чаяла. Коля худенький, светловолосый, ласковый и добрый мальчик очень смешно не произносил букву «Л» заменяя ее на «В». Бабушка Александра занятая вечно хлопотами по хозяйству тоже не возражала, чтобы Коля был «под приглядом». Варя, будучи не сильно обремененной работой, уделяла мальчику все свободное время. Привязанность росла всё сильнее. Да и мальчик привязывался не только к Варе, но и к Семёну. Бездетные супруги просто уже не мыслили свою жизнь без него. Ну и пришёл тот момент, когда Семён решился на конкретный разговор с матерью Коли – Ольгой Алексеевной. Да только какая мать отдаст своего ребенка, хотя жизнь у неё нелёгкая. У Ольги на плечах полуслепая свекровь и двое детей. Да и она была постарше и поопытнее Вари. Но вместе с тем, не возражала, чтобы мальчик бывал у Семёна и Вари. Варя, вскоре, подружилась с Ольгой, и, как оказалось, на всю жизнь. Да и судьба Коли, была долгие годы не безразлична ни Варе, ни Семёну. Они с интересом следили за его успехами, сочувствовали неудачам. Варя относилась к Коле, как к своему сыну, старшему сыну.

Через пару лет супругам «подвернулась» неподалеку половина дома, которую они сняли на длительный срок, под квартиру. Дела у Семёна шли хорошо. Когда в станице появилась авторота, Семён перешел туда работать, получив новенький ЗИС-5. В середине 50-х они рядом с квартирой, взяли, «план» для постройки дома. У Семёна появилось много друзей, знакомств и дом они возводили, по обычаям того времени, методом «народной стройки». Ольга Алексеевна организовала женскую «бригаду» из родственников и друзей, которые поэтапно помогали наливать «горище», мазали и гладили глиной стены. Коля тоже крутился там, подавая глину небольшим ведром. Домик получился на славу. Просторный на три окна под железной крышей. Семён достал готовой шилёвки и вскоре шилёванный дом предстал во всей красе. Застарелая проблема отсутствия детей на время потеряла актуальность. Семён, «выписал» свою мать, обстановка позволяла. Варя раздобрела, погрузнела и величать её стали не иначе, как Варварой Терентьевной. Коля подрос и учился в школе. Стал серьёзным и умным подростком. С Ольгой Алексеевной супруги дружили по – прежнему. Будучи женщиной с искалеченной судьбой, умелой и практичной, она была незаменима в житейских делах. Варваре было под сорок, а Семёну Федотовичу и того больше, поэтому вопрос бездетности стал их очень волновать. Материальное положение семьи было стабильным. По совету Ольги Алексеевны, они решили взять в роддоме ребенка. 1961 год .... Он был важным, решающим для них с Семёном. Варвара Терентьевна вновь предалась воспоминаниям. Они решили, что у них будет сын. И пусть его выносит и родит чужая женщина, это не страшно. Но это будет их ребенок. Задача перед ними стояла многотрудная. В то время отказы от детей были достаточно редки. Очереди на усыновление двигались медленно. Семёну, с его связями удалось уладить и этот вопрос. Вскоре они поехали в больницу «на смотрины». Мальчика им показали издали. Варваре Терентьевне он показался крупненьким и красивым. Пока шли формальности с усыновлением, мальчик немножко подрос. Считая ребёнка своим, они передавали в больницу молочные смеси, детское белье и одежду. Наконец, наступил тот самый день, которого Варвара ждала с трепетом и волнением. Детское приданное Варвара Терентьевна приготовила уже давно. В те годы выписка ребёнка и матери из роддома не обставлялась с пышной помпезностью, как в нынешние времена. Но всё же, момент торжественности имел место. Семён Федотович привёз гостинцы персоналу, шампанское. С ними приехала еще одна супружеская пара, в качестве помощников. Семён взял малыша на руки и торжественная группа пошла к стоявшей у больницы «Победе». Варе дали на руки сына и поехали. Ребёнок тихо спал, и Варвара не смела дышать. Полнота чувств переполняла её, она не видела куда едут, не слышала, о чём говорят в машине. Варваре Терентьевне до сих пор не верилось, что её женское одиночество исчезнет, и вся последующая её жизнь будет наполнена заботой об этом, пока ещё маленьком человеке.

Все происходившее дома было для Варвары как во сне. Накрытый стол, тосты, здравицы в честь новорожденного сына, это всё было

вторичным. Главным было то, что в спальне лежал на кровати и спал самый для неё дорогой малыш. За всё время он только раз напомнил о себе басовитым голоском. И она, бросив всё, бежала к нему, успокаивать и он затихал. Вскоре суета улеглась, гости стали расходиться и Семён пошел их провожать. Варвара опять пошла к сыну. Развернув одеяльце, она взяла его на руки. Бережно прижав его к груди, она ощущала дыхание новой жизни. Его маленькое сердце стучало ещё тихо, зато её билось радостно и тревожно. Это был её ребенок, её сын, такой близкий, родной и долгожданный... На неё нахлынула волна неизведанных материнских чувств, как будто вырвавшихся изпод спуда.

От избытка чувств у неё даже закружилась голова. Ей пришла в голову шальная мысль, что ребёнка подменили, что это может даже девочка. Она спешно развернула пелёнки и взяла опять младенца на руки. О, это был он, видевшийся не раз во сне мальчик, которому они с Семёном давно подобрали имя Вадик, Владислав. Это он, её сын. Сын... Сын...

И потянулась вереница будней. Семён все время на работе, а она с маленьким дома. Она уже привыкла к роли матери, у которой ребёнок грудного возраста. Он требует всё больше времени и внимания. По ночам он плакал, и , как все дети на искусственном вскармливании, страдал животиком. Не имея родительского опыта по уходу за малышом, она стремилась предугадать его желания, разгадать его проблемы. Она стала частицей этого маленького и хрупкого существа. Мир для неё сузился до размера проблем её сына. Она освоила несложные процедуры помогавшие маленькому справиться с его проблемами. Даже стирка детского белья была для неё радостью и наслаждением. А её стирки было много. Тогда ещё были неизвестны памперсы.

Приезжал с работы Семён, усталый, но помыв руки, шёл к детской кроватке, играл с сыном, брал его на руки. Она видела, что чувства мужчины ещё не определились, подсознательно понимая, что для этого нужно время. И оно шло...

Сейчас же, лежа в одиночестве, голодная и холодная, она, как из вертящегося калейдоскопа, вырывала из памяти отдельные факты, события из детства её сына, пытаясь свести их в какую то систему. Она помнит первые радующие звуки, произнесённые сыном. Помнит, как он первый раз произнёс слова папа и мама. Помнит, как он поднял головку, когда впервые встал на ноги, помнит и его первые робкие шаги. Как они радовались с мужем. Она с умилением смотрела на Семёна и видела, как он нежно любит сына, целует, ласкает, долго играет с ним. Бывает, что подолгу не спускает с рук. В одно время в ней даже пробудилась ревность к мужу. Когда Владику было месяцев восемь, его крестили в храме. В те годы крещение детей не приветствовалось, однако супруги посчитали, что необходимо выполнить этот христианский обряд. Варвара Терентьевна помнит, как происходило крещение, речь пожилого священника об ответственности за судьбу младенца не только родителей, но и крёстных отца и матери. Крестильную рубашку и иконку того времени, она хранит и поныне. В трудные моменты она молила Бога о ниспослании сыну здоровья и благоденствия. Как-то купая малыша, она заметила родинку с характерным рисунком в виде звездочки на месте, которое всегда будет скрыто от посторонних глаз. Всё это конечно мелочь, возможно совпадение. Занятая хлопотами по уходу за ребёнком, она не придала этому серьезного значения. Но шло время, сын пошел своими ножками, стал подрастать, и она заметила, как он стал походить на Семёна. Глаза, волосы, овал детского личика, сходство было очевидным. Ей не давала покоя та самая родинка, точно такая же, и на том же месте у Семёна. Значит это его сын. Почему только его? А она? Она не спала по ночам, болела вместе с ним, страдала от его болей. Она так любила сына! И оказывается Семёну он родной сын. Боже мой! Семён?! Где? Когда, с кем? Почему? Это измена. Да это его сын. Упав на колени перед иконой Богородицы, она молила Божью Матерь, послать ей выдержку, укрепить бодрость духа, дать ей мудрость и долготерпение. Пребывая в молитвенном состоянии, одновременно она благодарила Богородицу за то, что Господь послал им не чужого младенца.

Да, пусть она не рожала его. Но она любит Семёна, любит его сына. Что делать ей? Молиться за Семёна, просить Всевышнего простить его плотский грех? Или поговорить с Семёном, выяснить, устроить скандал. А наш сын, а он как? Как быть с ним, он мал и беззащитен. Нет, нет и нет! Обратившись в господней молитве к Спасителю, она дала клятву ни помышлением, ни хулением никогда не упрекнуть Семёна в содеянном, видя в этом промысел Божий. А она, она посвятит свою жизнь сыну, будет верной, любящей матерью и опорой в жизни. А Семён, он работает, старается для семьи, не пьёт, не гуляет, обеспечивает материальный достаток. Господь дает ей терпение, она дождётся, что Семён обо всем расскажет сам. Впереди еще долгий отрезок жизни...

В те, шестидесятые годы прошлого века, детский сад был мало доступен, и Владик рос дома. Да и Варвара Терентьевна совсем не хотела отдавать его в чужие руки, на воспитание. Нельзя сказать, чтобы мальчика безумно баловали, однако древнему казачьему назиданию: «Дитэй жалийты так, щоб воны цього ны зналы» следовали не всегда. Игрушки, одежда, сладости были всегда в достатке. Семён Федотович был не только заботливым, но и любящим отцом. Варвара не отставала от мужа в проявлении своих забот. До самого четвертого класса она провожала и встречала сына со школы. Редко когда ей это не удавалось. Особенно когда Владика сбил мотоциклист. Столько лет прошло, а она все помнит как сегодня. Получив весть, что с сыном что-то случилось, её сердце едва не разорвалось от боли. Она бежала к нему, вся растрёпанная, беззвучно крича, не разбирая дороги. И вся она была сгустком тревоги и страдания.

Помнит как её мальчика, с переломом, везли в больницу, как там она требовала предоставить ей возможность быть рядом с ним. Но ей не разрешили. Время тогда было иное и персонала по уходу в больнице было достаточно. Но пока сын был в больнице, они с мужем ездили каждый день. После выписки, уже дома, она окружала его теплом и заботой, не жалея ни денег, ни времени.

Её очень заботило, что Владик пока не может ходить в школу, поэтому учительница приходила домой, а потом они с сыном вместе готовили уроки. Варвара Терентьевна любила сына такой пылкой любовью, на которую способна далеко не каждая родная мать. Сын, по сути, ходить учился заново, и она была ему верной помощницей. Она хорошо помнит свои переживания и отчаянные обращения к Богу о ниспослании сыну здоровья. Часто посещая храм божий, она приобрела свой первый церковный опыт. Она молила всех святых о скорейшем выздоровлении сына и ниспослании ему здоровья. До сих пор считает она промыслом Божьим выздоровление сына. Владик рос добрым и ласковым мальчиком и будущее супругов, бывших уже в возрасте , виделось вполне благополучным. Перенесённая в восьмилетнем возрасте травма, не сказалась серьезно на здоровье Владика. Подрастая, из угловатого подростка он превратился в ладного парня. В школе Владислав учился неплохо, и заветной мечтой Семёна Федотовича было, чтобы сын стал инженером. Варвара Терентьевна же не строила таких планов, и с тревогой думала о том времени, когда сын покинет родительский дом и поедет учиться. Она весьма негативно воспринимала влияние большого города на молодых людей с их неспособностью пока отделить добро от зла. Как показала последующая жизнь, ее родительская тревога не была лишена основания. Провожая сына в дорогу, Варвара Терентьевна с грустью отмечала, что сын вырос, у него свой путь по жизни, а им с Семёном остается провожать, встречать, надеяться и ждать внуков. В институт Владик не поступил, зато окончив профтехучилище, пошел на завод. На вопросы отца о продолжении учебы отвечал уклончиво. Впереди была армия. Что сейчас, что в восьмидесятые армия была предметом родительской тревоги. Хотя с нынешними армейскими сложностями это не сравнимо. Часть, в которую попал сын, была элитной. Год службы прошёл без проблем. Владик писал об армейских буднях, о своей армейской профессии. Дедовщиной тогда еще не пахло, и оснований для родительской тревоги не было. Если бы не разразилась Афганская война. К тому в времени в район привезли уже десять гробов серии «Груз-200». Всё это скрывалось, и похороны погибших буквально были под секретом. От сына пришло письмо, что их часть меняет дислокацию. В письме явно прослеживалась тревога. Как же тут быть родительскому сердцу, которое и без этого болит от ощущения неизвестности. Правду гласит Кубанская поговорка: «Мали диты – мали заботы, вылыки диты – вылыки и заботы». Все ранее пережитые тревоги, на фоне последней, казались Варваре Терентьевне малозначительными. Как и всегда бывало в трудную минуту, Варвара стала чаще бывать в церкви, дома больше проводила времени у иконы Богоматери, моля её защитить единственного сына. Видела она тревогу и на лице мужа, которым владели те же чувства, только он их попросту не выдавал. Часть, где служил сын, перекинули в Таджикистан, но афганскую границу она не пересекла, неся приграничную службу. Остаток службы сына пройдет незаметно. Возвращение сына отпраздновали торжественно. Потом, как всегда потянулась вереница будней.

Отдохнув, Владислав изъявил желание вернуться в город на свой завод. Поступать в институт отказался. Для отца планировавшего будущее сына в несколько другом свете, это был удар. Он не расставался с идеей видеть сына большим человеком. Но человек полагает, а Господь располагает. Хотя все в судьбе сына складывалось не так уж и плохо. Через год Владик привез родителям «на смотрины» свою избранницу. Матери она понравилась. Хоть и коренная горожанка, Оля, так звали будущую невестку, была практична, умела в руках, но скромна до застенчивости. Свадебный вечер был в городе. Родители не поскупились. Всё было в лучшем виде. Вскоре молодым дали комнату в общежитии.

Родители помогали продуктами, периодически бывая в городе. Но молодые и сами приезжали в станицу. Видно Владика всё же тянуло к родным стенам. В один из приездов Варвара Терентьевна заметила, что Оля беременна. Радости родителей не было предела. Варвара Терентьевна уже видела себя в новом качестве – бабушки и предвкушала удовольствие понянчить внука или внучку. Семёну Федотовичу хотелось только внука. В то время не было привычной для нынешнего времени диагностики пола ребенка у беременных и будущие дедушка с бабушкой пребывали в перманентно-тревожном состоянии. Родилась внучка. Варвара Терентьевна улыбнулась, вспомнив о своих радостных хлопотах в качестве бабушки. Отец дал сыну доверенность на машину, и Варвара Терентьевна стала чаще видеться с внучкой. Правду говорили старики: «Внукив жальши ,чим дитэй». Не успела подрасти внучка, Оля вновь уже беременна. На семейном совете было решено заняться квартирным вопросом. Благо, при участии завода образовался жилищный кооператив и Владислав, как один из передовых рабочих вступил в него. Был сделан первый взнос. Не остались в стороне и старики. К моменту появления в семье второго ребёнка, дом был почти готов. Все складывалось наилучшим образом. Семён Федотович смирился со скромной ролью сына в заводском производстве, но близким людям рассказывал как на работе ценят их сына и насколько он незаменимый специалист. Да только чует родительское сердце: не всё так безоблачно и благополучно. Заметила Варвара Терентьевна, что сын много выпивает, вроде бы не он один, и ни о чём это ещё не говорит, да только серд-

це матери не успокоить, оно болит как бы само по себе. Меж тем подросли две чудных внучки – радость и утеха бабушки... Ну и дедушки конечно...

А тут лихо в стране. Нагрянула перестройка. Кругом лозунги: «Свобода, предпринимательство. Даешь кооперативное движение! И кооперативы, как грибы. Телевидение вещает: Стоит только захотеть и ты миллионер!». Есть все возможности. Свобода. Что хочешь, то и делай. В то же время галопирующие цены, нет необходимых товаров. Завод, имевший военный заказ, стал банкротиться. Сокращение персонала. Неполная рабочая неделя. Владик с друзьями организовали фирму и уговорили его стать её директором. Появились деньги, возможности. Вот она, удача. Параллельно, не заладилось у Владика в семье. Семья распалась. Это был для родителей первый удар, как оказалось из серии тех, что убивают сердце. Оно и так у Семёна Федотовича было не весьма крепким. Несомненно, война сделала своё дело. Владик же, забыв обо всем, пытался жить красиво. Да вот неудача: фирма лопнула. И очутился её директор, т.е. Владик в статусе известного по Ильфу и Петрову зам. Председателя. Невесть куда исчезли учредители, за ними инвесторы, друзья и собутыльники. И пошёл молодой, неопытный директор «впереди паровоза». Квартиру в городе пришлось оставить первой жене. Без содрогания оставил Владислав и двух дочерей. Но за ним остались долги лопнувшей фирмы и безжалостные кредиторы. Машину пришлось продать, остатки «имущества» фирмы, чтобы погасить долги. Во второй семье родился мальчик. Семён Федотович и Варвара Терентьевна не раз вспоминали недобрым словом племянника, человека уже не молодого, познакомившего сына со второй женой. Не обладая покладистым характером, та имела ещё и страсть к спиртному. Вскоре увлечение алкоголем стало семейным. К тому же у супругов, ни каким образом не решался квартирный вопрос. Короче, как в поговорке: «Куда ни кинь, везде клин». Не имея системной работы, Владислав перебивался случайными заработками. Какими-то неведомыми путями сыну удавалось отбиваться от кредиторов. Всё происходившее добавляло седых волос Варваре Терентьевне, лишало радости жизни Семёна Федотовича. Вспоминая прошлую жизнь, Варвара и сейчас содрогается от перечисления бед и проблем вставших на пути сына. Он уже не раз поднимал вопрос о переезде семьи в станицу и о новой жизни на селе. Да только чуяло материнское сердце, что это начало нового этапа проблем. Не будет им с Семёном покоя. И она оказалась права. День и ночь молилась она за сына, прося Божью Матерь оградить его от бед и несчастий. Просила она и о ниспослании здоровья Семёну. Оно становилось у него всё хуже и хуже. Однажды пришел он очень расстроенным. Оказывается, встретил он Колю – того самого мальчика, несостоявшегося воспитанника. Разговорились. Конечно, встреча была эта не первой, супруги, как бы со стороны, решили, не выдавая своего интереса, следить за судьбой Коли. Коля «пробившись» в жизни получил образование, работал инженером в солидной организации, был давно женат. У него взрослая дочь и он скоро будет дедушкой. Коля серьёзный, ответственный, со зрелыми мыслями, был в стороне от соблазнов новой жизни, эпохи беспредела. Скромный, непьющий он был профессионалом в своем деле. У него тяжело болеет жена и похоронил мать, но все тяжести жизни превозмогает достойно, как и подобает зрелому мужчине. Коля обеспечил матери, Ольге Алексеевне почтенную старость и похоронил подобающим образом. Все это никоим образом не выбило парня из колеи, не отразилось на его отношении к жизни и к людям.

Семен Федотович рассказал Варваре Терентьевне о встрече с Колей, воспроизвел весь разговор. Горестно и сочувственно повздыхали старики. Да чем ему поможешь...Своих забот, как говорится, невпроворот. Сын всё настойчивее вел разговор о ближайшем переезде в станицу. Вскоре с женой и ребенком при наличии минимального количества домашних вещей он, как говорится, «прибыл в родные пенаты». На работу не спешил. Новая невестка своё нежелание работать мотивировала необходимостью самой воспитывать ребёнка. Короче сели на шею и, по-видимому, надолго. Оказалось, что молодые ждут и второго ребёнка. Родители переселились в летнюю кухню, а дом предоставили семье сына. Казалось бы всё не так уж и плохо. Владислав перебивался случайными заработками, всякий раз обещая найти постоянную работу. А тут грянула беда. В один из дней ко двору подъехал затонированный джип и из него вылезли три крепко сложенных парня. Владислав был дома и вышел к прибывшим. Почуяв неладное, к ним вышел и Семён Федотович. Человек бывалый, не раз глядевший смерти в глаза, он со страхом воспринял происходившее. Ведь речь шла о безопасности и даже жизни сына. Парни нагло и бесцеремонно изложили суть претензий. За сыном числятся долги. Он пытался уйти от них, а это хуже для него. Короче, платите деньги сегодня, иначе они «включают счетчик». Раз у него нет денег, вы как отец, которому жалко сына, это сделайте за него. У вас две машины и ту, которая новая, мы забираем. Короче, едем к нотариусу и оформляем передачу машины.

Когда Семён вошел в дом, на нём лица не было. Варвара видела, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Семён только и обронил, что за долги забирают новую машину. Вернувшись к вечеру. Семён Федотович, совсем слег. Прибывшая на вызов, скорая забрала его в больницу. Сын же расстраиваться не стал, и вскоре Варвара заметила, что он пьян. Поразило её равнодушие сына к состоянию отца. Тогда Варвара Терентьевна расценила это как признак новой надвигающейся беды – отчужденности. Несмотря на предпринимаемые медиками меры, здоровье Семёна Федотовича не улучшалось. Как участнику войны, ему было оказано все необходимое, и Варвара Терентьевна не была в претензиях. Мужу

врачи прописали покой, а его не было. Сын и невестка часто бывали «под хмельком». Никто по-прежнему из них не думал о работе. Родившийся ещё один внук только прибавил к имеющимся проблемам и заботам, ряд новых. Шесть человек жили на две пенсии. Это хорошо, что у Семёна пенсия ветерана войны. Между тем семейные запасы были исчерпаны. Оставалось ещё немного «похоронных» денег. Беда была в том, что сын не полностью погасил долги, и была угроза нового появления городских решительных парней. Но сына это, похоже, мало заботило. Сколько же горя принёс он им с Семёном. В то время для неё бессонные ночи стали уже системой. Не было сил превозмочь все свалившиеся на их семью беды. Не раз, перебирая в уме всё прошлое, сопоставляя его с настоящим, она искала причину позиции сына. Что же сталось с ним? Почему здоровый, крепкий мужчина равнодушен не только с судьбе своих родителей, но и к собственной. Ведь ему создали все условия, учись, трудись, расти детей. Неужели в душе его не находится жалости к престарелым родителям, не находится просто тёплых слов. Господи, вразуми его, наставь его на путь созидания.! Вспоминая прошлые события Варвара Терентьевна, сделала тяжкий вздох, желая передохнуть от нахлынувших горестей чувств. Но ненадолго.

Воспаленная память вернула ей к смерти Семёна. Тягостным было расставание с человеком, с которым прожила она долгую жизнь. Она только и молила Бога дать ей силы и мужество перенести достойно все невзгоды. Она просто не представляла, как будет она жить без мужа. Волновала не материальная сторона вопроса, а её полное предстоящее одиночество. На сына рассчитывать было бесполезно. Помогли родственники, предприятие, где Семён Федотович проработал всю жизнь. Похороны были многолюдными. Его, многие в станице, знали как первого таксиста и просто хорошего человека. После похорон мужа, Варвара Терентьевна с трудом приходила в себя. Она знала, что время залечивает чужие раны быстро, а вот свои... Тяжко и невыносимо было ей после смерти Семёна. Но нужно было жить. Донельзя утомив себя воспоминаниями, Варвара Терентьевна впала в забытье. Вместе с ощущением покоя, приходило неизведанное состояние и безразличие. По сути, прошло желание вспоминать о своём горестном прошлом. Только одно тёплое и хорошее из её последнего беспросветного существования вспомнилось ей напоследок... Побывав на похоронах своей хорошей знакомой, женщины одинокой, умершей в очень пожилом возрасте, она встретила своего Колю – мальчика из её ранней молодости, которого она в свое время желала видеть своим сыном. Знакомая приходилась Коле тётей. Он принимал самое деятельное участие в организации похорон. Варвара Терентьевна удивлялась, как было все отлажено. Поразило её и то, как он и ухаживавшая несколько лет за теткой соседка, организовали отпевания и поминки. Так, наверное, поминают только родителей. Когда уже вставали из-за стола, к ней подошел Коля. Он не только помог ей надеть пальто, расспросил о здоровье, о её жизни, о возможных изменениях поведения сына. В его словах и действиях была выражена такая забота и участие, что у неё даже дух перехватило. Ей дали огромный пакет с продуктами. Коля не только нёс пакет, но и довел её до дома, бережно держа под руку. В дороге мужчина вспоминал своё детство, свою привязанность малыша к Варваре Терентьевне и Семёну Федотовичу. Очень сожалел, что по причине командировки не смог быть в своё время на похоронах Семёна Федоровича. Прощаясь, он обнял её и глядя с теплотой и заботой в её глаза пожелал ей здоровья, крепости духа и главное терпения... Едва зайдя в свою кухню, она дала волю чувствам и слезам. Господи, бывают же другие дети. Добрые и заботливые. Ведь у парня не легкая судьба, но он внимателен даже к чужим людям. Она завидовала умершей Ольге Алексеевне, что ей Бог дал до последнего её вздоха, такого сына.

От потока воспоминаний Варвара Терентьевна почувствовала глубокую усталость, полное опустошение. Она находилась уже на грани полного физического и морального изнеможения. Не хотелось ни о чём более думать. Куда-то уходило её сознание, перемещаясь в малоисследованную область другого мира, где тишина, покой и умиротворение, где нет жестокости, пьянства, преступлений, где все люди добры и заботливы. Из слабеющих губ, выскользнула последняя фраза: «Как жить будет сынок»...

Послесловие

Хоронили Варвару Терентьевну племянники. Пьяный и аморфный Владислав только подчеркивал трагизм ситуации. Одетая в новую одежду, исхудавшая, Варвара Терентьевна лежала в гробу тихая и умиротворённая. Плакали только внуки, осознавая безвозвратность происшедшего. Все затраты и заботы несла семья сестры Варвары Терентьевны. Похороны были немногочисленными, но достойными. Поминали умершую в кафе. Не говоря ни слова Владиславу и его жене, родственники уехали, унося с собою горечь обиды на беспутного сына.

P.S.

Уход матери из жизни ничего не изменил в жизни Владислава. За исключением того, что «обрезаны», газ, вода, электричество. Вернувшийся из армии сын не спешит идти на работу. Дом приходит в полное запустение. Развалившийся забор подчеркивает кризис ситуации. Зато пьянки продолжаются и подобно тому, как мухи слетаются к выгребной яме, сюда устремляются все местные алкаши.

А на кладбище оплывает и зарастает бурьяном ещё одна могила-память ещё одной заброшенной судьбы.

Татьяна КУН

Два сонета С. Есенину

Твои стихи – они воздушны,
Как дуновенье ветерка.
Как «златоструйная» река,
Дыханью времени послушны.

В них «холод осени из сини»,
И «синий май», и «синий лес»,
И строки, полные чудес,
И сердцу милая, Россия.

В них «только синь рябит глаза»,
И зреет в сердце бирюза,
В них синий нежный василёк

Растёт, цветёт на вольной воле
Прекрасный полевой цветок
Украсив «голубое поле».

* * *

Украсив «голубое поле»
Берёзы белые стоят
Стыдливо в пруд они глядят
Дивясь своей счастливой доле.

Погладил тонкий стан берёзы
На твой вопрос : «Что так грустна?»
Тебе ответила она:
«Вот потому и лью я слёзы,

Что ночью звёздной при луне
Пастух в любви признался мне»
Не сказка это – это быль

«Упала в воду с неба синь»,
И тихо шепчется ковыль,
И горько пахнет так полынь...

1999 г.

* * *

Под сребростру́йным «Водолеем»
И с восходящею Луной
Рождён, чтобы в стихах лелеять
Красу Земли и мир земной.

Луна твоим стихам дарила
Особо светлую печаль
Как будто тихо говорила:
«В прошедшем ничего не жаль.»

В твоих стихах ветров дыханье,
Стремленье к звёздным небесам,
Осенних листьев полыханье,
Любовь к волнистым волосам.

Московский озорной гуляка
Повесою частенько был,
И знала каждая собака
Походку ту, что ты любил...
Стихов серебряный ручей
Дарил энергию ключей...

2002 г.

Грусть

Ночь тиха и светла, и горят в вышине
Звезды дальних миров, улыбаются мне.

С грустью молча гляжу я в небесную высь.
Где ты, песня моя? Улыбнись, отзовись!

Помню каждый наш день,
помню каждый наш час.
Помню каждый твой жест
и слезинки у глаз...
Воздух влажен и чист, и грущу в тишине.
Только звезды горят – улыбаются мне.

Рассвет

Что может быть прекрасней на Земле,
Когда луч солнца будит всю природу,
Искрится в лучезарной синеве
И радует в любую непогоду?!

Когда окрасив первые вершины,
Всё выше солнце над землёй встаёт,
Лучами достаёт низины ,
И крошечной букашке жизнь даёт?

Когда росы в траве лучом коснётся
И засверкает тысячами солнц,
И, кажется, всем будто улыбнётся,
И засияет сотнями оконц?

Когда, наполненный росою ночи,
Раскроет солнцу лепестки тюльпан,
Воскликну тихо, будто, между прочим, –
«Храни меня, мой верный талисман!»

Берегите Землю!

Как сладко пробужденье ото сна,
Когда приходит снова к нам весна !

И снова жизнь заботами полна.
Бесценная возможность всем дана;

Познать наш мир, любовь и чудеса
И тонкие природы голоса .

Вдохнув пьянящий аромат весны ,
Почувствовать , что сил ещё полны ,
Собрать букет из полевых цветов,
Пришедших словно из волшебных снов.

Мне хочется в ковёр из трав упасть
И надышаться ароматом всласть.

Душисто пахнет свежестью трава
И тихо шелестит опять листва.

От запахов кружится голова
Чудесная планета! Ты жива !

* * *

После ратных трудов в станице
Снова праздник течёт рекой,
И не хуже, чем в нашей столице
Я отмечу своей строкой.

Диво–чудо мой взор ласкало –
Необычным был фейерверк:
Огоньки бесподобно сверкали
И струились фонтаном вверх.

Оглушительный звук хлопушек
И восторженный крик толпы,
Словно тысячи маленьких пушек
Извергали огня снопы.

Золотистые «хризантемы»
Распускались в ночной тиши
И казались мне звёздной системой,
Зарождающейся в глуши.

У народа любовь снискали,
Наполняя восторгом стон,
Чудо – диво огни сверкали,
Освещая наш стадион!

Татьяна КУН

ЧАПКА

Когда я принесла домой щенка, то он был таким крошечным, что умещался на ладошке. Назвали мы его Чапиком. Он был похож на лохматую, пушистую варежку, абсолютно беспомощный, и, поначалу мы носили его в кармане или «за пазухой». Самостоятельно Чапка кушать ещё не умел, пришлось кормить его из бутылочки детского питания, а чаще с рук, с ладошки, на которую намазывала сметану, и он просто слизывал ее с руки. Через неделю он научился кушать из блюдца. Рос веселый и любознательный, как все болонки. Грыз тапочки, утаскивая их куданибудь под кровать, чтобы мы его не видели. Если на диване оставался коробок со спичками, то спички из коробка вскоре рассыпались веером по паласу, от коробки оставались только мелкие щепки, а Чапка, довольный, носился по комнате.

Заслышав скрип дверного замка, тут же летел встречать каждого члена нашей семьи. Становился на задние лапки и с неописуемым восторгом танцевал от радости.

Однажды, придя в обеденный перерыв домой, увидела разбитую 3-литровую стеклянную банку. На мой удивленный вопрос, что случилось, услышала необыкновенную историю. В то время у нас были котята, которые дружили с Чапкой. Они родились почти одновременно, вместе росли, вместе кушали из одной тарелочки. Пустая 3-литровая банка стояла под кухонным столом, я не унесла ее в подвал, а котята играли под столом, пока не опрокинули эту банку. Один котенок забрался внутрь, да и заснул там сладко, свернувшись клубочком.

Старший сын, Анатолий, находившийся в то время дома в краткосрочном отпуске, он тогда служил в Морфлоте в Севастополе, увидев спящего котенка, захотел его выманить из банки, но сначала, чтобы разбудить его, опустил туда кусочки сыра. Котенок проснулся, сыр есть не стал, но из банки вылез.

Чапка же, уловив сырный дух и обнаружив, откуда он исходит, засунул свою голову в банку, съев столь желанное лакомство, вдруг понял, что голову из банки никак не может высунуть... Он и так, он и сяк, а голова никак, уши не пускают!

Так с этой банкой на голове, словно в шлеме космонавта, он и появился в общей комнате, где в то время были и муж, и сыновья. Сначала все хохотали до упаду, такое комическое зрелище предстало их взору, но потом, после нескольких неудачных попыток взрослых снять стеклянную банку с головы Чапки, им стало не до смеху. Стали думать, да гадать, как помочь щенку. Наконец муж обернул Чапке голову полотенцем внутри банки, разбил банку молотком. Чапка был спасен, обошлось без единой царапины.

В день, когда выпал первый снег, Чапику уже исполнилось восемь месяцев. Он заметно подрос к тому времени. Его светлая бежевая шерстка, почти белая, была такой длинной, а лапки такими короткими, что казалось, будто Чапик не бежит, а катится по земле. Черные глазки – бусины смотрели на мир с любопытством, а чёрный нос-пуговка был таким чувствительным, что старался поймать все окружающие запахи.

Утром, как обычно, мы вышли на прогулку во двор. Осенние лужи за одну ночь покрылись льдом и ослепительно сверкали под лучами утреннего солнца. Снег, выпавший ночью, укрыл землю пушистым почти десятисантиметровым слоем, а у гаражей образовался небольшой сугроб, нанесенный ветром.

Вначале Чапик, встав лапками на лёд лужицы, поскользнулся, и, растянувшись на льду как коврик, был сильно удивлён. Встав на лапки и снова растянувшись, удивился ещё больше. Не вставая, он лизнул лёд своим шершавым розовым язычком, потом медленно встал и потрогал его лапкой. Ощущение было новым и необычным. Увидев сугроб, Чапик совсем пришёл в недоумение. Что это за диво такое белое, пушистое? С разбегу он уткнулся своим черным носиком в самую середину сугроба и «утонул» в нём, почти с ним слившись. «Познакомился». Видимо ощущение у него от этого знакомства, оказалось приятным, так как, выбравшись из сугроба и отряхнув свою «шубку» от снега, он разбежался и снова «нырнул» в сугроб. Так повторялось несколько раз. И каждый раз, вылезая из сугроба и отряхивая свою светлую «шубку» Чапик восторженно лаял.

Зимой темнеет рано. Ночью в снегу его совсем не было видно, и я, делая вид, что потеряла щенка, громко звала его: «Чапка, Чапка!!!». Он, затаившись, немножко выжидал, и затем, когда я подходила к сугробу поближе, буквально выкатывался мне под ноги со звонким лаем. Так мы играли в прятки. За вечер он мог без устали больше десяти раз нырять в сугроб и столько же раз отряхиваться, и каждый раз вокруг разносился восторженный звонкий собачий лай.

Снег растаял, зима на Кубани капризная, надо было видеть мордашку Чапки, когда мы выходили с ним на очередную прогулку – она явно выражала тихую грусть по ушедшему снегу.

В 2012году Краснодарская краевая писательская организация отметила своё 65-летие. К этому юбилею был объявлен литературный конкурс, участниками которого могли стать все пишущие творческие люди Краснодарского края. В каждом из двух разделов «Проза» и «Поэзия» было несколько номинаций: «Тех лет свидетельства живые», «Дорогие мои старики», «Беспокойное сердце», «Наше счастье, наша боль – дети», «Путешествия и фантастика», «Самое пронзительное стихотворение», «Поэтическая находка». В этом конкурсе принял участие и Степан Павлович Деревянко, писатель и журналист, живущий в ст. Стародеревянковской. Он награждён дипломом за цикл рассказов в номинации «Житейские истории».

Степан ДЕРЕВЯНКО

СТАНИЧНЫЕ НОВЕЛЛЫ

ВОТ И ОСЕНЬ ПРИШЛА

Вот и осень пришла – желтоглазая подружка. Моя шестьдесят вторая осень, и я ещё живой. Врачей это удивляет, с моим диагнозом меня даже на больничную койку не хотят класть – чтоб не занимал без толку, а я живу и говорю себе: «Буду жить!». А когда неизбежные мысли всё же хватают за горло, гоню их по-другому: «Отвяжись дурная мысль, привяжись хорошая». И они, как разорванные цепи, отлетают. Слова великую силу имеют.

Доживу ли я до своей шестьдесят третьей осени – знает Господь, да, может, ещё желтоглазая осень. Ей, волшебнице и чаровнице, доверяю владеть сей тайной, и никому не сказывать, в том числе и мне. Пусть каждый день мой будет как падающий в последнем своём великолепии лист.

А осень и вправду пришла. Утром. Как объявившая о приезде, но не сказавшая, когда приедет, родственница. Открыл дверь дома спозаранку, сунул босые ноги в шлёпки – ой-ёй, холодны! После жаркого лета первый раз холодны. А глянул под берёзу, где живёт в фанерной будке наш пёсик Пыжик – весь круг от кроны притрушен листом, а на любимом месте Пыжика, в ямке у ограды, образовался рыжий холмик, в котором я не сразу разглядел рыжую мордочку Пыжа.

– Что, друг, пыжий-рыжий-конопатый, с листопадом тебя! – сказал я, но пёсик лишь зевнул в ответ и не пошевелился. Пригрелся в берёзовой постели.

А небо голубое, чистое-чистое от прохлады. Частички пыли, витающие в жару, упали на землю, и при абсолютном зрении, пожалуй, можно увидеть засыпающую утреннюю звезду.

Жаль, нет у меня такого зрения. Но это не главное. Главное, осень пришла, любимая пора и сердцу отрада. Будем жить! Будем жить, моя родная станица!

ЧИХ

Михалыч очень громко чихает. Он громкоголосый, обычный его разговор незнакомые воспринимают как крик, потому его «чих» звучит как выстрел. Домашние привыкли и не замечают «стрельбы», а вот чужие...

Днём перед двором Михалыча на водопроводе экскаватор вырыл яму, слесари собрались менять трубу, но не успели и оставили работу на будущий день. Окрутили яму полосатой лентой, чтобы водители замечали, и уехали. Вечером пробегавшая туча обронила на станицу знобкий октябрьский дождь, и быстро стемнело. Михалыч ещё возился во дворе, а по улице в эту пору петлял в сторону дома пьяненький мужичок Ильюха с соседнего квартала. И Михалыч чихнул. Потом пошёл в дом.

Среди ночи его разбудила собачья гавкотня и женские вопли. Он оделся, вышел на улицу. За-

светил фонарик. На краю ямы стояла на коленях Ильюхина жена Люба и пыталась за руку вытащить мужа. Сил не хватало, а у Ильюхи хмель ещё остался и вылезти даже с помощью жены из мокрой ямы у него не получалось. Ильюха стонал и матерился. Михалыч тоже стал на колени, и вдвоём с Любой они вытащили Ильюху.

– Ты как сюда завалился? – спросил Михалыч.

– В мэнэ хтось стрэльнув и я впав, – ответил Ильюха, кривясь от боли.

– Та хто там в тэбэ, алкаша, стрыляв, кому ты нужен. Зараз прыйдым до дому, я тоби качалкой настрыляю, – пообещала Люба, вопли и причитания её закончились.

Но на ногу Ильюха стать не мог, нога как-то торчала в сторону. Михалыч помог Любе довести мужа домой, измазался об того в грязюку и заснуть до утра уже не смог. Ильюху же под утро увезла скорая с переломом ноги. В больнице он опять сказал, что в него «хтось стрэльнув».

Перед обедом к дому Михалыча, к злополучной яме подъехал полицейский УАЗ с женщиной дознавателем. Водопроводчики только заменили трубу и ждали экскаватор, чтобы загорнуть яму. Дознаватель их опросила и запретила без её разрешения загортать. Потом занялась Михалычем: «Слышал ли он выстрел? Кто мог стрелять в Ильюху?». Михалыч толком не мог понять сути происходящего и потому вразумительного на вопросы капитанши ничего ответить не мог, а потом у него в носу от этой глупой беседы засвербело, и он чихнул. Капитанша аж пригнулась от неожиданности и вытаращила на Михалыча глаза в догадке:

– Вы что, так всегда чихаете?

– Як получаеця, так и чихаю, – пожал плечами Михалыч.

– А вчера чихали, как стемнело?

– Да чи я помню...

– Всё понятно, Николай Михалыч, – сделала вывод дознаватель, улыбнулась и, прижав к груди папку с бумагами, пошла к машине. «Фигурная, госпожа полиция. С такой «гитарой» мужиков завлекать, а не разбираться с пьяными делами», – подумал Михалыч, глядя ей вслед.

– Можете загортать! – крикнула капитанша водопроводчикам. А Михалычу еще раз улыбнулась и погрозила пальчиком уже из машины:

– Не чихайте больше так!

В больнице ильюхину ногу загипсовали, подержали пару дней и отправили с костылями домой. А в бумаге «госпожи полиции» появилась запись: «По факту чиха проживающего напротив ямы пенсионера Гарагули Николая Михайловича в возбуждении уголовного дела о выстреле в жителя станицы Галушко Илью Антоновича отказать ввиду отсутствия состава преступления».

Ильюху же после этого в станице зовут Стрельнутый и по вечерам, после работы в колхозной мастерской (её так и называют при нынешнем капитализме) он, как и раньше, выписывает пьяные кренделя по улице, иногда с песнями. Но возле дома Михалыча сам себе командует: «Тыхо, бо стрэльнуть!», замолкает и пробирается неслышно, как кот, по другой стороне улицы.

ГОСТЕВОЙ ТОПОР

У Михалыча в его домашнем хозяйстве шесть топоров и столько же молотков, правда, с кувалдами. Несколько ножовок, пил, с десяток самых разных напильников, коробка свёрел, три дрели на разные обороты и нагрузку, и масса всякого инструмента, необходимого станичному жителю, если он в своей жизни построил дом, обустроил двор, словом, если он настоящий хозяин. Михалыч именно такой. И это знают соседи. И если что-то кому надо – всегда к Михалычу. Михалыч даёт, но, как он говорит, разово. Ибо своё надо иметь. А то повадился к нему как-то молодой оболтус ходить за топором. Вроде и парень неплохой, из работающих, отслужённый уже, семейный. Первый раз пришёл:

– Михалыч, дайте топор, у Вас их, знаю, много.

– Не много, а несколько, и они не одинаковые, для разных работ предназначены. Тебе для чего: дрова рубить, колоть, тесать, пазы выбирать?

– Та, в курятнике насест подогнать.

Михалыч дал топор под сашкину комплекцию – замашной, по руке, острый, заметив при этом: «Вообще-то, топор в хозяйстве надо иметь».

– Такой, как у Вас, Михалыч, топор – советский, из хорошей стали теперь не купишь. В магазинах одно китайское гамно.

– Захочешь – найдёшь. Деды на рынок частенько выносят из старых запасов, – ответил Михалыч.

Взял сосед топор и не приносит. Неделя прошла, вторая заканчивается. И на глаза Михалычу не попадается. Наконец, увидел он Сашку на огороде и спрашивает:

– Сашок, никак мой топор поменял местожительство?

– Та..., – сосед замялся, но быстро нашёлся, – Так Вы ж не спрашиваете, и я подумал, что он Вам не нужен. У Вас топоров вон сколько!

«Вот засранец», – подумал Михалыч, но не стал устраивать разборку, лишь коротко сказал:

– Принеси.

– Щас.

Сашка принёс топор. Лезвие было в зазубринах. Михалыч, увидев таким свой инструмент, поморщился, но смолчал. Топор он подправил: лезвие навёл, какое положено.

Вскоре сосед опять попросил топор. Михалыч, ни слова не говоря, вынес из сарайчика ржавый, с забитым лезвием и покоцаным топорищем инструмент (покойная тётка на нем проволоку рубила), и подал соседу.

– Это разве топор? – удивился тот.

– Называется «гостевой». Ходит по гостям к нерадивым соседям.

– А как же им работать?

– Никак. Просто, Сашок, нужно иметь свой. А если своего нет, надо уметь возвращать инструмент в целости и с благодарностью. Так что, берёшь «гостевой»?

– Нет. Лучше я на базаре поищу.

– Давно пора, – ответил Михалыч.

Степан ДЕРЕВЯНКО

ФОСФОГЛИВ

Посвящается доктору Елене Ивановне Колодько.

Весна, апрель, теплынь. В окна нашей гепатитной палаты заглядывают недавно народившиеся листочки лип. Хочется жить. И сегодня нам объявят результаты обследований и заключение врачей: кто из нас троих останется по-прежнему с диагнозом «ХВГ» – хронический вирусный гепатит «С», а кто перекочевал в следующую стадию цирроза печени с тем же самым гепатитом. Хотя, по большому счёту, разница между диагнозами относительна. Другое дело – не было б вируса, этого тихого убийцы...

Нас, ждущих «приговора», в палате трое: кабардинец бизнесмен Эльбрус, портовый моряк Игорь и я, культработник. Всем нам за пятьдесят. Есть в палате ещё два молодых «торчка», они сидят в своём углу за ноутбуком или курят анашу на балконе. Им на всё на свете плевать, в том числе на собственную жизнь, было б чем закумариться. Родители у обоих состоятельные, и пока отпрыски в больнице, отдыхают. Хотя какой у чёрта отдых, когда в сердце заноза. Но вот обход и наша «Мать Тереза» явилась с кипой историй болезни.

– Так, мужички, – говорит она нам троим, – Не могу вас обрадовать. Рада бы, да не могу. Всё подтверждается, мужайтесь.

Страшного для нас слова она не произносит, и за это ей спасибо. Но на наших лицах она успевает прочесть такое, что заставляет её продолжить:

– Не киснуть, мужчины! И с вашим диагнозом живут люди и живут долго. Главное – не киснуть! Вести правильный образ жизни, забыть про алкоголь и курево – находить и без них радости, и таким образом помогать печени восстанавливаться. Необходимые препараты для дальнейшего лечения я при выписке распишу. И будете жить! Договорились?

– Вашими молитвами, матушка, будем, пока архангелы не протрубят отбой, – говорю за всех я.

– А вот вашему язычку, Семён Михалыч, я бы, если б была хирургом, сделала чик-чик. Какой пример вы молодым подаёте, тоску нагоняете? – она кивает на торчков.

– Им пример не нужен, им анаша нужна, а меня «чик-чик» без работы оставит, я ж болтун по профессии, – говорю я.

– Ах, Семён Михалыч, Семён Михалыч, – грозит мне пальцем «Мать Тереза» и «наезжает» на молодняк, – Что, опять курили на балконе? Мне медсёстры докладывали. Выпишу, ей-богу выпишу, не пожалею ваших несчастных родителей.

И пожалеет, и не выпишет, и будет лечить. Сердце у «Матери Терезы» доброе, а строгость кажущаяся. К нам, своим пациентам, она как к своим детям. Многие из нас и живы только потому, что прошли через её руки. Во всём нашем регионе, равном Франции, нет более знающего по гепатитам доктора, чем наша Татьяна Сергеевна, которую из-за преданности делу и человеколюбия пациенты зовут именем подвижницы милосердия. У Татьяны Сергеевны семьи нет – не сложилось, и её семья мы, горемычные, да студенты инфекционисты, которые шугаются нас, как рогатый ладана. Вряд ли кого из них больные назовут потом «Матерью Терезой».

Доктор наша, сделав внушение и попальпировав животы босякам, уходит в следующую палату. Следом, двумя тенями, проскальзывают за её спиной на балкон торчки, а мы втроём остаемся в раздумье. Эльбрус отвернулся к стене и отвечает на звонок кого-то из родни. По интонации понятно – успокаивает. Игорь заложил ладони под голову, вперил взгляд в потолок и молчит. Я же смотрю в окно. Там весна, там жизнь, а пока человек жив, он о жизни думать должен. Маленькие, ещё со слабой зеленью листочки лепечут что-то, будто говорят со мной, а я им, весне, голубому небу и себе самому твержу: «Буду жить! Хрен этой болезни – буду жить!». Последние слова самовнушения, видимо, произношу вслух, отчего Игорь спрашивает:

– Ты что-то сказал?

– Наверное, думаю...

– Вот и я думаю, и знаешь о чём?

– Ну?

– Хочу купить у тебя щенка. Ты говорил, что у тебя есть таксята, а мне такой друг теперь очень будет нужен. Я хожу по выходным в лес, мне с ним будет веселее. Это и будет та радость, про которую говорит «Мать Тереза». Сколько ты хочешь за кобелька?

– Не думал ещё. Выберемся отсюда, как раз им будет два месяца, приедешь. С товарища по несчастью шкуру драть не буду.

– Договорились.

После обеда идём гулять в город. Процедур в это время нет, и надо, чтобы горечь от новости этого дня растворилась, развеялась,

не дала осадок на сердце. Я давно, еще в юности читал, что человек сам восстанавливает свою энергию, как солнце. Много раз приходилось убеждаться, что это так. Потому отправился слушать в парк вольных музыкантов. Вернулся в больницу вечером. После саксофона и аккордеона на душе полегчало. Ещё бы заснуть в эту ночь.

Но заснуть не получалось. Эльбрус вертелся на кровати и вздыхал, Игорь отвернулся в сторону торчков и притих, но время от времени шептал что-то непонятное. Я отгонял тяжелые мысли молитвой. Потом, когда Игорь повернулся ко мне и опять зашептал, я спросил:

– Не спишь?

– Не сплю. Думаю, как назвать щенка. Перебрал уже столько кличек и ни одна не нравится.

Я тоже включился в поиск, Эльбрус следом, и время от времени мы выдавали Игорю кличку его будущего друга. Но тому всё было не так. Потом мы с Эльбрусом замолчали – иссякли фантазии, замолчал и Игорь. Я уже стал придрёмывать, когда он вдруг вскрикнул:

– Нашёл, нашёл!

– А ну ж.

– Фосфоглив! – с восторгом произнёс он. (Это название препарата, которым лечат наш гепатит).

– Х-м, в этом что-то есть, – сказал я. – Но длинно. Такса – собака небольшая, и маленького лучше звать короче, Фосик, например.

– Точно, Михалыч, Фосик, – обрадовался находке Игорь. – Фосик, Фоська – звучит!

И через минут десять он уже подхрапывал, а я ещё долго слушал шум улицы и уснул, когда поздней ночью город стал затихать.

На следующий день на обходе Игорь обратился к «Матери Терезе»:

– Татьяна Сергеевна, мы нашли новое употребление вашему препарату.

– Это ж какому? – не поняла доктор.

– Фосфогливу.

– Да? И как же ещё его можно употребить, кроме как в вену или перорально?

– Назвали так собаку. После больницы я беру щенка у Михалыча. Пока маленький, будет Фосик, вырастет – Фосфоглив, – сказал Игорь.

– Да? – улыбнулась «Мать Тереза».

И мы впервые за две недели увидели улыбку этой немолодой, худенькой, уставшей от тяжёлой работы женщины. Татьяна Сергеевна улыбнулась краешками губ, а в глазах у неё, как у девчонки, вспыхнули смешливые искорки.

– Да, – повторила она, – Знали б про ваши фантазии разработчики препарата. Но я рада – болезни вы не сдаётесь.

Через неделю после выписки ко мне приехал Игорь с сыном, выбрали щенка и Фосик уехал к морю.

А летом следующего года мне довелось быть в Новороссийске, и я решил проведать Игоря. Дом его нашёл на окраинной улице, через дорогу на взгорке начинался лес. Посидели, попили чаю, поговорили о здоровье, и Игорь спросил:

– Хочешь увидеть, что делает Фосфоглив?

– Конечно! – обрадовался я и переспросил, – А что тут может врождённый охотник делать?

– Коз пасёт!

– Шутишь? – не поверил я.

Но на горочке, на белых камнях восседал чёрно-пегий «таксист», а под горочкой паслись четыре козы. И только одна норовила отойти в сторону, как раздавалось рычанье, а если это не помогало, коротколапый пастух нёсся к нарушительнице и кусал за ногу. Порядок восстанавливался. Стадо не разбредалось.

– Сколько держу и знаю такс, такого таланта не замечал, – искренне удивился я. – Научил?

– Само собой получилось. Выгонял он стадо, загонял, пас со мной, а потом сам стал пасти. Тут соседи удивляются, где такого пастуха взял?

– Сам удивлён, – произнёс я, – А «Мать Тереза» сказала бы: «Знали б про это разработчики препарата, дописали б в инструкцию ещё один пункт: пасёт коз».

И мы рассмеялись. А Фосфоглив уже вертелся у наших ног и норовил стать солдатиком, чтобы погладили. И глазки его – чёрные бусины – озорные, шкодные, казалось, говорили: «Не киснуть, мужики, жить прекрасно!».

Зоя СИЗОВА

ОЗОРНАЯ ОСЕНЬ

Щелкнул лопнувший орех,
Как замок шкатулки.
И раздался громкий смех
В шумном переулке.

Из-под носа голубей –
Настоящий праздник –
Тащит крошки воробей
Озорник-проказник.

Изумруды пролились
В росяные травы,
Синевой взметнуло ввысь
Небо над отавой.

Златокудро, озорно
Подмигнула осень,
Заглянув в мое окно
С занавеской в просинь.

АКАЦИЯ

Желто-рыжая акация
Загрустила у крыльца,
Словно девочка без платьица
И с прической сорванца.

Шевелюру ей лохматую
Причесал бы ветер-брат,
Но не справился с задачею –
Разметал лишь весь наряд.

* * *

В предрассветной дымке,
Вновь увидев свет,
В небе паутинки
Прочертили след.

Танец кружат листья
В сонной тишине.
Бабье лето нежно
Что-то шепчет мне.

* * *

Вечер сумраком сиреневым
Занавесил палисад.
Только астры белоснежные,
Словно звездочки горят.

И качает ветер бережно
Их кудрявые цветы.
Я смотрю на них с надеждою
Неутраченной мечты.
Полевая ромашка.

В саду полевая ромашка
Средь роз и петуний цветет.
И белое платье-рубашка
Маячит, трепещет, зовет.

Культурные сестры и братья
Давно уж засохли в пыли.
Ее белоснежное платье
Трепещет под ветром шальным.

Под солнцем палящим и зноем
Белеют созвездья-цветы.
Ее ароматом напоен
Весь сад. Но откуда же ты?..

* * *

Осенние цветы в саду пылают ярко,
На клумбах розы буйно расцвели.
Сентябрьский день по-летнему был
жарким:
Купались в лужах смело воробьи.

Рубинами сиял соседский куст калины,
Кружился томно первый желтый лист,
И дуб стоял на страже исполином,
И стая голубей взметнулась ввысь.

ПРЕДРАССВЕТНАЯ ПОРА

Резедой пахнуло, мятой
Из соседнего двора;
Небо стало розоватым –
Предрассветная пора...

Над землёй – тумана дымка,
В небе – месяц молодой.
Утро бисером тропинку
Разукрасило – росой.

Лёгкой дымкою тумана
Занавесилась река,
А по небу-океану
Проплывают облака.

Песню вывела зарянка,
Зачирикал воробей,
В небо взмыла спозаранку
Стая сизых голубей...

Зоя СИЗОВА

ПОЛЮСЯ

Из воспоминаний Василия Стефановича Святного о моей бабушке Пелагее Антоновне Мищан

Её ласково все называли Полюсей. Она умела всё делать: шить мужскую и женскую одежду, сшить новые сапоги или туфли, пошить картуз или шапку, отремонтировать часы, отремонтировать жатку или лобогрейку. Умела выполнить столярные, плотницкие, кузнечные и токарные дела. Всего не перечислить. А еще – своими руками, почти без посторонней помощи, построила себе хату и укрыла ее камышом вдвоем с девятилетним сыном (моим отцом).

1934 год. Наступили школьные летние каникулы. В первый день каникул я пошел по всем организациям искать работу на каких-нибудь механизмах. Ходил почти целый день. Вот пришел на Каневской пенькозавод. На пустыре стоял один большой сарай. Вокруг него были скирды конопли. Я зашел в машинное отделение, размещенное в этом сарае.

Там сопела на всех парах десятисильная паровая машина. Машинистом на этой машине работала моя соседка – Полина Антоновна.

Красивая, умные глаза, добродушное лицо, ровные белые зубы, осанистая: стройная, с крепкими мышцами, уверенная в своих физических и профессиональных силах. Всё, как надо, ничего лишнего, но очень крупная женщина.

Возле машины находились помощник машиниста – подросток Коля, сухощавый смазчик и четвертый – кочегар.

Я спросил:

– Полюся! Возьми меня к себе на работу на летние каникулы: я паровик запускать умею.

– Знаю, Вася. Тебя всему научил брат Гриша. Пока мест нет. Два месяца помощником будет работать Коля.

На земляном полу лежали двухпудовые гири. Я еле оторвал одну от земли. Пришел очень худощавый смазчик: он одну двухпудовую гирю выжал одной рукой выше своей головы один раз.

Пришла Полюся, в каждую руку взяла по гире и выжала три раза.

Я по-хорошему позавидовал такому экипажу.

Уже на второй день каникул я сел на колесный трактор СТЗ Каневской МТС колхоза им. Калинина. Землепользование находилось возле Приволянской межи.

Через некоторое время из-за неисправности радиатора меня ошпарило кипятком. Я от приволянской межи пешком по солнцепеку добрел до ж/д. переезда, там потерял сознание.

В Каневскую больницу дотащила меня женщина Клава.

В больнице была исключительная тишина: ходили бесшумно, разговаривали спокойно.

Дней через десять больничную тишину нарушила сильная суматоха, голоса дежурных по больнице:

– Скорее сюда!..

–Быстрее кислород!..

– Камфору, кофеин, адреналин!

– Скорее! Зовите доктора Адыгера!

Возле двери приемного покоя лежал на носилках в бессознательном состоянии сухопарый и длинный мужчина. Он был похож на сломленное ветром огородное чучело, чем на человека: грязный, весь в мазуте и жирной саже.

– Что случилось? – спросил доктор у конюха.

–Да... вот... Полюся... Полина Антоновна, наш машинист, своего смазчика ладонью по морде смазала!..

Позади конюха стояла толпа разъяренных родственников и знакомых пострадавшего. Слышались выкрики:

– Наказать ее!

– Судить надо!

– Посадить ее в тюрьму!..

...Начался новый учебный год. По своим делам я заходил к нотариусу. Напротив двери нотариуса была приоткрыта дверь зала заседаний суда. Я смотрю – у стола сидят соседка Полюся и её смазчик. В зале суда сидели его родные и друзья. Они возбужденно шумели.

Из любопытства, и переживая за Полюсю, я зашел в зал заседаний и сел.

– Встать! Суд идёт! Садитесь.

– Потерпевший гражданин Шипитько Иван Петрович, расскажите суду правду и только правду. Суду лгать нельзя.

– Я кажу,– говорит потерпевший,– мы рэмонтирувалы паровык: дрючком повэрталы, ломом пидпыралы, клын забывалы, бычовою пиднималы... и я нычаяно зачипывся за цыцьку Полины Антоновны. А тут, в цэй мыг, чую, мэнэ по морди тикы крэсь!.. У мэнэ з очей посыпалысь искры. Машиннэ отделение закрутылось в одну сторону, паровык вмисти с зэмлею – в другу... и я в якусь яму полытив... скикы я там був – нэ знаю.

Но колы я начав вылитать из цей ямы, открыв очи. Бачу – стэля била, стины – били, я – Билый, и всэ – билэ.

Я тут пытаю:

– Дэ цэ я?

Мини кажуть:

– Ты – в больныци.

– Спасибо, садитесь, – сказал судья.

– Ответчица Полина Антоновна, – спрашивает судья, – расскажите суду, что же это такое произошло, что человек чуть не умер?

– Мы рэмонтирувалы машину.... И вин своею рукою погладыв прямо по пупыри моей груди! Вин позволыв – ныдозволынэ, – в свое оправдание говорила Полюся. – Та ище при выполнении своих служебных обязанностей! Як цэ такэ? Прямо на роботи прыдумав таки игрушкы. Вот я йому и мацнула трошкы по морди, та ны рощитала, шо вин такый дуже вутлый. Скориш память тирять, та в больныцю попадать! А ище мужиком называицця!

Вин зразу поняв, шо вин наробыв, но прилиплинэ уже ны одлипыш.

До больныци був худый, а после больныци добавывся в тили. Його нада почаще отправлять у больныцю, вона йому на пользу идэ. Його дома нэ гудують, того вин и худый , як швыгалка; и вутлый, як индюшка.

Його жинка каждый дэнь довго спыть: ны коровы, ны курчаты, ны поросяты нэма. На городи – бурьяны! От и сыла у його така, – продолжала оправдываться Полюся.

– Полина Антоновна! – Вам еще когда-нибудь приходилось защищать свою женскую честь таким образом? – спросил судья.

– Да, приходилось. Я работала машинистом на железной дороге. Вела пассажирский состав Тимашовка – Батайск с большой скоростью (тогда было 35-40 км./ч.). А мий кочегар на такой скорости заходывся мэнэ цылувать. Я його трошкы локтем в бик товкнула, а вин попав в тэнт в викно. Тэнт порвався, а вин – мэльк, и выпав из кабины паровоза... Я подумала: – Шо робыть? Мэнэ в Батайски спытають, а дэж кочегар? Шо я йим скажу?

Я – по тормозам. Прыбиг главный кондуктор:

– Шо случилось?

– Кочегар выпав!

В стэпу йшов сниг, кругом всэ билэ. Ничь. Мужикив – пассажирив высадылы шукать. Я реверс паровоза крутыла часа полтора: то назад, то впэрэд.

Одын пассажир побачив, шось чорние метрах в десяти от полотна. Мац – чобит, а за чоботом вытяг из снигу и кочегара.

Я його затягла в кабину, посадыла в угол, а машини дала побильше пару. Всю дорогу сама кочегарыла и сама выла паровоз.

В Батайске пытаю кочегара:

– Чаго ты так далёко лытив от полотна?

А вин каже:

– Я на литу успив посыльние оттовкнуцця от паровоза, щоб пид колёса ны попасты. А колы упав, то дуже забывся об зэмлю.

– А сейчас почему не работаете на железной дороге? – поинтересовался судья.

– У меня дошкольник сын Алёша, а там – командировкы.

– Кочегар на суд дело оформлял? – спросил судья.

– Нет, вин без всякого шуму, тишкы пырынис.

Приговором суда были довольны и Полюся, и смазчик, и я.

Родственники смазчика потихоньку шушукались о том, что ее нужно пересудить и посадить. Но никто не говорил о том, чтобы побить Полюсю. Ведь она с работы ходила поздно и далеко (8 км. в одну сторону; и так 25 лет подряд).

...Опять летние каникулы, и я пошел искать работу. Зашел к Полюсе.

На работе у неё произошли большие перемены. Смазчик бросил курить, стал приводить себя в порядок, помолодел и повеселел.

В прошлом году каждому приходилось пальцем показывать работу, и носом в неё тыкать. Теперь все понимали друг друга с полуслова. Только Полюся повернет голову к кому-нибудь – каждый знает, что ему делать, и старались быстренько выполнить то, что от них требуется.

Сила и красота Полюси, упорство в достижении цели, смекалка и простота очаровывали меня.

Я с доброй завистью вздыхал и думал:

– Когда я подрасту, то обязательно буду машинистом, как Полюся.

А сейчас мне доверяют только старые трактора.

Была глубокая с дождями кубанская осень. Полюся задержалась на работе до ночи. Домой шла по грязным и темным улицам.

И вдруг, на улице Албашинской, встретила троих плечистых мужиков. У каждого в руке палка. Стали угрожать, замахиваться:

– Ты чого тут ходыш по наший вулыци?

А ходила Полюся – в брюках, фуфайке, мужском картузе. Дралась тоже по-мужски. Успела двоим заехать кулаком по зубам, а третьего ударила коленкой в пах. Все трое полетели в грязь.

В темноте ничего нельзя было рассмотреть. Её больше никто не преследовал, и Полюся пошагала домой.

За ночь она так и не сомкнула глаз.

– Господи, – думала она, – хотя бы там никто из них не умер. Один суд обошелся благополучно, так другой...

На работу Полюся вышла пораньше на тот случай, если кто не живой, чтобы заявить в милицию, что, мол, произошло всё так вот и так.

Дошла до перекрестка:

– Вот это место...

В грязи валялись три шапки и три палки. Людей не было.

– Слава, Богу, – перекрестилась она, – жыви!

Три палки воткнула в грязь и на каждую повесила по шапке.

До обеда знаменитый наш каневской фельдшер Павел Никитович Животовский поправлял этим «героям» зубы, прикладывал свинцовые примочки к синякам.

– Хлопци! – поинтересовался Павел Никитович, – кто ж вам таких тумаков навешал?

Все стонали и мычали – ничего не разберешь. И один из них с горем пополам разъяснил:

– Мы в станыци побывалы усих хлопцив. Нас никто, ныколы ны побывав. А тэпэр в Канивський появывся якыйсь козак, мабуть, с турэцькой войны. Мы його нэ знаем. Ось и наскочилы на таку биду. Мабуть, тэпэр и дитэй од нас у наших жинок нэ будэ.

Жены ждали своих мужей. Услыхав подробности происшествия, решили разыскать того казака на всякий случай. А вдруг мужики и правда будут «ныгожи»? кто-то же должен отвечать за это!

Заботливые мамаши и жены кормили своих «горе-героев» с чайной ложечки ухой и киселем.

И сколько же было смеха, когда жены «героев» узнали о том, что их мужей проучил не казак с турэцькой войны, а Пелагея Антоновна – Полюся – машинист Каневского пенькозавода.

Но и это ещё не всё. Один подобный случай из своей жизни бабушка и мне рассказывала.

Случилось это зимой, в феврале.

Было очень холодно. Снег растаял, и снова все замерзло. Гололед – страшный! А на работу надо идти пешком. Чтобы не падать и не разбиться – делали бузлуки. Это на лошадиную подкову набивали гвоздики, приделывали ремешки, а потом такое сооружение привязывали к обуви.

Надела моя бабушка бузлуки и пошла на работу. Освещения нет, темно, скользко, метет поземка. Выходит за станицу, а ей навстречу – двое:

– Эй, ты, дай закурить!

– Не курю я, и вам не советую.

– Ах, так, тогда мы тебе сейчас дадим прикурить!

Только один замахнулся – и тут же улетел с ног. Второй хотел убежать, да тоже получил своё. Они были без бузлуков, а по гололеду не очень то разбежишься. Они барахтались, угрожали.

– Шо мало? Ище дать прыкурыть?

– Та не, с нас хватит, мы больше не будем.

Мужики прихватили друг дружку и убрались восвояси, а бабушка пошла потихоньку на работу. Уже не молодая была: сорок шесть лет.

Приходит на работу, а там все собрались и шумят.

– Шо случилось? – спрашивает она.

– Та на хлопцив на двоих пятеро напали, так прыйшлось отбываця. У одного – нос розбытый, а у другого – фингал пид глазом. Еле отбылись!

– Покажить их мини!

Люди расступились, а в середине круга – эти самые двое, что просили закурить.

– Так за шо вас побылы, хлопци? – спрашивает бабушка. А они увидели ее и сбежали.

Люди спрашивают:

– Шо случилось?

Бабушка им и рассказала, как они хотели ей «дать прикурить», а она им дала сдачи.

Целую неделю (а то и больше) над ними все смеялись:

– Ну, шо хлопци, гарно вам далы прыкурыть?

Так они потом извинялись:

– Антоновна, просты нас, мы бильше ныколы так робыть ны будым, бо нас совсим засмиялы из-за тэбэ.

Был и ещё один интересный момент в бабушкиной жизни.

За победу в соревновании, за ударный труд и в связи с юбилеем (родилась 22 марта 1901 года) бабушку наградили путевкой в дом отдыха в г.Джанхот.

Она и там успела «отличиться».

Было соревнование: кто собьет подушкой всех соперников с бревна – тот победитель.

Всех, ловко выбивая, побеждал танкист. Уже никто с ним соревноваться не хотел.

Бабушка сначала стеснялась. Но танкист много из себя воображал, и её это задело.

Вышибла она его с бревна одним ударом.

Вышел летчик, тоже много бахвалился. Вышибла и его без труда со словами:

– Сичас ты у мэнэ политаешь!

Вразвалочку, с солеными шуточками вышел моряк.

Бабушка говорит:

– Чого хвалыся раньше врэмини? Щас и ты поплаваешь!

С моряком бились долго, но и его бабушка вышибла с бревна.

Больше соревноваться не вышел никто, а бабушке присвоили первое место.

Бабушка была очень строгая. И нам кнутом по спине не раз перепадало, пока я в одиннадцать лет не выдернула кнут у нее из рук. Нас с сестрой, конечно, в угол поставили. А сама бабушка маме все пересказывала и посмеивалась:

– Е у кого вдацця...Мищанивськую породу нэ пэрэробыш...

И верила, и не верила я в эти рассказы...

Однажды, о чем-то рассказывая, вспомнила бабушку:

– Что я?! Вот у меня бабушка была...

А услышал мой рассказ Лемиш Николай Федорович, и говорит:

– Знаю, знаю. Кто уважал – Антоновной называли; кто боялся – бабой Мищанкой. А ты ей кто?..

Вот так я и выяснила, что до сих пор, кто знал мою бабушку Мищан Пелагею Антоновну, помнят и уважают ее.

Знакомьтесь

Существует расхожее мнение, что женская поэзия – это что-то светлое, чистое, но легковатое на вес. Поэтому-то настоящих поэтесс можно пересчитать по пальцам. Когда сталкиваешься с такой зрелой поэзией, как та, которую мы хотим вам представить – теплеет на душе, как от хорошей старой песни, вернувшей тебя в детство. Ольга СЕРГАНЬ как раз такой поэт. Песни на её стихи поёт Кубанский Казачий хор, а для нас наша землячка – доброе откровение. С дебютом в нашем альманахе!

В. Саяпин

Ольга СЕРГАНЬ

ПАХНЕТ МЯТОЙ ТРОИЦА

ОДНА лишь фраза, что вдруг обронит бабушка между делом: – «На той неделе Троица» настраивала нас, внуков, на волну волшебного праздника. И душа жила в счастливом ожидании каникул, тепла, спеющих вишен, смородины и шелковицы. Начиналась генеральная уборка, в доме опять, как перед Пасхой белили, крахмалили простыни, занавески, накидки на подушки.

Подходило сдобное и соленое тесто, а потом на улице в печке, что стояла возле слив и туи она пекла пироги и пирожки. Ванильный запах разливался до конца огорода, до самой балки, где рвала я укроп. Мы замирали от счастья и восторга – ведь это лето! Бабушка перевязывала по новой косынку, открывала тяжелую узорчатую заслонку и вынимала из печи пироги. Сверху на плите «докипал», а не доваривался борщ с галушкой и свежими капустой, бураком и морковью. Для кислоты добавляла она зеленую алычу, и он получался самым настоящим летним.

Троица завтра, а у нас уже праздник. Пока остывают пироги, мы начинали украшать дом – «квичать». Мята, любисток, тоненькие лозы вербы. На полах пырей и шелковый мятлик, который казался мне какой-то муравой из сказки, и обязательно большие охапки цветущей маслины. Наш дом за несколько минут превращался в волшебный сад или лес. «Поквичали!», – с таинством произносила бабушка, крестясь, и зажигая лампадку перед образами. Все это настолько сильно запало в душу, что каждый раз, когда зацветают календула и маки, я попадаю в ту далекую невозвратимую пору моего детства, где пахла мятой Троица.

НА ТРОИЦУ

Пахнет мятой Троица
В беленых сенцах.
Снова мама молится,
Свечи в поставцах.
В горницу не велено
Без неё входить.
Выплетена зеленью
Тоненькая нить.

К её душе, где светлый май,
Где время вновь не знает правил,
Где молоко и каравай
Гостям на праздник подавали,
Где руки нежные её,
Как снег по клавишам летели.
Где накрахмалено бельё
И пахнут солнышком апрели.

Засмотрелась в озерце
С побережья лет.
Выплачусь на Троицу,
В трав душистых след.
Скатертью застелены
К празднику столы,
Листьями усеяны чистые полы.

Там васильки к моим ногам
И незабудок хороводы.
В те сени я вхожу как в храм,
А память вновь приблизит годы
К её душе, где, где вечный май,
Где день и ночь в любви купалась
Любовью мамы наслаждалась,
Что шла ключами через край...
Её души...

Я ТЕБЯ НАРИСУЮ

Романс

Я Тебя нарисую на крыльях летящей голубки.
Ты мне грезишься в пламени
страсти горящей свечи.
Я тебя нарисую на льдинке, прозрачной и хрупкой,
Как ваяет художник картины из тонкой парчи.

Я Тебя нарисую на парусе, белом скользящем,
Я Тебя нарисую на солнечном рваном луче...
Дерзкой, ветреной, томной, любимой,
родной, настоящей,
С нежной прядью волос золотистых
на левом плече.

Я Тебя нарисую сквозь облако радугу льющей.
Четко высеку контуры, линии в сердце твои.
В ореоле сиянья, Богиней по волнам бегущей,
С нежной прядью волос золотистых,
на левой груди.

Я Тебя нарисую прекраснее Ангела Света..
Спящей капелькой росною, в лилии на лепестке,
И зеленой Весной, что спешит на свидание к Лету,
С нежной прядью волос золотистых
на левом виске.

РЫЖАЯ ОСЕНЬ

Рыжая осень качала в ладонях
Синего неба прозрачные дали.
Речек изгибы, где ивы в поклоне
Птиц до весны, до тепла провожали.

Где зеленела трава по низинам,
Ветры листвою сады полоскали,
Где переспевшие гроздья рябины
Вместе с моею душой догорали.

15.11.2012 г.

ДОМ РОДНОЙ

Дом родной мне чудится и снится.
Только жаль, что редко, невзначай,
По твоим ладоням и ресницам
Я скучаю, дом мой, так и знай.

Над калиткой белые сирени,
Тополя обласканы весной.
Побаюкай на своих коленях
Колыбельной песней, тихо спой...

О коне, в серебряной уздечке
Белоснежном, словно облака.
О тропинке, что срывалась к речке,
Тёплой – тёплой, как его бока.

Листопад закружит сад багряный,
Ветерок вздохнёт и, улетит.
Старший брат весёлый и упрямый
То поёт, то тихо говорит.

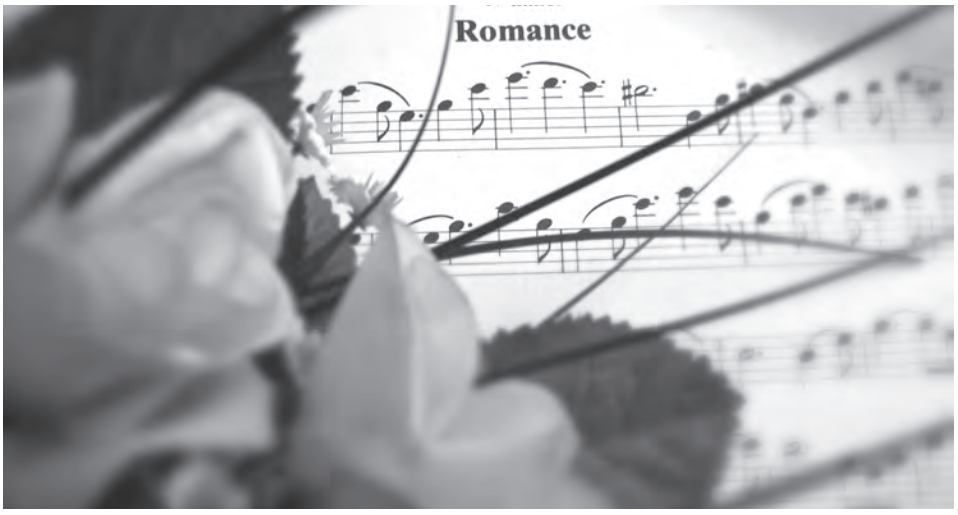
О горнушке, о резной заслонке,
Где огонь негаснущий горит.
О веснушках рыжего котёнка,
Что, свернувшись, на крылечке спит.

Дом родной – подсолнухи на ситце.
Окон свет маняще дорогой.
Поскорее дай воды напиться,
Самой сладкой, летней, дождевой.

Отчего перехватило горло,
Словно в детстве слёз не удержать?
Мама рядом их рукой утёрла.
«Улыбнись, бежим грозу встречать!»

Дом родной всегда мне будет сниться
Я к тебе приеду – так и знай.
На моей подушке две ресницы –
Это встреча. Ты меня встречай.

2009 г.



Джон АКОПОВ

ИЗВЕЧНОЕ

От холодных ветров стынут листья опавшие,
Растеряла природа свой пышный наряд.
Всё богатство цветов воедино собравшие,
Над землей хороводом снежинки кружат.

Опускается снег как Покров Божьей матери.
Кем-то сверху незримо свивается в нить.
По полям и лесам стелет белые скатерти,
Чтоб природу, живой, до весны сохранить.

Всё укутано бережно снежною замятью
По утрам, на заре, лютый холод колюч.
Но живет в каждой веточке светлою памятью
Всё вокруг согревающий солнечный луч.

По весне талый снег с еизбежною участью,
Поседев, все удары судьбы испытав,
Зазвенев, на прощанье, веселой певучестью,
Новой жизни все силы свои передав.

Жадно выпьет земля ручейки те волшебные,
Всё оденет в цветные наряды вокруг,
Чтобы жизнь продолжая, порою весеннею
Повторяла природа извечный свой круг.

* * *

Расставшись с буйством красок, осень
На землю тихо улеглась
А грусть её по дням ушедшим,
Как боль во всем отозвалась.

Поникли нежные рябины –
Ветрами сорван их наряд,
Лишь ягод алые рубины
О прошлом память бередят.

И нас со многим разлучили,
Была судьбы не ровной нить,
Не всё, что в юности любили
Могли с годами сохранить.

Уныло дождь стучит по крышам,
В душе тревога и печаль
Холодным вечером тоскливым
До слёз свои потери жаль.

Но это серое ненастье
Мы вместе сможем пережить,
Чтобы весною с прежней страстью
Любить, надеяться и жить.

Валентина ВЕРВЕКИНА

УЛЕТАЮТ ПТЕНЦЫ

Что-то очень тревожно стучат поезда,
Разрывая гудком тишину на рассвете...
Улетают птенцы из родного гнезда –
Уезжают мои повзрослевшие дети.

Я недавно совсем их несла на руках,
По ночам беспокойно ловила дыханье,
Я учила добру их в словах и делах...
А теперь лишь рукою взмахну на прощанье.

Материнской любви золотая звезда
В ваших странствиях пусть вам дорогу осветит!
Зачерпнуть из истоков любви иногда
Возвращайтесь, мои повзрослевшие дети!

***

Хрусталём подёрнулась речка в тишине,
Подарив спокойствие немолчной волне.

Сонный, опечалился и затих камыш...
Что же ты, любимая, до зари не спишь?

Или мысли-недруги полонили ум?.. –
Отрази ж нашествие невесёлых дум!

Тех, что ополчаются в яви-полусне...
Скрипни половицею в зимней тишине.

Подойди к окошечку, штору отодвинь –
Видишь, поднебесная пробудилась синь!

И, развеяв в прошлое хмурой ночи тень,
Ясно, звонко, песенно всходит новый день! –

Обернись надеждами, выйди на крыльцо
И подставь лучам его милое лицо.

Впитывай по капельке солнечный нектар
И приветствуй радостно жизни Божий дар!

***

Косички – рожками, глаза – лучисто сини.
Скамья у дома, где пришла на свет...
Простая девочка, – ах, как она красива! –
Но мне уж к ней назад дороги нет.

В минуты зыбкие, когда нужна подружка,
А рядом, как в пустыне, никого,
Бежит навстречу босоногая девчушка
Из солнечного детства моего.

Ольга ЗОРИНА

АЛЫЕ ПАРУСА

...Шелка купил для алых парусов.
И шил, и к мачтам тонким их вязал.
И в руки сильные морских ветров
Судьбу свою с надеждой передал.

Он плыл и плыл – всё дальше, всё быстрей,
Пути того не ведая конца,
Но верил – за каким-то из морей
Забьются скоро в унисон сердца...

...На тихом берегу ждала вестей.
В саду растила розы и мечты.
Себя вверяла каждому из дней,
Но были дни безрадостны, пусты.

Она дышала морем каждый миг
И всё ждала: рассеется туман,
И к берегу причалит лёгкий бриг
Прекрасный белокурый капитан...

...Кружили чайки над морской волной,
Летели годы, таяли ветра.
И он вернулся, наконец, домой.
Она в тот день сбирала виноград.

С корзиной полной в порт пришла пешком,
Надеясь лишь на несколько монет.
Она была морщиниста лицом.
Он был не белокур, а просто сед.

Но взвились в небо ало паруса
Под рынды корабельной, перезвон.
И чайка, вскрикнув, взмыла в небеса.
И их сердца забились в унисон.

РАНО

Сердце, как будто открытая рана?
Стонет в разлуке, тоскует, болит?
Значит, расстались вы всё-таки рано,
Значит, отравы бокал не допит.

Лишь осушив всё до капли, до крика,
Можно без горечи встать и уйти,
И убивать равнодушной улыбкой
И равнодушным последним «прости».

ПРИЗРАЧНА МОДА

Голые клёны сырыми ветвями
Тычут на ели. Завидуют, что ли?
Призрачна мода на яркий багрянец -
Пышные листья осыпались сами,
С клёнов сорвав их изысканный глянец.
Ели ж, как прежде, глаза им кололи
Иглами тонкими – иглы вне моды,
Но хороши на любую погоду.

ИЮЛЬСКИЙ ДОЖДЬ

Лижет дождь деревья, крыши
Жарким мокрым языком,
А июль натужно дышит
Хриплым тощим ветерком.

Ночь бредёт, в горячих лужах
Пёстрый замочив подол.
Мотылёк уныло кружит –
В свечке жизни смысл обрёл.

Свечка плачет. Миг – не стало
Голубого мотылька.
Со стола его устало
Равнодушная рука

На пол походя смахнула:
Жизни нет – и смысла нет.
Свечка всхлипнула. Уснула.
Дождь взял старенький кларнет,

Выдул две фальшивых ноты,
Устыдился и затих.
В тишине небритый кто-то
Варит кофе на двоих.

Утро красит бледным цветом
Обнажённые тела.
Ночь, в окно плеснув рассветом,
Покраснела. И ушла.

Ольга БАРАБАШ

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Последняя белая роза цвела в октябре.
Как долго она среди клумбы
пустынной сияла,
С покорною грацией зимнему
ветру кивала.
Последняя белая роза цвела в октябре.

Снежинки лежали на тонких ее лепестках,
Так ярко блестели, как будто
брильянты на шелке
Так ласково, будто
веселого солнца осколки
Снежинки лежали на тонких ее лепестках.

Последняя роза в последние теплые дни.
Рассветы ее обливали
туманом промозглым,
Закаты спускались потоком
морозным и звездным.
Последняя роза в последние теплые дни.

Она не желала сдаваться на милость зимы.
Не слушала сплетен сырых
сквозняков у забора.
Был цвет ее чистым, как снег,
покрывающий горы.
Она не желала сдаваться на милость зимы.

Последнему солнцу даря
венценосный побег!
Так царства слагают на суд победителей
грозных.
Так пахнут весенним теплом
запоздалые розы,
Последнему солнцу даря
венценосный побег.

Татьяна ГРЕЧАНАЯ

* * *

Тихий вечер, солнце село,
Спряталось за облака.
Шариковой ручкой смело
Отражаю жизнь в стихах.

Воздух свежий и осенний,
На дворе ноябрь стоит,
Листья жёлтой каруселью
Время вечное кружит.

Глаз ласкает и тревожит
Цвет осенний золотой,
Скоро снегом запорошит,
И уйдет год на покой.

А потом – расцвет и снова
Мир раскроет чудеса.
И наступит годик новый,
За зимой придёт весна.

Солнце жарче засияет,
Звёзды ярче заблестят.
Каждый год наряд меняет
Жизнь с достоинством наград.

И опять наступит осень,
Тучи в небе, солнца миг.
И деревья листья сбросят.
Птиц прощальный слышен крик.

Так, из года в год, по кругу,
Жизнь, как жёлтый лист кружит,
С севера, с востока, с юга
Время вечное бежит.

* * *

Я люблю тебя, край мой родной,
Я люблю тебя нежно, по-бабьи.
Мне не чужды ни летний твой зной,
Ни лопата, ни тяпка, ни грабли.

Я люблю твоих рек берега
И поющих в них птиц камышовых,
И твои золотые луга
С ароматом травинок сушеных.

На рассвете легко так дышать,
Когда взором окинешь станицу,
Гордость в сердце, что хлеб надо жать,
Собирать золотую пшеницу.

Что станица родная моя
Отработав свой день, засыпает,
И что наша большая земля
Как цветок каждый год расцветает.

Одаряя нас щедро зерном,
Овощами и фруктами сада,
Принося все добро в каждый дом,
И земля наша тоже нам рада.

Мы должны ее нежно беречь,
Быть всегда благодарны за щедрость,
Не ломать, не сорить и не жечь,
Хоть и кажется нам, что все мелочь.

Укреплять ее силу и мощь,
Умножать все богатства земные,
И любить ее сильно еще,
Пока мы на земле все живые.

Наш гость

У талантливого человека и дети талантливы, даже если жизненные ветра занесли нашу землячку, Полину ЭЛЬ ГХАЗИ (Акопову), дочь нашего уважаемого Джона Суреновича, далеко от родной каневской земли. Предлагаем вам её творчество, её стихи, в которых открывается нежная, ранимая душа.

Полина ЭЛЬ ГХАЗИ (Акопова)

ПРОСТО МЫСЛИ

Я в присутствии дня опускаюсь,
Я сжимаюсь в присутствии дня.
Я опять в этой жизни раскаюсь,
И опять разругаю себя.

Потому, что не так все сложилось,
Потому, что не так все пошло, -
Я б хотела любить и смеяться,
Но мне так никогда не везло...

Скоро снег закружится поземкой
И, мои заметая следы,
Обнимая за зябкие плечи,
Уведет от земной суеты.

Я любила и ночи, и грозы,
Полюблю и друзей, и врагов,
И теперь даже горькие слезы
Не наложат на душу оков.

В одиночестве черпаю силы,
Позабыв, где добро, а где зло.
Я б хотела, чтоб все изменилось,
Но мне так никогда не везло...

И застигнутая рассветом,
Я бросаюсь в решительный бой,
Не с ужасным, враждебным мне светом,
А с самою враждебной собой.

Этот мир изощрённо прекрасен,
И учусь я, вокруг всё любя,
Сочетая и боли, и радость,
Как его принимать и себя.

* * *

Я жду минут, когда уснув от звуков,
От мелочной житейской суеты,
Смогу укрыться за стеной молчанья,
Вернув себе утраченные сны.

Меня обнимет нежная печаль
И понесёт волна воспоминаний
Я вызову из бликов мирозданий
Болезненно любимые черты...

И буду обещать и отрицать,
Молиться и опять просить прощенья.
Надеться на милость провиденья,
И новой встречи через годы ждать.

* * *

Я исполню танец среди лиц,
Положив столетья на ладони,
Отпуская прошлое без боли,
Словно стаю пролетевших птиц.

Овевает ветер перемен
Даже сердцевину мирозданья
Для любого божьего созданья
Остановки в этом мире нет.

Мы живем себя не вспоминая,
И не вспоминая о других.
Потому, что наша жизнь такая
И никто к другому не привык.

Мы не помним ни глаза, ни души,
Отвечая на вопросы блиц.
В вихре бесконечности кружимся,
Исполняя танец среди лиц.

* * *

Что-то грустно... Может это осень?
В небе равнодушье птичьих стай.
И никто о будущем не спросит,
А о прошлом лучше не мечтай...

Листья несложившейся надежды-
Прожитого вялая печаль.
Так не живы, так не интересны,
Потому мне их уже не жаль.

Может раньше времени увяли...
Что ушло, то больше не зови.
Пусть они уходят с облаками
Грозовыми грузными шагами
Снова не удавшейся любви.

Проба пера

Бог любит всех, но целует в лоб, награждая талантом, только избранных. Перед вами такой человечек с огромной взрослою душой, её переживаниями, болями и недетским восприятием окружающего мира. Многие в детстве подают надежду в разных видах творчества, но потом в процессе взросления, это куда-то уходит. Верится, Катя, что твоя душа так и останется неуспокоенной, чистой, умеющей сопереживать и твой талант будет только развиваться. А я «...буду рядом навсегда, и завтра, и сейчас».

В. САЯПИН

Екатерина ТЫЩЕНКО

* * *

Никогда не меняйте друзей.
Их нельзя разменять, как монету.
Вы поймёте это поздней –
Ближе друга на свете нету.

Никогда не теряйте друзей,
Ту потерю ничем не измеришь.
Старый друг не вернётся к тебе,
Новым другом его не заменишь.

И не стоит друзей обижать –
Станет раной на сердце обида.
Хоть друзья и умеют прощать,
Дверь в их душу будет закрыта.

Нужно дружбу беречь всегда.
Это чувство длиннее века.
Лучший друг не предаст никогда,
Просто преданней нет человека!

* * *

Ветер из облака вытрясет капли,
Что от лучей солнца слепнут в пути.
И отыскать эту Землю им вряд ли.
Зря я их жду. Их уже не спасти.

* * *

Когда печаль приходит вдруг
С дождливою грозой,
Ты помни то, что я твой друг,
Что я всегда с тобой...
Когда метель заполнит дом,
И холод зимних вьюг,
И днём, и ночью помни то,
Что у тебя есть друг.
Какая б ни была беда,
С тобой в который раз
Я буду рядом навсегда
И завтра, и сейчас...

Ангелина КОВАЛЫК

МАМА

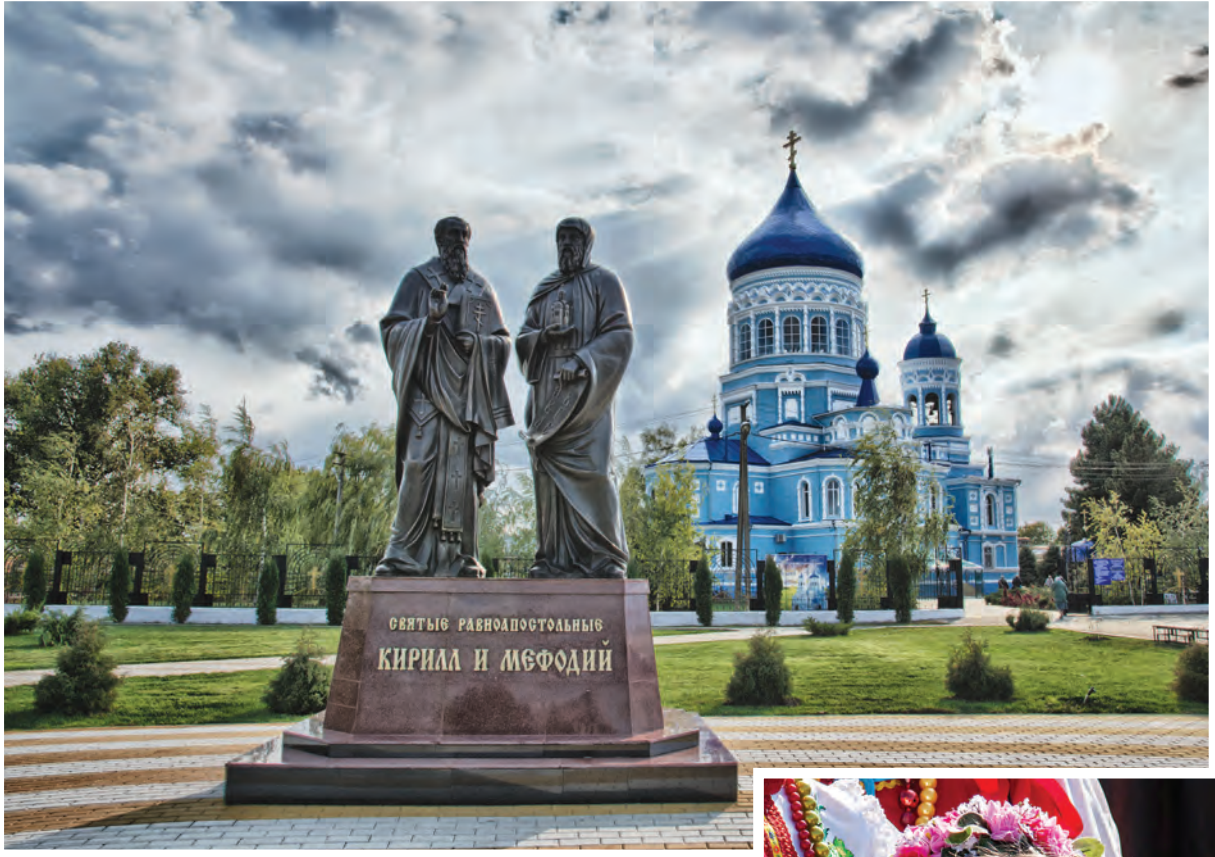
В жизни каждого в мире ребёнка
Есть заветное слово одно.
Это слово проносится звонко
По окрестностям мира всего.

Это слово звучит повсеместно,
Неизменно на всех языках.
И у взрослых оно, несомненно,
Вызывает улыбку в глазах.

В слове «мама» скрываются тайна,
Счастье, радость и слёзы порой.
Иногда маму раним нечаянно,
Вдруг увлёкшись опасной игрой.

Слово «мама» мы знаем с рождения
И с собою по жизни несём.
И лишь только с годами, мудрея,
Маму мы понимаем во всём.

Наши мамы добры и ранимы –
Это должен понять каждый сам.
Дорожите вниманием любимых,
Ведь никто не заменит их нам!


СВЯТЫЕ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ
КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ